

№ 1

2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ
Генеральный директор В. Г. КОЧЕНОВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

К-Ж. Токаев. Президентская дипломатия.

Глава из новой книги «Свет и Тень» 3

Поэзия

Т. Нечаева. Вновь мной услышана стихия...

К другим мирам. Поэмы 25

Л. Мельникова. «Мне хочется порой побыть наедине....».

Стихи 81

Проза

В. Дегтярёв. Супротивцы. Документальный роман 36

Культура. Общество. Личность

В. Могильницкий. Приоритеты Людмилы Мельниковой 84
Горизонты духовности

В. Романов. Потенциал гуманитарной сферы 89

Далёкое — близкое

М. Силин. Сиротское детство. Быль 107

Г. Муканова. Героиня ненаписанного романа 113

На житейских перекрёстках

С. Дьяченко. Вперёд, абитуриенты! 116

Критика и литературоведение

К. Гайворонский. Этическая невменяемость.
Неполемические заметки 127

В. Гундарев. К сведению читателей.
Комментарий к заметкам К. Гайворонского 165

Искусство

С. Беккулова. «Писать, проверяя вечностью...» 169

Сатира и юмор

И. Шухов. Пародии и эпиграммы 172

Изоальбом «Нивы»: из работ Шаймардана Сариева. На первой странице обложки — «Девушки», на четвёртой — «Мать».

Недавно вышла в свет новая книга известного политика и дипломата, председателя Сената Парламента РК Касым-Жомарта Токаева «Свет и Тень».

Этот фундаментальный труд посвящён истории становления, развития и укрепления внешнеполитического курса Казахстана, содержит внушительный массив ценных сведений, исторических фактов, в основе своей практически не известных широкой общественности. Это большая и яркая галерея портретов видных политических деятелей современности — президентов и глав правительств, высших должностных лиц многих стран мирового сообщества.

В книге содержатся интереснейшие наблюдения, увлекательно рассказывает о встречах, переговорах и контактах на высшем уровне, автором использованы уникальные материалы и сведения, не публиковавшиеся в мировой политологической литературе, ознакомление с которыми даёт целостное представление о развитии современного Казахстана, становлении его внешней политики.

Самобытность автора проявилась в безукоризненном стиле, изяществе изложения сложной политической проблематики, искренности суждений и оценок. Книга читается с неослабевающим интересом, как захватывающий роман, главными героями которого выступают поистине исторические фигуры современности.

Предлагаем вниманию читателей «Нивы» главу из книги Касым-Жомарта Токаева «Свет и Тень».

Касым-Жомарт ТОКАЕВ

родился 17 мая 1953 года в Алма-Ате. После окончания средней школы поступил в Московский государственный институт международных отношений. В 1975 году приступил к работе в центральном аппарате МИД СССР, затем был командирован на работу в посольство СССР в Сингапуре, где находился около четырёх лет. С 1979 по 1983 годы занимался в МИД СССР вопросами советско-китайских отношений, возглавлял первую группу советских стажёров, обучавшихся в Пекинском лингвистическом институте. С 1985 по 1991 годы работал в посольстве СССР в КНР, по завершении заграничной командировки окончил Дипломатическую академию МИД РФ.

В 1992 году К.-Ж. Токаев был назначен заместителем министра иностранных дел Республики Казахстан, в 1993 году переведён на должность пер-

вого заместителя министра, а в октябре 1994 года указом президента Н. Назарбаева утверждён в должности министра иностранных дел.

В октябре 1999 года К.-Ж. Токаев был назначен премьер-министром Республики Казахстан, в 2002 году — государственным секретарём — министром иностранных дел. Возглавлял дипломатическое ведомство страны до 2007 года.

В настоящее время К.-Ж. Токаев является председателем Сената Парламента Республики Казахстан.

К.-Ж. Токаев — доктор политических наук, автор ряда книг и многочисленных статей по вопросам международных отношений. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, владеет китайским, английским, французским языками.

Награждён орденами и медалями Республики Казахстан и ряда зарубежных государств.

Касым-Жомарт ТОКАЕВ

Свет и Тень

Глава третья

Президентская дипломатия

Судьба предначертала Нурсултану Назарбаеву стать первым президентом и основателем современного Казахстана. Именно он провозгласил независимость республики в тот период, когда государствообразующая нация — казахи — едва превышали сорок процентов населения. Экономика же молодого государства погрузилась в бездну кризиса. Казалось, что огромная по территории, но сильно подверженная отрицательному, деструктивному влиянию извне молодая страна не выживет.

Можно сто раз обижаться на скептиков, но, предрекая неопределённое будущее Казахстану, они были недалеко от истины. Ведь их рассуждения и прогнозы — это не гадание на кофейной гуще: они базировались на комплексном анализе ситуации внутри и вовне страны.

Известный американский политолог З. Бжезинский роль лидера Средней Азии отводил Узбекистану. По его мнению, открытость границ Казахстана, его “уязвимость” перед Россией и Китаем, сложная демографическая ситуация могли привести к ослаблению молодого государства. М. Горбачёв тоже не верил в будущее Казахстана как дееспособного государства. Его точку зрения разделяли многие политики.

В этих условиях огромное значение имел правильный выбор не только экономической модели, но и внешнеполитических приоритетов. Нужно было концептуально осмыслить основные направления развития страны. Поэтому ещё в 1992 году в свет вышла стратегия становления и развития независимого Казахстана. Впоследствии было подготовлено немало концептуальных документов, в том числе фундаментальная программа развития страны до 2030 года. Другими словами, работа по строительству государства не была спонтанной импровизацией, она осуществлялась на основе продуманных планов и носила системный характер. К разряду стратегических документов можно с уверенностью отнести и послание, с которым президент выступил в 2007 году. В нём содержится комплексный план развития страны на десять лет.

Что касается внешней политики, то её основные приоритеты были разработаны в трёх концепциях, принятых в 1995, 2000 и 2005 годах. В последнем документе Н. Назарбаев подвёл итог дискуссии о приоритетах внешней политики Казахстана. В концепции сказано, что наша страна будет развивать союзнические и партнёрские взаимоотношения с Россией, отношения добрососедства и сотрудничества с Китаем, а также стратегическое партнёрство с США. В суммированном виде глава государства заявил об этом, выступая с посланием к народу в феврале 2006 года. Не забыл президент о Европейском Союзе, странах Средней Азии и мусульманском мире, подчеркнув, что интересы нашего государства касаются и этих регионов.

Казахстану, находящемуся в центре животворных артерий Евразии, сама судьба предначертала вести так называемую многовекторную политику. Замыкаться на одной стране, пусть очень крупной или влиятельной,

для нас было бы неразумно и попросту контрпродуктивно, ибо противоречило бы нашим стратегическим интересам. Казахстан настолько огромен в географическом отношении и важен с точки зрения геополитики, что одномерная внешняя политика была бы совершенно неадекватной его потенциалу.

Действительно, как Казахстан может отказываться от выгодных взаимоотношений с государствами Европейского Союза, если с их стороны такой интерес постоянно присутствует? Было бы неестественным и даже вредным уклониться от сотрудничества со странами Южной и Юго-Восточной Азии, государствами Персидского залива. Что касается республик Средней Азии, то разносторонние связи с ними — это, без преувеличения, наш национальный интерес.

Сегодня, по истечении 16-ти лет со времени провозглашения независимости, многосторонний и сбалансированный характер внешней политики Казахстана представляется совершенно естественным. Но на заре становления казахской государственности было немало дискуссий и сомнений в отношении приоритетов национальной дипломатии. Кто-то предлагал создать дружественный союз с Россией и дистанцироваться от Запада. Другие же советовали не спешить с сотрудничеством с Китаем, отгородиться от этой страны “китайской стеной”. Было также мнение, что в интересах Казахстана — сотрудничество с Западом, уход от “азиатчины” и покровительства со стороны России. Но в конечном счёте восторжествовали здравый смысл и прагматизм.

Однако и по сей день казахстанская дипломатия остаётся предметом споров и критики. Время от времени высказываются советы пересмотреть приоритеты, разработать новые подходы к взаимоотношениям с ключевыми странами. Нередко такого рода мнения звучат за рубежом. Мне доводилось знакомиться с разработками российских аналитических центров, которые отрицательно оценивали достигнутый уровень партнёрства между Казахстаном и США. С точки зрения российских экспертов, нашей стране следовало бы ограничиться сотрудничеством с Европейским Союзом, а развитие отношений с США, образно говоря, передать в компетенцию России. В одном из российских журналов появилась версия о скором создании союзного государства на базе России и Казахстана, что тоже можно было бы рассматривать как попытку выдать желаемое за действительное или, по крайней мере, выяснить мнение официальных кругов нашей страны по этому сомнительному проекту. И у нас в стране иногда раздаются призывы “определиться”, прекратить “сидение на трёх-четырёх стульях”.

В принципе такой разброс мнений — это нормальное явление. Дипломатия не является “священной коровой”, по этому сложному вопросу вправе высказываться все: и специалисты, и неправительственные организации, и обычные граждане. В обмене мнениями оттачивается аргументационный инструментарий, выкристаллизовывается истина. Дипломаты не могут замыкаться в своём кругу, кастовость в вопросах внешней политики совершенно неуместна. Единственное качество, которое должно выделять дипломатов, — это профессионализм.

Вопросам подготовки специалистов-международников президент Н. Назарбаев неизменно уделял повышенное внимание. Во многих университетах открылись факультеты и отделения международных отношений. Была создана дипломатическая академия, её первым ректором

стал известный государственный деятель и дипломат М. Джолдасбеков, много сделавший для подготовки профессиональных кадров.

Отрадным явлением стало то, что дипломатическая служба обрела престижный характер. Ежегодно министерство иностранных дел пополнялось молодыми специалистами, которые впоследствии стали послами, генеральными консулами, возглавили департаменты и даже были назначены заместителями министра. Будущие дипломаты обучаются не только в Казахстане, но и в Московском государственном институте (университете) международных отношений, в дипломатической академии России и аналогичных учебных заведениях целого ряда зарубежных стран. На заседании коллегии МИД в 2005 году Н. Назарбаев высоко оценил профессиональные качества наших специалистов-международников и отметил, что дипломатические кадры востребованы во многих министерствах и ведомствах.

В течение 16-ти лет была создана полноценная дипломатическая инфраструктура в центре и за рубежом, что само по себе является решением задачи исторического значения. Ведь ещё в начале 90-х годов лишь единицы верили в возможность проведения самостоятельной внешней политики и возникновения посольств, консульств Казахстана в основных государствах, в том числе в России, США, Китае, странах Европы, Азии и Ближнего Востока.

В тогдашнюю столицу страны — Алматы — тоже прибыл дипломатический корпус. Первым дипломатом, аккредитованным в Казахстане, оказался американский поверенный в делах С. Макдональд. Но первым послом, вручившим верительные грамоты президенту Н. Назарбаеву, был турецкий дипломат Аргун Озпай.

Затем эту церемонию повторили послы России и Китая. После них в Казахстан прибыли главы посольств США, Индии, Пакистана, Франции, Израиля и других государств. Добрую память оставили о себе послы — истинные профессионалы своего дела: Уильям Кортни (США), Чжан Дэгуан (КНР), Камлеш Шарма (Индия), Бенц Кармель (Израиль), Реаз Мухаммад Хан (Пакистан), А. Мацуи (Япония), Бертран Фессар де Фуко (Франция), Вячеслав Долгов (Россия), Виктор Богатырь (Украина). Своим профессионализмом и доброй волей они в значительной степени способствовали обеспечению политического признания Казахстана мировым сообществом.

В те годы государственный протокол только начал формироваться, сама церемония вручения верительных грамот была максимально упрощена. Послы в сопровождении руководителя администрации и заместителя министра иностранных дел входили в Голубой зал здания, в котором находились служебная резиденция президента и кабинет премьер-министра. Сама церемония длилась не более десяти минут и была лишена всякой торжественности.

Протокол того периода резко контрастирует с нынешней церемонией вручения верительных грамот в резиденции Ак-Орда. Сама архитектура этого роскошного здания уже настраивает участников церемонии на торжественный лад. Главы дипломатических миссий в сопровождении сотрудников протокольного департамента МИД входят в фойе Ак-Орды, где президентский оркестр исполняет государственные гимны Казахстана и страны происхождения посла, после чего в одном из красивейших залов резиденции проходит церемония вручения верительных грамот. Но до этой церемонии главы дипмиссий приглашаются на чаепитие в Мраморный зал, напоминающий по своей конструкции казахскую юрту. А после вручения верительных грамот

послы имеют возможность провести краткую беседу с главой государства фактически “с глазу на глаз”, исключая переводчиков. Это хорошая возможность для них представиться непосредственно президенту, рассказать о своих планах работы в Казахстане и получить напутствия от главы государства. Нередки случаи, когда Н. Назарбаев по итогам таких бесед даёт поручения министру иностранных дел обратить внимание на решение конкретных вопросов сотрудничества с соответствующими странами.

В течение пяти лет сформировался своеобразный “костяк” дипломатического корпуса, состоявшего из представителей государств, имевших конкретные интересы в Казахстане. У меня, как руководителя внешнеполитического ведомства, сложились близкие личные контакты с послами США, России, Китая, Турции, Индии, Пакистана, Ирана, Франции, Испании, Италии, Польши, Венгрии, Чехии, Греции, Литвы, Египта, Саудовской Аравии, Малайзии, Монголии, а также представителями международных организаций: ООН, Европейского Союза и других. Отдельная тема — это контакты с послами государств СНГ, особенно Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана, а также Украины и Беларуси. С ними обсуждались и решались многие важные вопросы двусторонних отношений сотрудничества в рамках СНГ и других международных организаций.

Приятно отметить, что дипломатический корпус постоянно разрастается. Это говорит об усилении международного авторитета Казахстана как ключевого государства в центральноазиатском регионе. Только в последние годы в нашей стране были аккредитованы посольства Кубы, Латвии, Объединённых Арабских Эмиратов, Бразилии, Бельгии, Омана. Достигнута договорённость об открытии дипмиссий Иордании, Катар, Таиланда. Число представительств иностранных государств и международных организаций перевалило за 60, по этому показателю Казахстан вплотную приблизился к Украине, занимающей второе место в СНГ.

Интересная тема — переезд дипкорпуса в Астану. Этот вопрос возник в первой половине 1995 года, вскоре после принятия Верховным Советом решения о переносе столицы. А уже в декабре того года я в качестве министра иностранных дел организовал ознакомительную поездку глав дипмиссий в тогдашнюю Акмолу. Иностранные послы были шокированы видом этого провинциального города. В Акмоле мы увидели выдавший виды старенький аэропорт, а по дороге в центр города — огромные портреты Героев Социалистического Труда. В самом же городе стоял огромный памятник лидеру мирового пролетариата Ленину, а также большой постамент с трактором в честь первоцелинников. Впечатление усугублялось врытыми в землю, покосившимися от ветров и ветхости жилыми домами и, конечно же, леденящим тело и душу морозом. Особенно тяжело пришлось послам тёплых стран — Индии и Пакистана. С их лиц не сходила гримаса удивления и ужаса. Посол Ирана прибыл в Акмолу без шапки и после часового пребывания в новой столице, похоже, собрался в мир иной, куда, вероятно, и отправился, если бы не малахай, любезно подаренный властями города. Посол США Элизабет Джонс потеряла на ветру свою фетровую шляпу, за которой по полю на левом берегу Ишима гонялся практически весь дипкорпус. Это была очень забавная сцена.

Никто из послов не верил в быстрое осуществление плана по переносу столицы. На мои уверения в обратном дипломаты отвечали скептической улыбкой и сухими фразами о том, что город как в инфраструктурном плане, так и с точки зрения климата мало подходит для приёма зарубежных представителей. И только в лице монгольского посла тогда, в холодный

декабрьский день 1995 года, я нашёл своего сторонника. Он сказал, что Акмола ему нравится, своей погодой и зданием она напоминает родной Улан-Батор. По странному стечению обстоятельств монгольское посольство до сих пор не переехало из Алматы в Астану, хотя в нашей столице уже проживает добрая половина дипкорпуса. Но это вопрос, уже не вызывающий беспокойства, так как с самого начала мы, в министерстве иностранных дел, были достаточно терпимы к запросам дипломатов, не торопили их с переездом, напротив, создавали надлежащие условия для комфортного пребывания дипкорпуса в новой столице.

Эта тактика себя оправдала. Дипломаты поверили в реальность реализации амбициозного и смелого плана по переносу столицы и постепенно стали перебираться в Астану. К этому подталкивала и рабочая необходимость, ведь все правительственные учреждения покинули Алматы. К тому же МИД пошёл навстречу дипломатам и значительно упростил организацию их контактов с руководителями ведомств. По новому порядку уже не требуется обращаться в министерства только через протокольный департамент МИД, разрешены непосредственные отношения с казахстанскими учреждениями. Это серьёзный шаг в сторону либерализации режима деятельности дипкорпуса.

Отдельный разговор — работа наших дипломатов за рубежом. В начале 90-х годов мы столкнулись с большими трудностями при подборе специалистов, будь то послов или дипломатических сотрудников для отправки за рубеж. Квалифицированных кадров в достаточном количестве попросту не было, поэтому в посольства направляли лучших сотрудников центрального аппарата МИД, тем самым обрекая себя на двойные-тройные нагрузки. Но другого пути не было, ведь речь шла об укреплении нашей дипломатической инфраструктуры за рубежом.

И в последующем такая кадровая политика осуществлялась, как я считаю, к обоюдно пользе двух неразрывных частей дипслужбы — посольств и аппарата МИД. Она полностью оправдала себя, потому что по истечении нескольких лет мы получили в своё распоряжение грамотных, подготовленных специалистов. Признаться, мне не раз говорили: зачем разбрасываетесь грамотными кадрами, отдаёте их в посольства, не лучше ли оставить при себе, пусть “пашут” на вас, чтобы вы смогли больше отдыхать. Мой ответ был таков: молодым дипломатам нужно дать возможность поработать и в центре, и в “поле”, только так они смогут стать квалифицированными специалистами. Нельзя “привязывать” их к себе, превращать в вечных помощников, если не сказать худшее. Что касается самой работы, то она мне в радость, в суфлёрах я не нуждаюсь.

Надо сказать, что во время работы в МИД я всегда исходил из того, что министр должен полностью владеть всеми основными вопросами международной деятельности Казахстана. Поэтому много времени уходило на изучение всех важных служебных документов, на подготовку писем президенту и в правительство. В принципиальном плане считаю, что руководители крупных коллективов, особенно такого специфического, как дипломатическое ведомство, должны показывать пример своим подчинённым в плане квалификации и трудоспособности, знать и уметь больше, чем подчинённые. Только так можно обрести подлинный авторитет в коллективе.

Решительно не согласен с теми начальниками, которые считают, что главное — распределить поручения среди своих сотрудников. Такие люди,

как правило, в работу по-настоящему не включаются и даже не находят времени для ознакомления со служебными документами. В равной степени мне претят начальники-самодуры, считающие своей первейшей обязанностью держать своих заместителей на “коротком поводке”. Мол, чем тяжелее рука, тем сильнее уважать будут. На самом деле таких руководителей не то что не уважают, но попросту презирают. И действительно, кому интересно день и ночь пропадать на работе и готовить справки для своего начальника-неумехи или писать для него выступления и статьи. Ссылки же таких “горе-министров” на “системность” в своей руководящей работе не выдерживают никакой критики. Это слабое оправдание собственного тяготения к праздной жизни.

Плохо то, что такой стиль работы становится дурным примером для подражания в глазах молодых специалистов. Часть из них заражается бациллой праздности и карьеризма, всеми правдами-неправдами начинают штурмовать командные высоты, чтобы получить возможность “поруководить”. Однажды мне довелось проводить собеседование с кандидатом на руководящую должность в одном из наших посольств. Рекомендованный “сверху” молодой человек обнаружил посредственные знания иностранного языка и истории страны пребывания. На мой вопрос, как он собирается работать с таким интеллектуальным багажом, он, ничуть не смущаясь, ответил: “Я же начальник, моё дело поручения давать”. Другая же часть специалистов, видя такое отношение к делу некоторых руководителей, попросту разочаровывается в государственной службе, замечает в ней только тёмные стороны и в конечном счёте теряет веру в справедливость.

Не хотел бы идеализировать МИД, но в нашей системе всё же выдерживались определённые моральные нормы. Мы всегда старались поощрять способных дипломатов продвижением по служебной лестнице или командировками в посольства за рубежом. Для меня, руководителя МИДа, было крайне важно, чтобы сотрудники министерства чувствовали, что о них помнят и заботятся. В дипломатическом коллективе сложилась добротная корпоративность, основанная на преданности своей профессии.

Принцип — знать и уметь больше, чем подчинённые — неизменно помогал мне во взаимоотношениях с сотрудниками дипломатического ведомства. Надо сказать, что, начиная с октября 1994 года по январь 2007 года, не считая двух с лишним лет, проведённых в премьерском кресле, в моих заместителях побывало 23 человека. Со стороны может показаться, что это была текучесть кадров, но я считал иначе: нужно было дать людям возможность проявить себя на самостоятельной работе в качестве послов, а не “эксплуатировать” и выжимать из них все соки в собственных интересах. Поэтому я рекомендовал главе государства для работы в качестве послов большую группу заместителей министра, директоров департаментов.

Большинство рекомендованных мною дипломатов показало себя с хорошей стороны, и это не может не радовать.

Надо прямо сказать: такое массовое привлечение профессиональных дипломатов к посольской службе было бы невозможно без понимания и поддержки президента Н. Назарбаева, который ещё в начале 90-х годов поставил задачу подбора способных специалистов на ключевые дипломатические должности. Глава государства вникает во все нюансы этой сложной и кропотливой работы, присматривается к кадрам, лично проводит собеседования со многими дипломатами. Ни один указ не был подписан без тщательного изучения профессиональных качеств кандидатов на посольскую должность или на должности заместителей министра.

Данный факт свидетельствует о большом внимании президента к дипломатической службе, в частности, к аспекту формирования её руководящего состава. По-другому быть не могло, ведь Н. Назарбаев известен своей скрупулёзностью во всех вопросах. Поэтому дипломатическая служба, находящаяся под личным патронажем главы государства, не могла остаться в стороне от его внимания.

Президент, согласно Конституции, определяет основные направления внешней политики страны. Другими словами, он непосредственно осуществляет внешнеполитический курс Казахстана. Это не декоративная фраза, а реальное положение вещей. Говорю об этом с полным пониманием ответственности, поскольку почти на протяжении пятнадцати лет имел возможность видеть главу нашего государства в нелёгком дипломатическом деле.

Об этом наш следующий рассказ.

Первым серьёзным испытанием для Н. Назарбаева на дипломатическом поприще стали переговоры с американскими политиками по вопросу о ядерном наследии Казахстана. Эта проблема беспокоила США, поскольку не нашла своего разрешения в декларации о создании Содружества независимых государств. В данном документе лишь отмечалось, что Россия наследует место СССР в Совете Безопасности ООН в качестве ядерной державы, но ничего не говорилось о трёх других республиках — Казахстане, Украине, Беларуси, тоже превратившихся, во всяком случае, де-факто, в ядерные государства. То, что это произошло, легко поддаётся объяснению: в конце 1991 года в постсоветском пространстве царил такой хаос, что подписание декларации в Алма-Ате казалось манной небесной. Создание СНГ предотвращало кровопролитие и конфликты на территории бывшей советской империи. Поэтому более тонкие политические вопросы были отложены до лучших времён, которые не заставили себя долго ждать.

Уже в марте 1992 года мне в качестве заместителя министра иностранных дел довелось принять участие в консультациях в Москве. В повестке дня, по сути дела, был один вопрос: лишение ядерного статуса трёх упомянутых новых независимых государств. Надо отметить, что Россия в тот период не была таким державным государством, каким она стала в начале третьего тысячелетия в годы правления В. Путина. В то время в Москве царила демократическая эйфория, которая отражалась на внешней политике России. Она стала прозападной. Поэтому во время консультаций в российском МИД мы явственно ощущали пристальное око Вашингтона.

Тем не менее переговоры, в которых приняли участие и представители оборонных ведомств, протекали не так гладко, как этого хотелось бы российским дипломатам. Москва настаивала на включении в итоговое заявление положения об отказе Казахстана, Украины и Беларуси от ядерного статуса. В этих условиях были проведены “сепаратные” консультации между представителями трёх стран. По моему предложению Казахстан, Украина и Белоруссия заняли отрицательную позицию в отношении российского предложения. Наша мотивация сводилась к тому, что данная проблема должна решаться на более высоком уровне с привлечением всех ядерных государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН. В ходе бурных дискуссий была достигнута компромиссная договорённость: все три государства наделялись статусом “временно” обладающих ядерным оружием.

Считаю, что это был значительный успех казахской дипломатии, делавшей первые шаги на международной арене. Такое решение этого сложного вопроса открывало путь к дальнейшим переговорам со всеми influential государствами на самом высоком уровне.

Переговоры по ядерному вопросу начались без всякого промедления. Уже в мае 1992 года президент Н. Назарбаев был приглашён с официальным визитом в США, где он провёл очень важный обмен мнениями со своим старым знакомым, президентом Дж. Бушем. Конечно, ядерная проблематика присутствовала в повестке дня переговоров, но главное состояло в том, что была достигнута принципиальная договорённость по всему комплексу сотрудничества с этой глобальной державой.

По сути дела, данный визит положил начало не только казахстанско-американским отношениям, но и нашей знаменитой многосторонней, сбалансированной или, как принято её называть, многовекторной дипломатии, которая впоследствии доказала свою практическую ценность и была признана наиболее адекватной потенциалу Казахстана. Если говорить более конкретно, то во время переговоров в Вашингтоне произошла своеобразная сделка: отказ Казахстана от ядерного статуса в обмен на политическое признание молодого государства, широкое экономическое сотрудничество и помощь ему на международной арене. Это был первый триумф казахстанского руководителя. Американский истеблишмент рассмотрел в Н. Назарбаеве надёжного, предсказуемого партнёра.

В мае 1992 года Казахстан стал подписантом Лиссабонского протокола, присоединился к договору о нераспространении ядерного оружия, официально превратившись в безъядерное государство. Подписание этого документа состоялось в португальской столице под неусыпным контролем государственного секретаря США Дж. Бейкера. Интересный факт: свою подпись под данным протоколом поставил не министр иностранных дел Т. Сулейменов, хотя он находился в составе делегации, а государственный советник Т. Жукеев. Почему это произошло, сейчас трудно сказать. Скорее данный казус следует отнести к особенностям “казахского протокола”, который, как утверждают некоторые остряки, “самый лучший в мире”. Ещё один интересный момент: оба казахстанских представителя прибыли в Лиссабон на самолёте госсекретаря США. Дело было настолько срочным и важным, что американцы решили не откладывать его в долгий ящик. Тем более, в те годы в нашем бюджете не было средств на приобретение авиабилетов из Вашингтона в португальскую столицу.

Но одно дело объявить себя безъядерным государством, другое — фактически избавиться от запасов смертоносного оружия. Общеизвестно, что Казахстан на момент распада СССР обладал крупным ядерным арсеналом, который оценивался как четвёртый в мире. Значительная часть ракет СС-18, получивших на Западе прозвище “сатана”, были нацелены против США. Поэтому обеспокоенность американцев по поводу будущего данного оружия и их заинтересованность в скорейшем решении этой проблемы были вполне понятны.

В подкрепление усилий, предпринимавшихся Белым домом, американские сенаторы Нанн и Лугар выступили с совместной инициативой о “сокращении ядерной угрозы” в постсоветских странах и создании специального фонда на цели разоружения в Казахстане, Украине и Беларуси. Данная инициатива имела положительный эффект для процесса демонтажа

ядерных арсеналов в указанных постсоветских государствах. Впоследствии эти сенаторы стали добрыми друзьями нашей страны, неоднократно посещали Казахстан и были награждены главой нашего государства орденами “Достык” первой степени. Во время визита в Казахстан в 2002 году сенатора Ричарда Лугара я по поручению президента вручил ему эту высокую награду, которую он, несомненно, заслужил.

Вашингтон приветствовал беспрецедентное решение президента Н. Назарбаева о закрытии Семипалатинского ядерного полигона. Данная акция продемонстрировала всей планете миролюбие и ответственность нарождающегося казахского государства за мир и безопасность. Это решение послужило своего рода пропуском для Казахстана в мировое сообщество и укрепило позиции Н. Назарбаева в клубе мировых лидеров.

Впоследствии появились критики, поставившие под сомнение правильность курса на ядерное разоружение Казахстана. Дескать, “поспешили”, “надо было выторговать более выгодные условия”. Абсурдность подобного рода рассуждений совершенно очевидна. О какой “торговле” можно вести речь, если Казахстан своим решением обеспечил беспрепятственное вхождение в сообщество цивилизованных государств и заявил о себе как о зрелом, надёжном и ответственном партнёре? Нельзя забывать, что ядерные амбиции могли дорого обойтись Казахстану и свести на нет перспективы его существования как независимого государства. Наш народ, так долго стремившийся к независимости, мог оказаться в международной изоляции, что полностью противоречило бы нашим национальным интересам. Казахстан, попав в компанию стран-“изгоев”, не смог бы воспользоваться преимуществами широкого международного сотрудничества. Никто не рискнул бы направлять инвестиции в государство, пользующееся плохой репутацией в мировом сообществе. Поэтому трудное решение президента Н. Назарбаева о присоединении Казахстана к клубу безъядерных стран было абсолютно правильным и в долгосрочном плане способствовало укреплению международных позиций нашего государства.

Не будет преувеличением сказать, что испытание на зрелость и ответственность Казахстан как молодое независимое государство с честью выдержал. Наша страна обрела хорошую международную репутацию, последовательно выступая за укрепление режима нераспространения ядерного оружия. Голос Казахстана был слышен на всех многосторонних форумах, в том числе на обзорной конференции ООН по выполнению договора о нераспространении ядерного оружия, на конференции ООН по разоружению. В бытность министром иностранных дел мне не раз приходилось выступать в Нью-Йорке и Женеве по этому важному вопросу. Наша страна, можно с уверенностью сказать, выстрадала эту принципиальную позицию, ведь именно на казахской земле проводились разрушительные по своим последствиям ядерные испытания в трёх средах. Поэтому вовсе не случайным является создание именно в Казахстане международного движения “Невада — Семипалатинск”, выступающего за прекращение испытаний смертоносного оружия и построение безъядерного мира. Это движение возглавил известный общественный деятель и поэт Олжас Сулейменов, получивший твёрдую поддержку президента Н. Назарбаева, который поставил свою подпись на историческом документе, положившем конец ядерным испытаниям в Казахстане.

Позднее, в 2007 году, президент Дж. Буш сделал такое заявление: “В истории США ещё не было лучшего партнёра в деле ядерного нераспространения, чем Казахстан”.

Глава государства проявил твёрдость во время проведения переговоров с руководителями американской администрации по вопросу о подписании рамочных соглашений относительно уничтожения ядерной инфраструктуры и вывода ядерных боеголовок с территории Казахстана в Россию. Белый дом настаивал на безоговорочном и немедленном подписании документов. Н. Назарбаев высказал справедливое мнение, что заключению столь важных соглашений должна предшествовать договорённость о масштабном политическом и экономическом сотрудничестве между Казахстаном и США. Об этом он недвусмысленно заявил эмиссару президента Б. Клинтона, государственному секретарю Уоррену Кристоферу, приехавшему в нашу страну в октябре 1993 года.

Надо сказать, что госсекретарь США прибыл на переговоры в несколько благодушном настроении, рассчитывая, по-видимому, на скорый результат. К тому же он, не имея дипломатического опыта (до назначения на эту высокую должность он возглавлял юридическую компанию и в этом качестве оказывал полезные услуги будущему президенту Б. Клинтону), не смог найти нужную тональность во время переговоров с президентом Н. Назарбаевым, который настоял на повышении уровня переговоров по широкому кругу вопросов взаимного сотрудничества. Обескураженный У. Кристофер после завершения неудачной для него миссии был вынужден признать, что казахстанский руководитель — «твёрдый орешек», с которым не просто договориться. Он заявил, что Вашингтон учтёт пожелание Н. Назарбаева и направит на переговоры в Казахстан вице-президента США.

Уже через месяц в Алматы появился Альберт Гор. Это была его первая поездка в Центральную Азию. Он пожертвовал рождественскими праздниками, чтобы встретиться с президентом Казахстана и договориться с ним о подписании важных соглашений по демонтажу ядерного оборудования. С казахстанской стороны уделялось повышенное внимание данному визиту, до самого его начала шла вязкая работа с американским посольством по согласованию отдельных положений пребывания вице-президента в Алматы. В то время рабочие взаимоотношения между МИД и международным отделом администрации президента, мягко говоря, были далеки от нормальных и этот неприятный момент отрицательно сказывался на процессе подготовки столь важного дипломатического мероприятия. Тем не менее все проблемы — протокольные и по существу визита — в конечном счёте были улажены, что открыло путь к переговорам, которые оказались успешными. По-другому быть не могло, поскольку вопрос о подписании соглашений был предreshён.

Н. Назарбаев и А. Гор подписали крайне важный документ — соглашение о демонтаже шахтно-пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, ликвидации последствий аварий и предотвращении распространения ядерного оружия. Заключение данного соглашения имело широкий международный резонанс и пошло на пользу Казахстану, делавшему первые самостоятельные шаги в сфере дипломатии.

Не менее важной была договорённость о развитии сотрудничества между Казахстаном и США по широкому спектру вопросов, в том числе в области энергетики, привлечении инвестиций в нашу страну, а также в сфере безопасности. Показательно, что в ходе переговоров было достигнуто согласие о создании совместной комиссии Назарбаев — Гор. Эта комиссия полностью оправдала своё предназначение и успешно выполняла стоявшие перед ней задачи. Мне довелось участвовать в заседаниях данной комиссии, встречаться

с её сопредседателем, вице-президентом А. Гором. Поэтому моя уверенность в правильности решения, принятого в декабре 1994 года, зиждется на конкретных результатах работы такого специфического органа. Надо отметить, что американцы дали согласие на создание совместных комиссий только с Россией и Казахстаном. И это лишний раз подтверждает успех первых масштабных переговоров с демократической администрацией США.

Переговоры с А. Гором оказались столь результативными по причине неординарного отношения к нему со стороны Н. Назарбаева, который не стал ограничивать себя протокольными условностями, а принял высокого гостя у себя дома. Атмосфера домашнего уюта и сердечного гостеприимства произвела на вице-президента такое сильное впечатление, что при каждой встрече с Н. Назарбаевым или со мной он неизменно вспоминал то непринуждённое общение за ужином. Угощение, предложенное хлебо-сольным хозяином, было более чем необычным для американского руководителя: конские деликатесы, мясо по-казахски с непременно атрибутом, предназначенным для почётного гостя, — бараньей головой. После трапезы А. Гору был показан домашний концерт в исполнении самого президента и его старшей дочери Дариги. Вице-президент был в восторге и, как нам позднее сообщили американские коллеги, в подробностях рассказывал о своих впечатлениях Б. Клинтону и сотрудникам Белого дома.

В этом мы имели возможность убедиться сами во время посещения Вашингтона в октябре 1995 года. Сотрудница протокольной службы Белого дома, сопровождая Н. Назарбаева на встречу с вице-президентом А. Гором, сказала, что год назад самой горячей новостью в Вашингтоне была среднеазиатская кухня. Её, как экзотический факт, живо обсуждали во всех властных кабинетах США. Выслушав словоохотливую спутницу, наш президент невозмутимо ответил: “Это было в моём доме”. Американка сильно засмутилась, ведь она надеялась на другую реакцию высокопоставленного собеседника. На её счастье в коридоре с распростёртыми объятиями появился вице-президент, который сам охотно погрузился в воспоминания о том памятном вечере.

Впоследствии было много контактов и переговоров с американскими руководителями. Некоторые встречи запомнились своей содержательностью и непринуждённостью общения.

К разряду таких событий можно отнести переговоры Н. Назарбаева с Б. Клинтонем в ноябре 1997 года. Это была их вторая официальная встреча, а первая состоялась в феврале 1994 года. Тогда был подписан очень важный документ — Хартия о демократическом партнёрстве. Следует подчеркнуть, что та встреча на высшем уровне состоялась спустя два месяца после поездки вице-президента А. Гора в Казахстан. Другими словами, в начале 90-х годов события в двусторонних отношениях буквально наслаивались одно на другое, их динамика была очень высокой. По-другому быть не могло, так как этого требовала сама логика нарождавшегося сотрудничества. В Вашингтоне хорошо понимали важность Казахстана как долгосрочного партнёра по многим стратегическим вопросам. Что касается президента Казахстана, то он придавал исключительно важное значение взаимоотношениям с США, справедливо полагая, что эта глобальная держава является серьёзным гарантом независимости нашей страны.

Так оно и случилось. Уже в декабре 1994 года США, Россия и Великобритания предоставили свои гарантии безопасности Казахстану. Это произошло в рамках саммита ОБСЕ в Будапеште. Президенты Б. Клинтон, Б. Ельцин

и премьер-министр Дж. Мэйджор в ответ на историческое решение главы нашего государства об отказе от ядерного наследия и присоединении к договору о нераспространении ядерного оружия поставили свои подписи под документом о гарантиях безопасности. Позднее подобные же гарантии предоставили Франция и Китай. Таким образом, Казахстан заручился полной поддержкой постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Поэтому переговоры в Вашингтоне в конце 1997 года проходили на достаточно благоприятном фоне. К данному времени был накоплен серьёзный задел сотрудничества не только в сфере безопасности, но и в экономике, особенно в энергетике. Развернула свою деятельность компания “Шеврон”, казахстанский рынок успешно освоили и другие известные энергетические мегакомпании — “Мобил”, “Экссон”, “Амоко”. По объёму инвестиций в Казахстане США вышли на первое место, что не могло не радовать Белый дом.

Президент Б. Клинтон был радушен и не скрывал своей радости по поводу очередной встречи с человеком, так много сделавшим для обеспечения стратегических интересов США в своей стране. Буквально задевая потолок дышащего историей здания, Б. Клинтон вышел навстречу Н. Назарбаеву, чтобы проводить его в Овальный офис, где у камина проходят все важные международные встречи хозяев и гостей Белого дома. Это место у камина хорошо известно всему миру, поскольку постоянно показывается во всех новостных передачах американского телевидения. На самом деле данное место приёма иностранных делегаций представляет собой небольшой уютный кабинет, в котором с трудом умещаются члены делегаций и корреспонденты. Но американцы не комплексуют по этому поводу, потому что знают: очень многие главы государств и руководители правительств хотели бы побывать у них в гостях, чтобы поговорить о самых актуальных вопросах международного сотрудничества.

Так было и в тот погожий ноябрьский день. Поздоровавшись, мы расселись друг против друга на скромных стульях и принялись фиксировать ход переговоров. Они были очень содержательными. Американского президента интересовала ситуация в России и точка зрения по этому вопросу “главного специалиста” — президента Казахстана. С удовлетворением выслушав подробные и аргументированные разъяснения Нурсултана Абишевича, Б. Клинтон предложил перейти к обсуждению основных вопросов двустороннего сотрудничества. В то время Белый дом был сильно вовлечён в разработку трубопроводных проектов и активно лоббировал стратегический маршрут Баку — Джейхан, предлагая Казахстану присоединиться к нему. Положительное отношение к данному проекту означало бы отход от активного сотрудничества с Россией, с которой уже была достигнута договорённость о строительстве нефтепровода к Чёрному морю (КТК). Поэтому Н. Назарбаев был осторожен в своих высказываниях, сделав акцент на том, что Казахстан привержен многовекторной стратегии экспорта собственных энергоресурсов. Он подробно рассказал о мировых тенденциях в этой сфере, чем вызвал неподдельное изумление американских руководителей, которые в таких вопросах обычно полагаются на помощь экспертов.

Б. Клинтон во время переговоров постоянно обращался за советами к членам своей команды, в которой выделялись первый заместитель государственного секретаря С. Тэлботт и специальный советник по СНГ Дж. Коллинз (позднее он был назначен послом в России). Они быстро набрасывали записки-подсказки, которые затем по цепочке, через руководителя

администрации и вице-президента, передавались непосредственно Б. Клинтону. Тот попросту зачитывал их, дополняя краткими комментариями, которые, как правило, начинались словами: “США считают, что...”

Переговоры завершились договорённостью о стратегическом партнёрстве в области энергетики. Показательно, что во время визита состоялось подписание многомиллиардного контракта о разработке месторождения “Кашаган” на шельфе Каспийского моря с участием крупнейших американских компаний. Президенты договорились о тесном сотрудничестве в области безопасности и других важных сферах. Позднее данные договорённости сыграли важную роль с появлением необходимости принятия совместных мер для борьбы против международного терроризма. Казахстан решительно и без предварительных условий поддержал антитеррористическую операцию США и других стран-участников коалиции в Афганистане, подписав необходимые соглашения.

С приходом к власти республиканцев активные контакты с Белым домом не прекратились. Более того, Н. Назарбаев постоянно встречался с такими видными представителями этой партии, как Дж. Буш и Дж. Бейкер. Во время вышеупомянутого визита в США президент совершил поездку в Хьюстон, чтобы встретиться со старыми друзьями. В этой необычной для дипломатического протокола акции проявилось искреннее уважение казахского лидера к выдающимся американским политикам, сыгравшим ключевую роль в превращении Казахстана в субъект международного права и его признании мировым сообществом.

Поэтому Н. Назарбаеву было нетрудно найти общий язык с новым хозяином Белого дома Дж. Бушем, с которым он провёл первую официальную встречу уже в декабре 2000 года. По обыкновению наш президент накануне визита встретился с его отцом, который напутствовал казахского руководителя и просил оказывать необходимое содействие менее опытному политику — своему сыну. Однако Дж. Буш-младший проявил норов, дав понять, что не во всём намерен следовать советам своего отца. На шуточную угрозу отца “наказать ремнём”, переданную Н. Назарбаевым, президент США с громким смехом отреагировал в том плане, что ещё никому не удавалось сделать это в отношении него и отцу тоже не будет исключения, хотя он воздаёт ему должное как видному политику и бывшему президенту США.

В 2006 году президент США публично продемонстрировал свою независимость, отказавшись принять рекомендации специальной комиссии по Ираку во главе с Джеймсом Бейкером. Хотя ни для кого не было секретом, что именно отец действующего президента направил своего давнего соратника, бывшего госсекретаря в Вашингтон, чтобы помочь Дж. Бушу выбраться из иракской авантюры. Вопреки ожиданиям президент-сын не стал прислушиваться к советам бывшего политика-отца и заявил об отсутствии планов вывода войск из этой арабской страны. На прямой вопрос Н. Назарбаева о взаимоотношениях с хозяином Белого дома Дж. Буш-старший, горько усмехнувшись, сказал: “Он меня не слушает”. Об этом разговоре, состоявшемся в конце сентября 2006 года в родовом поместье Бушей, хотел бы поведать читателям более подробно.

По уже устоявшейся традиции Н. Назарбаев в канун своего официального визита в США решил встретиться с отцом действующего президента, чтобы вспомнить былое, обсудить настоящее и заглянуть в будущее казахстанско-американских отношений. В доме, расположенном на самом берегу

Атлантического океана в городке Кеннебанкпорт штата Мэн, президента радушно приняли Джордж Буш и его жена Барбара. На эту встречу был приглашён давний друг и соратник 41-го президента США, известный политик и бывший специальный советник по национальной безопасности Брент Скоукрофт. С нашей стороны президента сопровождали руководитель администрации А. Джаксыбеков, автор этих строк, М. Тажин (ныне министр иностранных дел) и К. Саудабаев (в то время — посол в США, сейчас — государственный секретарь).

Н. Назарбаева и Дж. Буша-старшего связывают деловые отношения и давняя дружба. Казахстанский лидер был приглашён в родовое поместье семьи Бушей в штате Мэн. Сентябрь, 2006 г.

Родовое поместье семьи Бушей, как поведали нам его нынешние хозяева, было построено ещё в середине XVIII века прадедом действующего президента США. Он вместе с другими соотечественниками бежал из Европы, точнее сказать — из её британской части, спасаясь от преследований католических иезуитов-мракобесов, и прибыл в благословенную Америку в поисках счастья, богатства и спокойствия. Это они, первые поселенцы, поклялись упорно работать и неустанно молиться во благо новой страны, приютившей их, чтобы «построить сияющий город на высокой горе» — процветающую Америку. Им это удалось. Они превратили США в первое государство мира, до сих пор притягивающее к себе всех страждущих, будь то материально или духовно. США стали государством надежды и мечты. Даже скептики вынуждены признать, что без США мир был бы другим, он был бы гораздо хуже. Один из идеологических столпов американской идеи, прославленный президент Рональд Рейган, назвавший СССР «империей зла» и предрешивший её исчезновение с карты мира, часто называл США «сияющим городом на высокой горе». Тем самым он воздавал должное первым поселенцам-пилигримам, основавшим нынешнюю сверхдержаву. В том числе и предкам известной во всём мире семьи Бушей.

Президентская чета приветствовала нас во дворе дома, где на высоких флагштоках развевались национальные флаги Казахстана и США. Этот факт подтверждал полуофициальный характер предстоящей встречи. Стоявшие на расстоянии ста метров многочисленные туристы охотно фотографировали президентов. Хозяева дома пригласили нас в гостиную комнату и принялись угощать чаем и прохладительными напитками. Сам же

Буш сказал, что не прочь выпить немного водки со льдом (именно так, с нашей точки зрения, совершенно нетрадиционно, употребляют на Западе этот алкоголь), чем сильно удивил нас. Нельзя забывать, что на момент встречи ему исполнилось 83 года! Но на смену удивлению пришло искреннее изумление, когда хозяин поместья заявил, что собирается совершить парашютный прыжок с самолёта. На наш вопрос, чем вызван этот диковинный и очень опасный план, он сказал: “Хочу доказать всем, что и в старости можно полноценно жить и дышать полной грудью”. Правда, Барбара не согласилась с этим тезисом, отметив, что категорически противится решению мужа. Выяснилось, что после первого прыжка с самолёта, предпринятого по случаю 80-летия Джорджа Буша, она больше недели не разговаривала с ним, таким образом выражая протест.

Эта трогательная история предопределила атмосферу искреннего обмена мнениями по самым острым вопросам международной ситуации.

Начали с Ливана. В то время в этой многострадальной стране шла настоящая война. Израильская армия в ответ на провокационные действия “Хезболлы” начала массированные бомбардировки жилых кварталов, где, по её предположению, скрывались арабские боевики. Естественно, эта непродуманная акция повлекла за собой многочисленные жертвы среди ливанского населения, в том числе погибло много детей. В мире стала нарастать волна возмущения против действий израильского правительства во главе с Э. Ольмертом. О боевиках, проводивших антиизраильские акции с ливанской территории, вспоминали мало и неохотно. Вопрос о войне в Ливане был поставлен в повестку дня специального заседания Совета Безопасности ООН. Американская администрация оказалась в трудном положении, она попала под огонь критики не только за рубежом, но и внутри страны. США стали заложниками собственной про-израильской позиции. Постоянные консультации с конфликтующими сторонами и челночные визиты госсекретаря Кондолизы Райс пока не давали результатов. В этой тяжелейшей ситуации понадобилось вмешательство ООН, которая вновь продемонстрировала свою незаменимость. Длительные переговоры на “ООНовской площадке”, прежде всего в Совете Безопасности, в конечном счёте привели к положительному результату. В Ливане под эгидой ООН разместились миротворческие силы, израильская армия вышла из этой многострадальной страны.

Дж. Буш сказал, что Б. Скоукрофт в период боевых действий между Израилем и Ливаном посетил ближневосточный регион, и предложил ему высказаться об этом конфликте. Тот охотно вступил в беседу, отметив, что ситуация в регионе полностью разбалансирована, благоприятный момент решения палестинской проблемы упущен. Нам показалось, что от его высказываний пахло критикой нынешней американской администрации, возглавляемой сыном гостеприимного хозяина дома. Но Дж. Буш и глазом не моргнул, невозмутимо отпивал водку из большого бокала, предназначенного для виски.

Далее Скоукрофт сообщил, что во время поездки в регион встречался с египетским президентом Х. Мубараком, который выразил обеспокоенность по поводу усиления шиитских сил на Ближнем Востоке (“Хезболла” — боевой отряд шиитских клерикалов). Израиль, по его словам, находится в состоянии шока, его безопасное будущее под большим вопросом. Поэтому наиболее оптимальная политика — это налаживание взаимоотношений

с палестинцами. В противном случае репутацию Израиля будет трудно спасти, весь мир возмущён действиями его военщины. Самое главное — рухнул миф о непобедимости израильской армии, которая потерпела серьёзное поражение в Ливане.

Н. Назарбаев, похоже, был согласен с выводами опытного политика. Он сказал, что корень ближневосточной проблемы — это взаимоотношения между Израилем и Палестиной. До тех пор, пока евреи и палестинцы будут воевать и спорить друг с другом, ситуация на Ближнем Востоке не улучшится. Затем президент высказал интересное предложение: подключить к процессу ближневосточного урегулирования так называемые “умеренные” мусульманские государства — Турцию, Пакистан, Марокко, Иорданию, Катар, Объединённые Арабские Эмираты, Египет и, конечно же, Казахстан. По мнению Нурсултана Абишевича, именно через такие государства можно было бы осуществить модернизацию ближневосточного региона, отдалить его народы от исламского радикализма. “Кто-то должен подсказать действующему президенту США, что исламский мир в одночасье изменить невозможно, лекциями и грубыми действиями здесь не поможешь, наоборот, навредишь, — продолжал свою мысль президент. — Надо брать пример с успешных исламских государств, например, с Казахстана, где в мире и спокойствии проживают и мусульмане, и христиане, и иудеи, и представители других религий и конфессий”. Далее Н. Назарбаев подчеркнул, что успех ближневосточного урегулирования “на 70 процентов зависит от США”.

Тут в беседу включился сам Дж. Буш, который выразил согласие с высказываниями президента Казахстана. По его словам, Израиль действительно прислушивается к голосу США, но так бывает далеко не всегда — “там слишком много политики”. Затем бывший президент поведал нам историю, которая поразила нас своей откровенностью. В конце 80-х годов он со своей командой был в Израиле, где сказал, что эта страна не получит 10 млрд. долларов в качестве кредита, пока не нормализует свои отношения с палестинцами. “По возвращении в Вашингтон американские средства массовой информации спустили на меня всех собак. В бой вступило произраильское лобби, которое громогласно заявило, что отказывает в доверии Белому дому”.

Обычно американские политики, являющиеся представителями касты “белых протестантов”, воздерживаются от публичной критики национальных общин, проживающих в США, поскольку это выходит за рамки политкорректности. Для президента Н. Назарбаева Дж. Буш сделал знаковое исключение, которое можно было рассматривать как своеобразное приглашение к раскованному и доверительному обмену мнениями.

Наших собеседников явно заинтересовало предложение Н. Назарбаева о создании своеобразной коалиции умеренных мусульманских государств. Дж. Буш высказал совет проинформировать об этой идее вице-президента Д. Чэйни, который хорошо разбирается в ситуации на Ближнем Востоке. Я обратил внимание на то, что он не упомянул в этой связи ни своего сына, ни госсекретаря К. Райс. По всей видимости, именно Чэйни, работавший ещё в администрации Р. Рейгана в качестве министра обороны, вызывает наибольшее доверие со стороны “старой гвардии” республиканцев.

Вице-президент США Д. Чэйни, несмотря на жёсткую критику оппонентов-демократов и средств массовой информации, признаётся самым умным человеком в нынешней администрации. Его интеллектуальные

качества удачно сочетаются с внешним обликом: с лица Чэйни не сходит многозначительная ироническая усмешка, разительно похожая на скрытую улыбку Моны Лизы. Кто-то из журналистов в этой связи едко пошутил, что, мол, с такой внешностью вице-президенту нужно было бы работать гробовщиком — настолько он уныл и загадочен.

После взаимных откровений собеседники перешли к обсуждению самой острой для американцев проблемы — Ирана. Дж. Буш подчеркнул, что в США пристально наблюдают за поведением Казахстана на международной арене и обратили внимание на его дружественные отношения с этим государством. Поэтому мнение казахского лидера об Иране имеет первостепенное значение для Вашингтона.

Высказывания Н. Назарбаева по этому вопросу были откровенными и интересными. С его точки зрения, Иран — это важный фактор не только региональной, но и глобальной политики, эту страну нельзя игнорировать и тем более третировать. Гораздо продуктивней — попытаться найти общий язык и достичь хотя бы мизерного компромисса. От Ирана во многом зависит будущее трубопроводной системы в регионе, в частности, по Каспийскому морю, а также юридический статус этого водоёма. Страна входит в тройку мировых держав по запасам газа, что предопределяет её хорошие взаимоотношения с таким важным государством, как Россия, которая заинтересована в получении газовых ресурсов из нашего региона для последующего экспорта в Европу. В то же время нельзя угодничать перед Ираном, заигрывать с клерикалами, которые подталкивают страну на путь милитаризации. Президент Ахмадинежад лишь с виду прост, на самом деле он ведёт тонкую игру, рассчитанную на укрепление потенциала собственной страны, обеспечение её доступа к современным, в том числе к ядерным, технологиям. Его цель — усилить позиции шиитов в мире, и это у него пока неплохо получается. В Ираке шииты, по сути дела, пришли к власти, хотя в этом немалая заслуга самого Вашингтона. Президент Ирана пикируется с Западом, держит в напряжении Израиль. Но даже с ним можно и нужно вести переговоры. Хороший пример — Казахстан, поэтому мы могли бы оказать свои услуги в этом деликатном деле.

Н. Назарбаев далее заметил, что самый актуальный вопрос — это строительство трубопровода в Центральной Азии. Без него невозможно обеспечить альтернативное снабжение европейских стран газом. Возрастает роль Туркменистана, если эта страна сможет подтвердить собственные обязательства по поставкам газа России, Китаю, Украине. Усиливаются позиции Китая. И, безусловно, сохраняет своё влияние Россия, имеющая естественные интересы в нашем регионе.

Внимательно слушавший информацию нашего президента Дж. Буш вдруг попросил своего секретаря принести атлас мира, чтобы визуально представить себе ситуацию в Центральной Азии. При этом бывший президент США, ничуть не смущаясь, сказал: “Я уже забыл географию Вашего региона”. В моих глазах он стал более уважаемой личностью, ведь только сильные и уверенные в себе люди могут признаться в незнании какого-либо вопроса. И лишь самовлюблённые посредственностью считают, что им подвластны любые проблемы. Такие правители надувают щёки и делают вид, что разбираются во всех тонкостях. Что касается Дж. Буша, то он был естественен в своём желании разобраться в этой ситуации, чем вызвал к себе дополнительные симпатии.

Склонившись над картой, президенты продолжили обсуждение геополитических вопросов. Н. Назарбаев подчеркнул, что Казахстан привержен строительству трубопроводов в сторону наиболее перспективных рынков. Он сослался на завершение строительства нефтепровода в Китай мощностью до 20 млн. тонн нефти, отметив, что этот проект является наглядной демонстрацией многовекторной энергетической политики нашего государства. С улыбкой посмотрев на собеседников, президент сказал, что в коммерческом плане наиболее выгодным и привлекательным является трубопровод по иранской территории, но приходится учитывать позицию США, поэтому реализация этого проекта откладывается. Скоукрофт не преминул показать живость ума и посоветовал направить основную часть казахстанской нефти в Турцию для последующего экспорта в Европу. На это замечание Нурсултан Абишевич отреагировал без промедления, сказав что у нас хорошие соглашения с Россией: Казахстан транспортирует нефть через трубопроводную систему Атырау — Самара, а также через нефтепровод Атырау — Новороссийск. В то же время он согласился с тем, что необходимо иметь альтернативные маршруты экспорта энергоресурсов.

Последний тезис стал точкой соприкосновения аргументов обеих сторон и послужил хорошим поводом для продолжения беседы уже за обеденным столом. Подали зелёный салат, лобстеры (омары) и “королевские” креветки. Хозяйкой стола была Барбара, она внимательно контролировала процесс обслуживания гостей и в то же время не выпячивала свою роль, вела себя скромно, но достойно. Сказывался огромный опыт общения с главами иностранных государств в качестве первой леди США. В нужные моменты она вступала в общий разговор, но делала это тактично и естественно, её высказывания были к месту и не нарушали общий ход беседы, которая была очень интересной.

К вышесказанному следует добавить, что полновластным хозяином данного родового поместья является не Дж. Буш, а Барбара. Она строго следит за порядком в доме. Как-то её сын, президент США, приехал погостить в отчий дом и по обыкновению, развалившись в кресле, положил ноги на кофейный столик. И тут же получил нагоняй от матери за непристойное поведение. Что касается Дж. Буша-старшего, то он отвечает в доме за организацию развлечений: прогулки на катере, игры в гольф с сыновьями, в домашнее хозяйство он не вмешивается. Президент США, по признанию Барбары, редко бывает в этом доме, он предпочитает техасское ранчо, где чувствует себя в своей тарелке.

Дж. Буш и Н. Назарбаев приступили к обсуждению ядерного вопроса. По словам бывшего президента США, решение Казахстана отказаться от ядерных амбиций и присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия оказалось судьбоносным, так как оно открыло путь к равноправным взаимоотношениям со всеми державами мира. Президент Казахстана явил собой пример ответственного подхода к режиму нераспространения и укреплению глобальной безопасности. Мир ещё полностью не оценил его заслуги в этой сфере.

Но наш президент не стал расслабляться под воздействием столь изысканных комплиментов и заявил, что, к сожалению, опыт Казахстана не является примером для подражания в современном мире. Вначале Индия и Пакистан стали ядерными государствами, потом к разработке

смертоносного оружия приступила Северная Корея. Большие вопросы имеются к ядерной программе Ирана. В мире очень много так называемых “пороговых” стран, готовых в любой момент произвести атомное оружие. Израиль, судя по всему, уже обладает таким арсеналом, но открыто об этом не заявляет. Всё это происходит при попустительстве ООН и, конечно же, ведущих держав, прежде всего США. Это не может не вызывать сожаления, ведь мир в большой опасности.

Буш и Скоукрофт согласились с этими тревожными рассуждениями, но наметнули, что основные события, ставшие предметом серьёзной обеспокоенности в мире, в том числе в Казахстане, произошли во время восьмилетнего правления демократов во главе с Клинтоном. Политика попустительства радикалам и экстремистам привела к плачевным результатам: международный терроризм в конечном счёте совершил нападение на США. Затем последовала контроперация в Афганистане, но её результаты и последствия пока не ясны. В целом, по мнению американских политиков, мир стал гораздо менее безопасным по сравнению с периодом распада СССР.

Надо сказать, что будучи вне большой политики, но имевшие прямое отношение к распаду Советского Союза Буш и Скоукрофт с неподдельным интересом обсуждали эту тему. Причём их интересовали не столько характер событий, сколько детали, в том числе относящиеся к поведению конкретных личностей, прежде всего Горбачёва и Ельцина. У меня сложилось впечатление, что эти американские политики по сей день никак не могут понять, почему первый президент СССР, обладая всеми властными полномочиями, так и не решился применить их, чтобы покончить с Ельциным и другими участниками соглашения в Вискулях. Буш и Скоукрофт каждый раз возвращались воспоминаниями в то, уже далёкое, неспокойное время, задавали вопросы, что-то сами рассказывали. Они интересовались мнением Н. Назарбаева о событиях того периода. Интересные наблюдения Нурсултана Абишевича, его откровенные высказывания о людях и событиях превратили застолье в незабываемое дипломатическое мероприятие. И хозяева дома, и Скоукрофт посчитали нужным отметить, что получили искреннее удовольствие от состоявшейся беседы с лидером Казахстана. Буш даже пошутил, что теперь понимает, почему на прошедших выборах Н. Назарбаев получил более 90 процентов голосов избирателей, и добавил: в США такое невозможно — другая политическая культура.

Но и тут наш президент не остался в долгу, сказав, что в этом было проявление благодарности народа за существенный прогресс в экономике, рост благополучия населения, внутреннюю стабильность, что резко отличает Казахстан от большинства государств постсоветского пространства. Поэтому США должны быть заинтересованными в укреплении сотрудничества с нашей страной, нельзя нравоучениями отталкивать от себя верных партнёров. Политика — это извлечение максимума возможного из сложившейся ситуации, и здесь США должны идти впереди, показывать всем странам хороший пример. Раньше Советский Союз ненавидели во многих странах мира, эту державу считали грубой, несправедливой, экспансионистской. Теперь её отрицательный образ, к большому сожалению, примеривают на себя США. Это несправедливо, но такова печальная реальность.

Буш нехотя согласился с этими откровениями своего собеседника, сказав, что ошибки со стороны администрации всё же были совершены и привели к ухудшению репутации США во всём мире. Понадобятся время, усилия, чтобы выправить ситуацию. Но она не безнадёжна: фундаментальные основы экономики, политики и морали США по-прежнему незыблемы, и это вселяет уверенность в светлые перспективы государства. Здесь наступил черёд согласиться и президенту Казахстана.

В качестве компромисса прозвучала фраза Б. Скоукрофта: “Бывают дома большие, но неопрятные. Ваш дом, господин президент, небольшой по сравнению с соседними, но в нём, благодаря Вам, царит порядок”. Мы хорошо поняли, что имел в виду этот политик, и поэтому охотно согласились. Дж. Буш, похоже, тоже был удовлетворён этой удачной мыслью своего верного соратника.

По понятным причинам я не могу раскрыть в этой книге полное содержание состоявшейся дискуссии и переговоров, поскольку обсуждались вопросы, не подлежащие разглашению. В этой связи вспоминается моя служебная характеристика по окончанию командировки в Китай, она перечисляла мои достоинства как сотрудника советского посольства и завершалась фразой: “государственную тайну хранить умеет”. Поэтому не буду разочаровывать автора этой многозначительной характеристики и лучше расскажу о том, как хозяева родового поместья размещали нашего президента на ночлег.

Бывший президент США и его супруга предложили Нурсултану Абишевичу и сопровождающим его лицам осмотреть комнату, в которой лидеру Казахстана предстояло провести ночь. Барбара лично проверила, включены ли обогреватели и правильно ли висят шторы в спальне. Затем она заправила подушки и одеяло и с материнской гордостью сообщила: “Вы будете спать на кровати, которая когда-то принадлежала нынешнему президенту США”. Нурсултан Абишевич отреагировал мгновенно: “Хорошо, что на этой кровати не спала Ваша невестка Лора Буш”. Под общий смех Барбара ответила: “Моя невестка спала на соседней кровати”.

На такой весёлой ноте мы расстались со знаменитой четой Бушей и пожелали спокойной ночи нашему президенту. Но ему не спалось, и поэтому мы вышли во двор, чтобы подышать свежим морским воздухом и обменяться впечатлениями о состоявшейся беседе. Нурсултану Абишевичу явно не хотелось оставаться одному в скромной спальне действующего президента США, но с другой стороны, мы понимали, что в этом приглашении хозяев дома — проявление неподдельного уважения к казахстанскому лидеру американского руководства. Н. Назарбаев на прощание даже пошутил: “Будто к близким родственникам нагрянули в гости”. На следующий день предстояла морская прогулка на личном катере 41-го президента США. Мы, сопровождающие лица, поехали ночевать в соседнюю гостиницу, чтобы ранним утром предстать перед своим руководителем в полной физической и умственной готовности.

На другой день нас ждал ещё один сюрприз. Выяснилось, что большой катер мощностью тысячу лошадиных сил поведёт сам Дж. Буш. Поначалу в это как-то не верилось, ведь хозяин дома находится в преклонном возрасте, но его обещание не оказалось пустой бравадой. 83-летний Буш уверенно направился к штурвалу морского судна и так разогнал его по воде, что всем пассажирам пришлось крепко держаться за свои места, чтобы не вывалиться из катера. И немудрено, ведь его скорость превысила (в пересчёте с миль) 80 км в час.

А до отбытия в океан мы стали свидетелями трогательной сцены: 41-й президент США самолично рылся в чулане дома в поисках подходящей спортивной обуви для нашего президента. Наконец он нашёл кроссовки, которые оказались впору Нурсултану Абишевичу. Во всём этом сквозила неподдельная естественность и проявление сердечного гостеприимства. Очень беспокоилась за экипировку дорогого гостя и хозяйка дома Барбара. Затем она вышла на пирс, чтобы напутствовать своего мужа и президента Казахстана перед путешествием по океану. Барбара даже попросила Буша не увлекаться скоростью, но, похоже, сама не верила, что её смелый муж прислушается к этому пожеланию. А напоследок она сфотографировала бывшего и действующего президентов своей “мыльницей”.

В тот же день, попрощавшись с президентской четой, воспитавшей трёх сыновей, в том числе главу самого мощного и влиятельного государства в мире и губернатора крупного штата, мы вылетели в столицу США, чтобы встретиться и провести переговоры с 43-м президентом этой страны Дж. Бушем.

Президент Н. Назарбаев блестяще провёл переговоры в Белом доме с президентом США Дж. Бушем. Вашингтон, сентябрь, 2006 год.

Интересно, что в июле 2007 года в этом же доме на побережье Атлантики состоялись переговоры В. Путина с президентом США Дж. Бушем. Похоже, американский лидер не случайно выбрал своё родовое гнездо в городке Кеннебанкпорт в качестве места встречи с “другом Владимиром”. Этот дом располагает к доверительному разговору, в чём мы сами убедились. Всё было так, как годом раньше принимали нашего президента. Гостеприимные Дж. Буш-старший и Барбара и даже тот же набор блюд во время обеда. Но освещение в средствах массовой информации, по понятным причинам, было гораздо шире. Хоть и в неформальной обстановке и без подписания соглашений, тем не менее, там, в родовом поместье Бушей, прошёл американо-российский саммит. Правда, известный политолог Збигнев Бжезинский отрицательно оценил его итоги, отметив, что лидерам двух держав не удалось устранить наслоения, накопившиеся в двусторонних отношениях в последние годы.

Продолжение в следующем номере.

Тамара НЕЧАЕВА

Вновь мной услышана стихия...

Поэма

1

Растаял снег, и под горою
Последний белый островок
Стекает талою водою
На колею степных дорог.

Душа томилась, ждать устала,
И жаркий ветер ветки гнул.
Ты зачерпнул водицы талой
И мне в ладонях протянул.

И вот спешим дорогой длинной
На встречу солнца и луны.
Полна цветущая долина
Цветов и запахов весны.

И в звёздах небо голубое,
Там, в небесах, растаял день.
Шум тополиного прибоя,
Высоких крон и свет, и тень.

Сверкали молнии от счастья!
Весёлый гром гремел с небес.
Открылось небо для причастья,
Омыт дождём, молился лес.

Лил дождь от края и до края,
Лил дождь слепой, лил дождь грибной.
И гром гремел, напоминая
Сплетённый с небом путь земной.

Дождём пролились тучи рая,
Был белый свет и чист, и прост.
Из глубины его, играя,
Встал над землёй воздушный мост.

От восхищенья тайным знаком
Был в играх неба и земли.
И расцветал пурпурным маком
Закат в космической пыли.

2

Под грома дальние раскаты
Ещё спешим сквозь быль времён.
Там волшебством земля объята
И воздух счастьем напоён.

Небесный свод — в огне творенья.
Дневная ярче всех звезда.
Свет глаз твоих — моё спасенье,
И ты — везде, и ты — всегда.

Ещё прохладой дышит вечер
И убегают тени вдаль.
Ещё прекрасны наши встречи,
За них души отдать не жаль.

Земля ковёр зелёный стелет,
И видно, как трава растёт.
Там песни лета — птичьи трели,
И укрывает небосвод.

Там были с небом мы едины,
Манило небо звёздным сном.
Времён волнистые седины
Степным склонялись ковылём.

Была природа равной с нами,
И ветер в скалах утихал.
А у подножья лунный камень
О вековых мечтах вздыхал,
Оторванный от скал родимых,
Где прячет золото рассвет,
Где стаи туч, грозой гонимы,
Свой оставляют лёгкий след.

3

Несёт нам время измененья.
Но свет и время есть одно.
Как свет, проносятся мгновенья,
А счастье вечности равно.

Когда становишься ты светом,
Ты тоже времени творец,
Но изначально ждёт с ответом
Нас за углом всему конец!
Пришла разлука вместо смерти.
Холодный ветер ветки гнёт,
Зима на том и этом свете —
От боли холод не спасёт.

Мир глух и нем, и равнодушно
Вновь побеждённых судит он,
Придёт беда — раскроет дружно
Все двери ей со всех сторон.

4

А сон и память, обжигая,
Твердят, что ты ещё со мной.
Метель от края и до края
Сплетает с небом путь земной.

Спрошу леса, спрошу я горы,
Спрошу бессмертного Творца:
— Зачем мне вечные просторы,
Где больше нет его лица?

И вечность ли страданья мера?
Не возвратит той жизни вновь.
Надежды нет, погибла вера.
И в бездну сброшена любовь.

Мне не спешить навстречу счастью,
Стою под грозами одна.
Мне твоего не ждать участия,
Разлука выпита до дна.

Мне не мечтать, мечтам не сбыться,
Неслышно молодость ушла.
Из клетки выпорхнула птица —
Душа свободу обрела!

5

Весны грядущей обещанье —
В садах осенняя листва.
Урок прощенья и прощанья
Мы все усвоили едва.

Цветы и листья умирают,
Живые корни прячет снег.
И снова камни собирает
Для новых храмов человек.

6

Ответил мне Владыка мира
Святых писаний языком:
Не сотвори себе кумира,
Чтобы не стать его рабом!

И нет кумиров, кроме Бога.
Мы сотворяли их всегда,
И ждал нас часто у порога
Путь, не ведущий никуда.

Когда любовь придёт земная,
Сильна, как жизнь, одна, как смерть,
То превратит волна морская
В песок и пыль земную твердь.

Нам ветер пел в степи безбрежной,
Что всё пройдёт, уйдёт в песок.
Мы — гости в этом мире грешном,
А Дом наш вечен и высок.

Не заблудись во тьме духовной,
Когда погаснет в жизни свет.
Предстанет мир пустыней ровной
Тому, любви в ком больше нет.

Нам для души Создатель жизни
Дал тяготения закон.
Как свет покинутой Отчизны,
Издалека приходит Он.

7

Из горя счастье добывая,
Мы понимаем, Боже мой,
Что жизнь дана нам дорогая,
Что все пути ведут домой.

В себе мы чувствуем природу,
И жизнь есть вечная борьба
То за духовную свободу,
То за насущные хлеба.

И потому я жизнь приемлю,
Что жизнь другая впереди,
Что посылают нас на Землю
Учиться жить с огнём в груди.

Нести Его огня частицу,
Неугасимого вовек.
На эту Землю причаститься
Не раз приходит человек.

В моей душе вместилась вечность!
И вижу я со стороны,
Как жизни этой быстротечность
Уносит всё — и явь, и сны.

Неотвратимо к просветленью
Уносит нас событий рок.
Не удержать времён течение,
Не повторить судьбы урок.

За то, что в жизни прошлой было,
Я и ответчик, и истец.
Даёт космическая сила
Мне одиночества венец.

8

Вот вечер жизни, тих и светел,
И суетой уж не томим,
В окно стучит тревожный ветер,
И тучи грозные над ним.

Вновь мной услышана стихия!
Она свободно до сих пор
Нам дарит тучи грозовые,
Стремнины рек, вершины гор.

И пламя солнц, и силу бури,
Лесов нескитанную рать.
И их тоску в белёсой хмури,
Осенних пашен благодать.

9

Рассвет над морем золотится,
Утихли волны, не спеша,
В скалистый берег бьётся птицей
Волны покорная душа.

Сегодня всем стихиям встречу
Опять назначила весна.
Идёт любви вселенской вече,
Короткой ночью не до сна.

Из солнца вытканы и света,
Земного праха и огня,
Проходят люди, как планеты,
В сердцах сокровища храня.

10

Во все века звала стихия.
Чтобы услышать Божий глас,
В поля цветов, леса глухие
Уходят иноки от нас.

Тибет — основа мирознания!
В горах, на грани всех миров,
Освобождённое сознание
Теряет груз земных оков.

Вот с Елеона вниз спустился
Иисус, народом окружён,
Освободить наш мир явился
От рабства ненависти Он.

11

Жива стихиями природа!
От суеты людской вдали,
Там есть покой, и есть свобода.
Мы — дети неба и земли.

Сон золотой весна навевает,
Родятся сказки и мечты.
Опять крестьянин в поле сеет,
Из зёрен вырастут цветы.

Ещё дорога станет пылью,
И далеко нести свой крест.
Ещё во сне несут нас крылья,
Возносит счастье до небес!

К другим мирам

Поэма

1

Нам для души Создатель жизни
Дал тяготения закон.
Как свет покинутой Отчизны,
Издалека приходит Он —

Сказать, что не было разлуки,
Лишь испытания пора.
Его невидимые руки
Уносят нас к другим мирам.

2

Отдам рассвет, который не был,
Отдам весеннюю грозу,
Любви земной, что больше неба,
Отдам последнюю слезу.

Не сделать мне её кумиром —
Растаял утренний туман.
Не может долго править миром
Сон золотой или обман.

Отдам обратно всё земное,
Где всё пройдёт, остынет кровь,
Лишь Ты возьми меня с собою
Туда, где вечная любовь!

3

Словно призрак, луна
Над горами плывёт,
Светлой грусти полна,
Свет серебряный льёт.

Шелохнулись кусты,
Зашумела трава,
А в горах с высоты
Ангел душу позвал.

А потом, облетев
Рокот горной реки,
Поздней птицы напев
Разнесли ветерки.

Что-то дикое есть
В этих лунных горах.
Звёзды молча шлют весть
О далёких мирах.

Наше солнце — окно,
Где живёт Благодать,
Нам пока не дано
За окном побывать.

То ли явь, то ли сон
Этой лунности свет,
Тихий вечности звон,
Жизни краткий рассвет?

4

Рядом, здесь, в вышине
Рай Создатель открыл.
Мы там были во сне
У подножья горы.

Жизнь, как сон, коротка,
Счастье — сон в этом сне.
И забвенья река
Всё хранит в глубине.

Вверх стремится душа,
Плоть вниз тянет её,
Позабыли, греша,
Назначенье своё.

Унесло под грозой
Рай с Земли в небеса,
И над пеплом слезой
Проливалась роса.

“Что внизу, то вверх”,
Только наоборот.
И вослед по стиху
Проза жизни идёт.

5

Открываю глаза —
Вижу звёзды Твои.
Быть поэтом нельзя
Без высокой любви.

С ней — чарующий сон —
Этой лунности свет,
Тихий вечности звон,
Жизни краткий рассвет.

6

Под высоким крылом
Засыпает земля,
И луна серебром
Осыпает поля.

А в реке над волной
Звёзд плывут жемчуга,
Где стоят под горой
Одиноко стога.

Снова солнце встаёт
Нам рассветы дарить.
Завтра будет народ
Бога благодарить —

За домашний уют
И за хлеб на столе,
За Отчизны приют,
Счастье, мир на Земле.

7

Как сойдутся века
На высокий совет,
Провиденья рука
Даст на всё нам ответ.

8

Знай, кто оставил жизни цену,
Из круга вырвавшись страстей, —
Постиг тот высших истин цену
И что на свете нет смертей.

В стране поэзии хрустальной —
Стихий вселенских стон и звон.
Там подсознание изначально
И дух томиться обречён.

И никуда от них не деться —
Творцы мистических картин,
Глаголят истину младенцы,
В пример властителям седин.
Они вчера пришли Оттуда,

На них священная печать.
Как нас, их ждёт души остуда,
Как им не плакать, не кричать.

А ветер день за днём уносит.
Дни наши вместе соберут,
За неисполненное спросят,
Оценят наш духовный труд.

И неотступное, как совесть,
Сознание мира — здесь, вокруг.
Из жизни схваченная повесть
Развеет чей-нибудь досуг.

9

Прошло земное. Стихли страсти.
Закончен мой земной урок.
Нет над душой свободной власти,
А путь и вечен, и далёк.

И потому с великой жаждой
Я обращаю к небу взор.
В саду цветущем тополь важный
Со мной вступает в разговор.

Плывут по небу стайкой мимо
В края другие облака,
С землёй прощаются любимой,
И как они, их грусть легка.

Душа с крылами не рассталась,
Им над землёй её нести.
Из вышней жизни мне досталось —
Во всём до истины идти.

Проходит всё, и блёкнут тени.
Где та любовь, чтоб мир объять?
Судьба нас ставит на колени,
И мы должны из пепла встать.

10

Когда проявятся зачатья
И облетит весенний цвет,
Пусть скажут вам — все люди Братья!
Где братья — Люди, горя нет.

Забыли мы, что значит братство.
Падут завесы, вскрыв обман.
Но мы уже не ищем рабства,
Не для того нам выбор дан.

Кумиров старых смыло время,
Других выносит вверх поток.
Но мы одно людское племя,
И с нами истина и Бог!

11

В полночном небе сны носились,
Их раздавал потом рассвет.
И силы тёмные бесились,
Как тени, там, где света нет.

Но каждый день восходит Солнце,
Неправым, правым светит вновь.
Ты раствори своё оконце,
Прими свет истин и любовь!

Их не поместишь в эту строчку.
В краю, где нет седых времён,
От века вечность сжата в точку.
Там сохранения закон

Взамен времён — любовь рождает.
Источник чистый, как родник,
Оттуда бьёт, не иссякает.
Он был всегда, он не возник —

Живой источник нашей силы,
Он ждёт, когда наступит час,
И вспомним мы про Дом наш милый,
Где помнят, ждут и любят нас!

12

Духовной жаждою томиться,
Не опираясь на канон,
Чтобы святой любви напиться!
И пусть земной продлится сон.

Вот вечный двигатель, который,
Имея, ищет млад и стар.
Она, любовь, сдвигает горы,
Она — талант и божий дар.

Отринь души своей границы,
Впусти весь мир, весь свет впусти,
Как мудрый змей, как ночи птица,
Не заблуждаясь на пути.

Любовь высокая нам светит
На тыщи лет, на тыщи вёрст,
Она за шар земной в ответе,
Доходит свет её до звёзд.

13

Любовь к Отчизне поднимала
Народ на подвиг боевой.
Ей в узком мире места мало,
Как Дух, летая над толпой,

Она родную душу видит,
Идти на подвиги веля.
Кто за Отчизну биться выйдет
С великим именем — Земля?

Мы все из этой колыбели,
Земляне, граждане Земли.
Здесь наши предки песни пели
И в эту землю полегли.

И помнит небо песен звуки,
Как было больно петь струне
О неизбежности разлуки,
О невозвратной стороне.

14

Проходят годы вереницей,
Как горы, стражи на посту.
Дождёмся мы — падут границы,
Нас братья встретят на мосту.

Дождёмся мы — завесы минут,
И рядом будет Дом родной.
Нас силы тёмные покинут,
Так сон закончится земной.

И станут вечностью мгновенья!
Откройте зрение и слух —
Пришли на Землю измененья,
И время новое, и Дух.

15

И истиной, от нас сокрытой,
Вдруг обернётся новизна.
Мы, дети Бога, не забыты,
Мы все — Семья Его одна!

У неба нам любви учиться,
Долготерпенью — у Земли.
И ждать рассвета и томиться,
Мосты сжигать и корабли,

Как наши предки добывали
Победу в праведном бою,
И на алтарь любви слагали
И жизнь свою, и песнь свою.

Нам высоко нести над бездной
Наш негасимый вечный Свет,
Чтобы Земля в пучине звёздной
Светила всем зоны лет!

Владимир ДЕГТЯРЁВ

*Документальный роман***От автора**

В романе использованы материалы уголовного дела № 4915 Павлодарского областного суда (Казахстан) по обвинению четверых верующих-баптистов в нарушении законов СССР.

События происходили в 1981-1982 годах.

Дело № 4915 стало необычайно громким, хотя органами КГБ было сделано всё, чтобы о его существовании не узнали за пределами города Павлодара.

Почему партийные и карательные органы сначала старались раздуть факт ареста группы верующих, а потом утаить от общественности судебный процесс над этими людьми? Ведь за год по всей громадной империи возбуждалось более десятка подобных дел. Суть в том, что политическая элита страны, в Центре и в национальных республиках, остро чувствовала, что приходит конец благодушной “эпохе Брежнева”, что в стране назревают перемены, которые остановить невозможно. Одна часть элиты жаждала и требовала кардинальных социально-экономических перемен, другая же боялась и настаивала на существовании общества в застойных традициях. В этой тайной борьбе двух политических течений мнение народа не учитывалось. Наоборот, та и другая сторона активно блокировали любые проявления инакомыслия или самостоятельности отдельных категорий граждан. Поскольку никто не был заинтересован в том, чтобы выносить внутренние политические дразги на свет, перед всем миром. Требовался удобный внешнеполитический враг, гонения на которого в законодательном порядке не имели бы разрушительных последствий. Такой “внутренний враг” отыскался в образе незарегистрированной религиозной конфессии баптистов.

**Владимир
Николаевич
ДЕГТЯРЁВ**

родился в 1954 году в Кировской области. В 1982 году окончил ВГИК (Всесоюзный государственный институт кинематографии по специальности “литературный работник кино и телевидения, киносценарист”).

С 1961 по 1997 год жил в Павлодаре. С 1974 г. работал на студии телевидения. Прошёл за двадцать лет путь от помощника режиссёра до заместителя председателя Павлодарской областной телерадиокомпании. С 1994 года — совладелец и руководитель частной телерадиокомпании “Ирбис”. В 1997 г. переехал в Новосибирск.

Автор сценариев художественных фильмов “Красный обоз”, “Восточный коридор”, свыше тридцати документальных и музыкальных видеофильмов. Издал три сборника рассказов, три военно-приключенческих повести, несколько документальных книг, документальный роман “Супротивцы” (который “Нива” и предлагает вниманию читателей), написал авантюрно-приключенческий роман “Бугровщики” (об эпохе Екатерины Второй), пять пьес.

Во втором номере “Нивы” за 2007 г. опубликована статья Владимира Дегтярёва “Имя дома твоего”.

Борьба государства против своих верующих граждан и борьба этих граждан за свою свободу и является основной темой предлагаемого читателю документального повествования. Основная линия сюжета подлинна. Она построена на воспоминаниях и рассказах действующих в романе лиц, на документах из архивов Казахской ССР, на фактах из многочисленных бесед с верующими-баптистами. Автор признаётся читателю, что некоторые второстепенные эпизоды вымышлены, но они близки к правде. Конечно, автору пришлось для усиления драматичности повествования ввести в роман диалоги. Однако они служат и другой цели — вводят читателя в среду, где происходит действие, окрашивают характеры героев.

Автор, по понятным причинам, изменил несколько имён, людей ныне здравствующих, имеющих отношение к органам государственной безопасности, однако имена страстотерпцев за веру остались реальными. Если они узнают о себе правду в романе, автор будет только рад.

Автор позволил себе в приводимых документах убрать различные детали: исходящие, входящие номера, визы секретарей и руководителей: кто принял, передал, должности, звания и тому подобное.

Максимально смягчён жаргон спецслужб.

Автора могут спросить: откуда ему известны подробности? Ответ прост: за 25 лет журналистской карьеры в одном городе, в одной области мало остаётся тайн для внимательного человека. Кроме того, один мудрец сказал: “Если я знаю человека — я знаю город. Если я знаю город — я знаю страну. Если я знаю страну — я знаю весь мир”.

*Посвящается 2000-летию
от Рождества Христова,
последователям Его
и гонителям их*

Часть I

Труженик на Божьей ниве

1. Оперативная группа

В динамике, за обшивкой автомобильного салона, слева от водителя, три раза громко щёлкнуло: “подъём”. Полагалось соблюдать радиомолчание, поэтому центральная диспетчерская переговаривалась со своими автомашинами щелчками спецсвязи.

Младший по возрасту, не по званию — Виталий Самохин, спавший за рулём, дотянулся рукой до селектора под декоративной панелью “Жигулей”. Зевая, щёлкнул тумблером один раз: “Вас понял, диспетчер”.

В синих “Жигулях” их спало трое из оперативного отдела УКГБ по Павлодарской области. Старший группы — Тохтар Ахметов, своей тушей заполнил весь задний салон. Лейтенант Владимир Пашин спал справа от водителя. Во сне он иногда стонал и пинал коленом то переднюю панель, то дверцу автомашины.

Машина пряталась на краю пшеничного поля, в лесопосадках, шириной в двенадцать рядов. Уходящие за горизонт ровные ряды тополей, берёз и густых кустов смородины символически обозначали границу России и Казахстана.

Тот, кого они ждали, должен был сейчас, утром, появиться со стороны России в жёлтых “Жигулях” четвёртой модели. Весь вопрос заключался в

том, где он поедет, потому что дорог в степи немеряно. Из Барнаула в Казахстан можно попасть по сотне направлений.

А тот, кто сидел в жёлтой машине, эти дороги знал с детства, особенно те, что не отмечены даже на военных топографических картах.

Поэтому, по особой договорённости спецслужб РСФСР и Казахской ССР, по российским дорогам его должны были “вести” российские оперативники и “на границе передать казахстанцам в пределах прямой видимости и явного опознания объекта”.

Нынешняя засада оперативной группы организовалась после десятка серьёзных бумаг с грифом “секретно”, прошедших долгий путь от нижней до верхней “инстанций”, и наоборот.

Служебная записка

РСФСР
Москва, КГБ
Васину

От 16.02.1981 года

За последнее время увеличилось количество нелегальной религиозной литературы, поступающей из России, предположительно из Барнаула, в прилегающие районы Казахстана. Экспертиза показывает, что брошюры, изъятые в ходе оперативных мероприятий, изготовлены в Сибири полкустарным способом и малыми тиражами (до 5000 штук). Редко, в небольших количествах, изымались книги “Библия”, “Евангелие”, однако качество их полиграфического исполнения позволяет заключить, что они изготовлены за рубежом (предположительно в ФРГ) и их проникновение в Союз ССР происходит по каналам связи с родственниками (почта).

Руководство также не исключает возможности использования дипломатических каналов для переброски в СССР вышеуказанной религиозной литературы.

Для устранения распространения нелегальной религиозной литературы руководство Управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров Казахской ССР предлагает провести совместный рейд и по материалам задержания перевозчиков нелегальной религиозной литературы провести соответствующие мероприятия.

Казахстан
Алма-Ата, УКГБ
Утепов

Получив служебную записку Утепова, начальник особого отдела по борьбе с нарушениями законодательства о религиозных культах полковник КГБ Васин вызвал своего заместителя и дал почитать бумагу:

— Если уж казахи взвыли, то делать нечего. Надо пошуровать как следует в Барнауле, а особенно по пригородным сёлам. Ну, местные органы знают, где черти водятся...

Заместитель был постарше Васина, поизощрёнее:

— Не торопись, Васин, не торопись. Вопрос этот политический. Наложим дров на три поленицы, так что звёзды с погон полетят. Конечно, если пустим в Сибири “гребёнку”, придётся совать за решётку человек пять или десять, расходы свои оправдывать... У нас, в Союзе, всё будет тихо-тихо, никто не вякнет... А вот за рубежом всякие защитники взвоят, ты же

знаешь этих баптистов-нелегалов... Умеют писать и пишут много... Как на этот вой посмотрит Политбюро, а? Лучше пустим эту бумагу тихим ходом...

Васин повертел бумагу и сунул её в самую нижнюю папку. Своего заместителя он не терпел за полный непрофессионализм, но обязан был послушаться — заместителя ему прислали из высших партийных органов.

Служебная записка

Казахстан
Алма-Ата, УКГБ
Утепову

От 05.03.81 г.

На №... от 16.02.81 г.

С Вашими выводами согласны.

Оперативные мероприятия по Барнаулу, и Алтайскому краю в целом, отрабатываются. По согласованию с Вами, разрешено провести один совместный рейд.

Для более широкомасштабной операции по выявлению и последующей нейтрализации нелегальных типографских точек и активных распространителей нелегальной религиозной литературы Совета Церквей евангельских христиан-баптистов требуется согласие "Инстанции".

РСФСР
МОСКВА, КГБ
Васин

Пока в машине сотрудники ворочались и кряхтели, Самохин ловко приспособил на земле самодельное трёхное устройство. На него поставил котелок с водой, а рядом — большую солдатскую банку тушёнки. Яростный огонь паяльной лампы в несколько минут разогрел тушёнку и вскипятил чай.

— Вот так наживают медали и язву желудка, — сказал хмурый Пашин. — Третий день одно и то же меню.

— Уже кончилось это меню, — отозвался Самохин. — Нынче вечером будем жрать кильку в томатном соусе с сухарями.

— Сегодня к вечеру должны нас сменить, — подал наконец голос старший группы Ахметов, — но хорошо бы до вечера шайтана этого заловить...

Он долго рылся в салоне, но требуемое нашёл. В поллитровой бутылке оставалось грамм 150 водки. Ахметов выпил её прямо из горлышка.

— Вам не рекомендую, — шумно выдохнул он, — горькая...

Выскреб до дна тушёнку и громко зашмыгал чаем.

Самохин продрался через широкую лесополосу на российскую сторону, просто постоять, неспешно отлить на землю предков. На российской стороне всю зеленела пшеница. День начинался тихий, безветренный. Солнце незаметно слизнуло росу. Начало июня, лакомые летние радости... по трое суток не спать и не бриться... жрать из банок тушёные обрезки туберкулёзных коров! В Архангела Гавриила и трубу его дуй!

Самохин услышал призывные маты Ахметова и со злостью вернулся на казахстанскую землю. Все ситуации перехвата транспорта оговаривались не раз, но Ахметов, встряхнувший водкой организм, ощутил начальственные позывы.

Он достал карту, размеченную на квадраты, сделал из стебля пшеницы указку и строгим голосом начал:

— Я уверен, “Димка-шайтан” пойдёт через Славгород на Яровое, потом, полями — на село Борисовку.

— Ясное дело — домой он поедет... — уточнил Самохин. — Десять раз талдычим одно и то же... Надоело...

После консервного завтрака его мучила изжога и морил сон.

— Да, домой! — рыкнул Ахметов, — он пойдёт полевыми дорогами, и обнаружить его одной нашей группой тяжело. Вот на что у него расчёт... На шоссе он боится ГАИ...

— Чего спорить, чего спорить, — встрял Пашин, — к нам его россияне подведут хоть по полям, хоть по шоссе, хоть вверх ногами, а мы уж, по силе возможности, как-нибудь захомуем супротивца. Только бы он, байстрюк, с грузом шёл, а не пустой. Иди к нам с грузом, Дима! — заорал вдруг Пашин на всё поле, — я в отпуск хочу и премию!

2. Дмитрий Эннс

В этот раз Дмитрий Эннс с самого начала замыслил повторить перегон от Барнаула до родного села по дорогам между полями. Он уже несколько раз удачно гонял транспорт этим кривым путём. Чем кривее, тем ближе! На прямом шоссе транспорт запросто перехватят сотрудники ГАИ, и соваться на асфальт Дима не собирался даже с советским школьным букварём в автомобиле.

А сейчас и в салоне, и в багажнике его машины лежало почти 500 экземпляров “Вестника истины”, 1000 экземпляров “Срочного сообщения”. Эти брошюры и листовки ждали верующие братья в молитвенных домах от Павлодара до Алма-Аты. В крепко упакованном бумажном мешке, как особая ценность, лежали сорок Библий.

Дима ещё месяц назад придумал замечательный манёвр, если, не приведи Господь, обнаружится погоня. Манёвр был прекрасен и прост как молитва из “Псалтыря”.

Далеко в стороне от наезженной грунтовой трассы стояла деревня Софиевка. Ещё по пути в Барнаул он завернул в эту деревеньку и договорился со знакомым верующим, Богуславом, о братской помощи. Богуслав побожился упрятать Диму вместе с машиной так, что разыскать его оперативники сумеют только с Божьей помощью. Но Бог не помогает нечестивым...

Дмитрий тогда хорошо осмотрел убежище. Это была потайная кладовая для зерна, зерноотходов и других дефицитных в колхозе продуктов. Задняя стена сарая со стороны огородов поднималась, и ночью можно было сыпать зерно в потайной склад хоть из самосвала, хоть из бункера комбайна.

— А иначе, — Богуслав развёл руками, — в колхозе не проживёшь, а только до гроба здоровьем промаешься.

Эннс ночью попробовал загнать машину в потайной схрон¹. Узковато, но для дела пойдёт. Тем более, склад пустовал — уборка урожая ещё не начиналась.

А со стороны улицы, сбоку или сзади “схрон”, само собой, не выделялся. Многочисленные хозяйственные пристройки и жилой дом Богуслава неделю пришлось бы измерять, чтобы понять, где лишнее, замаскированное пространство.

¹ Схрон — потайной склад, убежище (древнеславянское).

И вот Дима возвращался с грузом. Обогнул город Яровой, сделав между полями петлю, чтобы через густые лесопосадки незаметно пройти в сторону Казахстана.

Внезапно кожу защипали лёгкие удары тока. Это ожила прикрепленная на майку, с касанием тела, металлическая прищепка “крокодил”. Проводок от неё шёл через рукав к приёмнику машины, в устройство, специально изобретённое для “игры в догонялки”.

Если в радиусе 10 километров начинала работать спецсвязь милиции или КГБ, водитель чувствовал на теле лёгкое покалывание электрического тока. Если преследователи были близко, электрические разряды кололи кожу больно и часто. И вполне чувствительно: “не зевай!”.

Эннс покрутил ручку настройки “приёмника”. По силе электрических разрядов понял, что радиостанции оперативных групп работают сзади. Значит, Диму догоняли российские оперативники.

Тут же закололо тело с другой частотой.

“Попал, впереди встречаются, — сообразил Дима и резко свернул влево на выбитую, малоезженую колею. По ней он за полчаса мог добраться до Софиевки.

Если по жутким степным колдобинам мчать со скоростью 120 километров в час. Да на танке, не на “Жигулях”.

Дима так и помчал. На “Жигулях”, как на танке.

3. Капкан

Справка

05.01.81 г.

с. Софиевка

На настоящий момент в селе насчитывается 112 дворов, где проживают 485 жителей. Из них:

Русских — 56 человек

Болгар — 331 человек

Немцев — 92 человека

Татар — 5 человек

Казахов — 1 человек

Большое количество болгарского населения связано с тем, что в 1941-42 годах много семей болгарской национальности было выселено из Крыма в Казахстан, так как СССР в это время находился в состоянии войны с Болгарией.

Попыток местного населения выехать на историческую родину в настоящий момент документально не зафиксировано.

Справка дана в Успенский районный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Председатель Софиевского сельского совета: Нурмагамбетов.

Секретарь сельского совета: Ботева.²

Виталий Самохин глянул на часы. Время — 7.15. Он принялся обихаживать мокрой тряпкой машину, когда в динамике щёлкнуло. Радиомолчание нарушил дежурный УКГБ по Павлодарской области:

² Орфография и пунктуация этого и последующих документов, справок, актов, протоколов и т. п. в тексте романа сохранены.

— Второй, второй! Внимание! В вашу сторону движутся жёлтые “Жигули” объекта! Сопровождение — две российских опергруппы. Имейте в виду, они доведут его только до границы!

— Я второй! Понял, дежурный! Операцию начинаем! — сунув голову в салон машины, крикнул Самохин.

В багажник оперативной машины вперемешку полетели все обеденные приборы. Самохин включил зажигание, проверил двигатель. Тумблером перевёл спецсвязь на общую волну.

— ... Казахстан, Казахстан, — забубнил в динамике голос, — отзовись, ядрёно копыто...

— Слушает Казахстан, — тут же отозвался старший группы Ахметов, — машина номер два, капитан Ахметов, руководитель...

— Да вы что, — заорал голос, — совсем оупели? Мы уже полчаса вас по радио долбим! Уйдёт объект, я лично тебе погоны посрываю и в задницу засуну!.. Почему связь не включена?

Ахметов от русского нахрапа поперхнулся словами.

Вместо него отозвался интеллигентный Пашин:

— Здравствуйте, товарищи! Прощу соблюдать лексические нормы радиообмена. Общая связь не была включена до особого указания нашего, казахстанского Управления. Соблюдаем радиомолчание. По приказу, понимаете ли...

Оравший русский снова загнул матом, зато другой голос пробубнил нарочито служебным тоном:

— Жёлтые “Жигули” резко свернули влево, увеличили скорость...

— Куда ж он, гад, шнурки нагладил? — завопил Самохин, — куда рулить, старшой? Поделись с народом!

Ахметов зло дёргал слипшуюся карту. Если сейчас упустить перехват, начальство ему первому кеттык³ сделает и погоны засунет... в его, Ахметова, широкую сиделку. Русаки скажут: пропал объект, — сами расхлёбывайте. И рванут на свою базу. А мы сами уже два года вокруг баптистов дерьмо хлебаем и всё — болмат гой⁴!

— Через десять минут жёлтые “Жигули” пересекут границу, — сказал бесстрастный голос из машины российского сопровождения.

Пашин молча забрал у Ахметова карту и вылез из машины. Карту он приспособил на капот и крикнул Самохину:

— Спроси, — три сухих дерева он прошёл?

В русской машине и так слышали.

— Прошёл, — пробубнил динамик.

— Значит, идёт на Софиевку, — твёрдо сказал Пашин, — на Галицкое, на асфальтовую трассу он бы до деревьев вправо свернул. Лейтенант Виталик! Откатись на километр назад. Дима должен прямо нам на капот выскочить!

Самохин послушно сдал назад и увидел сквозь пограничные деревья не приметную дорогу между полями.

— Приказываю замаскировать оперативный транспорт! — скомандовал Ахметов.

— Есть, товарищ капитан! — отозвался Самохин и резво скатил машину в глубокий противопожарный ров, каким опахивают лесополосы. Густая трава скрыла машину по самую крышу.

³ Кеттык — конец (каз.), в данном контексте — крупный нагоняй.

⁴ Болмат гой — не получается (каз.)

— Жёлтые “Жигули” в 500 метрах от границы, — прозвучал в динамике голос российского оперативника, — надеюсь, вы, ребята, рядом. Счастливой охоты!

— Спасибо, парни, — вежливо отозвался Володька Пашин, — как-нибудь посидим за русской водкой с казахским мясом...

Договорить он не успел. Жёлтая машина Дмитрия Эннса, ломая кустарник, выскочила из лесопосадки и понеслась в сторону Софиевки.

А вот оперативники подкачали. Приказ замаскироваться загнал их в ловушку — в недавно вспаханный противопожарный ров. Ров никак не хотел выпускать машину.

Пашин и Ахметов кубарем выкатились из машины, упёрлись в багажник и принялись толкать. Они пыхтели минуты три, а эти минуты дали Диме шанс далеко урвать вперёд.

Мрачный Самохин до пола прижал педаль газа. Машина понеслась так, что Пашин регулярно бился головой о крышу автомобиля и совсем не благим матом поминал баптистов и свою работу.

Текущие документы

Отчёт

(выдержки)

Секретно

02.03.81 г.

г. Павлодар

Секретарю Павлодарского областного комитета
партии тов. Алимовой

“... В настоящее время в Успенском районе снизилась активность членов незарегистрированных объединений Совета церквей евангельских христиан-баптистов в сёлах Ольгино, Борисовка, Константиновка, Галицкое, Трофимовка и других. Это связано с тем, что в районе среди верующих проводится большая профилактическая работа комсомольскими и партийными работниками, активистами сельских Советов. Заметно, также, ослабление связей баптистов Успенского района с единомышленниками в других регионах Республики. Кроме того, наиболее фанатичные деятели нелегальных общин, согласно Закона Казахской ССР о религиозных культах, изолированы от общества в уголовном порядке.

На сегодняшний день сформирована комиссия по работе над закрытием детских воскресных школ во всех сёлах района”...

Секретарь Успенского
районного комитета партии Павлов

АКТ

15.02.81 г.

с. Константиновка

Мы, нижеподписавшиеся: председатель колхоза “30 лет Казахстана” товарищ Геринг Я. Г., секретарь парткома товарищ Герлиц О. К., председатель сельского совета товарищ Нукешев У. К. сего числа беседовали с руководителями верующих граждан:

1. Шрайдер А. Т.
2. Экк Я. И.
3. Миллер И. Я.
4. Штарк А. И.
5. Петкер Г.Ф.

Им разъяснили, что все верующие должны зарегистрироваться по закону, но они отказались:

“Если мы регистрируемся, то всё будет ограничено, так нам объяснил уполномоченный по религиозным делам из города Павлодара. Насчёт регистрации нам неоднократно говорил и беседовал председатель сельского совета товарищ Нукушев У.К., и секретарь парткома товарищ Герлиц О.К. Мы обещали, но не все верующие дают согласие на регистрацию”.

Разъяснительную работу проводили в кабинете секретаря парткома колхоза.

На что и составлен настоящий акт.

Председатель колхоза Геринг Я.Г. / подписи нет /

Секретарь парткома Герлиц О.К. / подпись /

Председатель сельского совета Нукушев У.К. / подпись /

АКТ

19.04.1981 г.

с. Константиновка

Мы, ниже подписавшиеся, председатель сельского совета Нукушев У. К., заместитель председателя исполкома районного Совета народных депутатов Гребенюк Л. А., секретарь Равнопольского сельского совета Фаст Е.И. составили настоящий акт в том, что сего числа посетили дом Фризен А. А. по поводу религиозного праздника “Пасха”. Предупредили, чтобы на религиозный праздник не приводили детей, а также не собирались на кладбищах, демонстративно не ходили по улицам, не выступали перед людьми и т. д. Всякие сборища незарегистрированных обществ верующих наказываются в административном порядке. Предупредили хозяина дома, где собираются верующие — Фризен А. А. и его супругу Фризен И. Я., чтобы они в ближайшее время зарегистрировали секты, а если нет, то мы будем принимать соответствующие меры и наказывать руководителей секты и хозяина дома, где секты собираются.

На что и составлен настоящий акт.

Подписи.

АКТ

(выдержка)

05.03.81 г.

Село Константиновка

(Члены комиссии те же)

Верующим... разъяснили их требования, объяснили, что нельзя подписываться, не уточнив правду, что говорят им верующие колхоза Энгельса. (Речь идёт о коллективном письме верующих в защиту узника совести из Алма-Аты. — **Авт.**) Ознакомили с Указом Президиума Верховного Совета СССР “Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах”. В конце, когда попросили о регистрации, они сказали, что в Библии не написано насчёт регистрации. Эжк Л. И. сказал, что верит в Бога уже 25 лет и не может быть разговора о регистрации.

На что и составлен настоящий акт.

Подписи.

4. Схрон

Дима Эннс знал, что если его сейчас возьмут с литературой, то ему грозит лагерный срок, а главное, сгинет полезный и святой труд десятков людей. Лагерной зоны он не боялся. Он боялся следствия — пыток и издевательств. О таком ему много рассказывали.

Он безжалостно гнал “Жигули” на предельной скорости, по ссохшейся в камень солончаковой колее. Деревня Софиевка уже виднелась среди степи густой тополиной рощей.

Под майкой электрические разряды снова защипали голое тело. Часто-часто, ощутимо больно.

Дима оглянулся. Его преследователи отстали примерно на километр, но свою синюю машину тоже не жалели, и мчались ходко. Дима не знал, что на оперативной машине стоял не рядовой, а специальный, форсированный двигатель. Что все подвески на ней изготовлены специально для гоночных моделей, а кузов укреплен стальной рамой. Эннса гэбисты не догоняли лишь потому, что не знали, куда ещё он может повернуть, хотя направлялся он определённо в Софиевку.

Тохтар Ахметов через центрального дежурного вызвал в Софиевку участкового милиционера. Участковый жил в селе Галицкое, и на своём новеньком мотоцикле мог примчаться туда за 20 минут.

— Участковый выезжает, — сообщил дежурный, — будет ждать у магазина.

В Софиевке было три улицы, центром села был магазин, а магазинная площадь — центром тихой общественной жизни.

Жёлтые “Жигули” Эннса с ходу взлетели на высокое асфальтовое шоссе, ведущее в село.

Тут уж Виталий Самохин поддал своей машине газу и на этом же шоссе был через минуту. Оперативники видели, как жёлтые “Жигули” проскочили мимо магазина и через проулок нырнули на соседнюю, параллельную, улицу.

Самохин свернул на эту улицу минутой позже. И ничего не увидел!

— Через семь гробов с присвистом! — выругался он и резко развернул машину. Он не видел “Жигули” Димы Эннса всего секунд тридцать, но этого хватило, чтобы тому пропасть. Провалиться. Исчезнуть. Вознестись на небеса.

Виталий и правда, на всякий случай, глянул вверх, на безмятежные небеса, а оперативная группа уже приступила к действиям в нештатной ситуации.

Володька Пашин на крутом развороте выскочил из машины.

Самохин же быстренько домчал Ахметова к магазину — встречать участкового милиционера, а сам вернулся к тому месту, где свернула машина Эннса.

Дима Эннс молил Бога, чтобы по задворкам было сухо и поменьше валялось свежего навоза.

Ему нежелательно оставлять следы.

Слава Богу, за дворами, за хозяйственными постройками и огородами росли густые кусты малины и смородины. Дом Богуслава стоял третьим от проулка, и подход сзади, кроме полезных кустарников, охраняли непролазные кусты колючего карагача.

Дима подлетел к потайной двери, поднял её и втиснул “Жигули” в схрон. Специально утяжелённая противовесом дверь схрона захлопнулась сама.

Из машины Дима выполз через заднюю багажную дверь.

Дима успел увидеть в щель машину оперативников, примчавшуюся с соседней улицы, и стал гадать: в западне он или пока на свободе.

Зверски хотелось пить.

Виталий Самохин медленно двигался позади дворов в ту сторону, куда мог проехать Эннс.

Как назло, было сухо, накатанная колея следа не держала. А нужна была хоть пыльная видимость свежего отпечатка протектора жёлтых “Жигулей”. Позарез нужна.

Самохин проехал мимо хозяйственных построек Богуслава, отметив, что всё засажено травой и усыпано листьями карагача и малины. Тут след сто лет не найдёшь. Только возле пятого от проулка дома Виталию повезло: хозяин не подобрал свежую лепёху навоза, и на ней чётко отпечатались протектор легковой машины. Самохин остановил свою машину, двумя руками поддел улику и положил на резиновый коврик у заднего сиденья.

Так, приглядываясь, он доехал по задам домов до конца улицы, потом повернул к магазину.

Участковый милиционер уже примчался и приступил к своим обязанностям, чётко повторяя то, что говорил ему Тохтар Ахметов.

5. Ограниченный поиск

Архивные документы

06.06.1974 года.

КГБ СССР

г. Москва

Петрову И. В.

Служебная записка

Довожу до Вашего сведения, что источник “Клён” сообщает о наличии в Латвии, на хуторе “Орех”, нелегальной типографии баптистов-членов незарегистрированной общины СЦЕХБ. Оперативные мероприятия подтвердили донесение “Клёна”.

Прошу ваших дальнейших указаний.

Латвия, УКГБ

Быстров

Распоряжение

09.06.1974 г.

Латвия, УКГБ

Быстрову

В сжатые сроки подготовьте операцию по безусловной ликвидации нелегальной типографской точки, аресту всех причастных к ней верующих и других сомнительных лиц.

Операция должна быть проведена с расчётом минимального распространения информации об её осуществлении.

Предупреждаю о Вашей персональной ответственности в случае полного или частичного провала операции.

Москва, КГБ

Петров

Архив

“Братский листок” № 5 1974 г.

Возлюбленные братья и сёстры! Печальная новость, которую мы должны сообщить вам, вряд ли не отзовется болью в сердце каждого, кто любит дело Господне и Его Святую Церковь.

В результате преследования нанесён ущерб работе нашего дорогого издательства “Христианин”. 24 октября сего года в семь часов утра огромный отряд КГБ и милиции окружил в Латвии лесной хутор, где находилась одна из типографий издательства. (Перед этой операцией над домом несколько дней подряд кружил вертолёт).

В итоге арестованы сотрудники типографии: двое братьев и пять сестёр, конфискована собственноручно изготовленная печатная машина, свыше 9 тонн бумаги, приобретённой на добровольные пожертвования всего народа Божьего, а также около 15 тысяч отпечатанных Евангелий и другие материалы...

... Мы знаем, что этот случай произошёл не без воли Божьей. Но вместе с тем, пусть всякий, кто прямо или косвенно связан с подобным служением, требующим особой серьёзности, а, главное, Божьей охраны, искренне смиряясь, спросит себя: “Не я ли, Господи, неаккуратным словом, не я ли, радуясь успеху, был излишне откровенным, не я ли, трудясь без усердных молитв об охране Божьей, подверг опасности дело Его?”.

Все вместе будем учиться святому хождению и обретать чувство высокой ответственности и благодарного благоговения перед Богом за доверенное Им служение, будем уверенными, что и это событие приведёт ещё к большей ревности и жертвенной отдаче на служение Ему...

Распоряжение

01.11.1974 г.

Латвия, КГБ
Быстрову

06.11. сего года приказываю Вам прибыть в пятый отдел Второго Главного Управления КГБ при Совете Министров СССР в парадной форме, имеющимися наградами, не позднее 9.00.

Напоминаю, что источник “Клён” должен быть Вами значительно поощрён и обязан в недельный срок покинуть пределы Прибалтики. Обоснуйте его среднесрочное пребывание в городах Средней Азии и Казахстана на без уведомления соответствующих служб данных республик.

Обоснование: устное распоряжение первого заместителя Председателя КГБ СССР Крючкова В.А.

Москва, КГБ
Петров

Тохтар Ахметов начал сыпать личные указания:

— Обходим все дома, — быстро и почти без акцента говорил Ахметов. — Версия — угнана автомашина “Жигули” — фургон ВАЗ 2102, государственный номер “А1655 ПА”. Предполагается, что машина спрятана у кого-то из жителей села. Сначала просьба о добровольной выдаче, потом — обыск.

— Машину здесь так просто не найдёшь, — усомнился участковый милиционер.

Он, когда знакомился, всем говорил: “Гергерт, майор”. Гергерт и на самом деле был майором, из военных, но где служил — не рассказывал. Ему было чуть за сорок, он сохранил военную выправку, и трудящиеся за километр видели, что шагает серьёзный мужчина и с ним надо говорить без дураков. А лучше — обходить стороной, как душа подсказывает. В должности участкового инспектора он легко согласился носить обычную форму милиционерского сержанта, и перед капитаном — начальником Успенского РОВД — без шуточек вытягивался в струнку. Гергерт взглянул на часы:

— Если через два часа машину не найдём — вызывайте подмогу. Хотя с Успенки — наших, хоть с Павлодара — ваших.

— Зачем такой совет раздаёшь? — разозлился Ахметов, — если в этой задрипанной деревеньке автомобиль не найдём, над нами всё управление смеяться будет!

Участковый глянул на него с сожалением:

— Год назад сюда пришло грозное, но дурное распоряжение партии и правительства: племенных быков пустить на мясо, а заниматься только искусственным осеменением коров. Здесь, в этой задрипанной Софиевке, целый год своего племенного быка Ваську прятали. Год! А бык — не машина!

— Ну и чем кончилось? — спросил Виталий Самохин. Он это дело понимал, сам в деревне родился.

— Чем, чем... Да ничем! Не нашли быка Ваську! Милиция искала, лично сам председатель колхоза искал, парторг искал, прихлебатели разные... И облавы ночные устраивали, и тюрьмой людям грозили. А найти быка не смогли. Даже по отпечаткам копыт искали.

— А прятали где? — не успокаивался Самохин.

— А прятали во-о-он в той старой овчарне! В километре от села развалины видишь? Там когда-то комнатёнка для чабанов была. Её втихари расширили и быка пристроили туда. Овчарню сеном закидали, бык всю зиму от пуза кормился. А если мычал, то из-под сена кто его услышит? Навоз убирать ходил один старикан, Мефодий... Он всю жизнь при быке был. Так и умер там, в овчарне. Весной уже умер. Когда это долбаное постановление отменили. Теперь в колхозе на быка Ваську только что не молятся. Строгает телят, только пыль столбом!

Все молча обозревали четыре полуразвалившиеся овчарни, сложенные, наверное, ещё в 30-е годы из саманного кирпича. Они безжизненно темнели в стороне от деревни, и на них никто внимания не обращал: сами рассыплются.

— Может, Эннс туда нырнул? — спросил Ахметов.

— Там один битый саман, собака не пролезет, — пояснил Гергерт, — да и вы бы сразу заметили с трассы, когда за ним гнались. Начнём, конечно, обход по домам, но мой совет насчет подмоги запомните. Пожалуйста.

Виталий Самохин открыл боковую дверь машины и показал на расплюснутый шиной кусок навоза.

— Возле пятого дома на задворках нашёл, — пояснил он.

Увидев, как Ахметов сморщился от запаха навоза, участковый Гергерт бережно переложил "улику" из автомобиля в коляску своего мотоцикла "Урал".

В указанный Самохиным дом пошли Гергерт и Ахметов.

Из чистой и прохладной горницы к ним вышла хозяйка:

— Здравствуйте, гости дорогие! Заходите, присаживайтесь. Может, молочка холодненького?

Ахметов отказался, а участковый с удовольствием выпил литровую кружку молока.

— Благодарствуйте за угощение, — сказал Гергерт, вытирая рот платком, — у вас машина есть?

— А як же! — с гордостью ответила хозяйка, — утром хозяин её завел, да в город и укатил. К детям. Огурчиков им собрал, да так, по мелочи: трошки сала, картошечки... А что, шибко хозяин нужен? Так вин, мабуть, тильки к ночи будет.

— Да нет, — участковый надел фуражку. — Тут такое дело, хозяйка, сегодня машину угнали. Ищем. Где свою-то держите? Требуется посмотреть.

Хозяйка неспешно достала ключи, прямо из кухни открыла дверь в гараж, включила свет.

На пыльном цементном полу гаража чётко читались следы всех четырёх протекторов хозяйской машины.

Гергерт сходил к своему мотоциклу, принёс лепёху навоза. Один в один совпадал след левого переднего колеса.

— Ясен вопрос! А у других жителей во дворах ничего подозрительного не заметили? — спросил он.

Хозяйка перекрестилась.

— Ей-Богу, — кому у нас шалить? Все на работе. Да и люди у нас честные, кому ж такая лихость в голову придёт? Вы же первый, товарищ Гергерт, сразу и обнаружите!

— Сразу не сразу, — сурово отозвался Гергерт, — но найдём. Извините, пойдём дальше.

Он взял навозную лепёху и закинул её далеко в огород, под помидорные кусты.

Дима Эннс пробрался на переднее сидение своего автомобиля, стараясь не шуршать, не скрипеть. В термосе воды не осталось ни капли. Хоть бензин пей.

Не может быть, чтобы из этой ловушки был один выход. Но самому выбираться — значит шуметь. Терпеть надо. Богуслав предупредил: через задние ворота схрона не лазить! Даже нужду справлять — тише мыши! Дело серьёзное, зачем мешкотней губить?

На часах уже двенадцать, скоро Богуслав придёт на обед. Надо придумать, как подать ему сигнал. Только Дима начал соображать насчёт сигнала, во дворе залаяла собака, скрипнула входная дверь. За дощатой перегородкой зычный голос прогудел:

— Извиняй, хозяин, но совершенно преступление — угнан автомобиль. Обедать нам с тобой некогда, показывай хозяйство!

Голос Богуслава отозвался:

— Вот сюда — хлев для скотины, помещение зимнее. Тут, значит, банька по-белому. А гаража в хозяйстве не имеется, машину не держу. Не по деньгам. Мотоцикл есть, так я его в летней кухне приспособил ночевать, да зимовать.

— Глянем двор? — спросил голос с казахским акцентом.

— Глянем, — ответил суровый бас.

Снова заскрипели двери. Дима услышал три лёгких удара в дощатую перегородку.

Опять потянулись длиннющие минуты. Вдруг перегородка сложилась гармошкой и в образовавшейся двери объявился весёлый Богуслав:

— Облава на тебя, парень, серьёзная. В лицо тебя знают?

Дима кивнул.

— Значит, скоро в деревне целый батальон сыскарей объявится! По-есть, поспать вполне успеешь, а потом будем мерекать, как тебе отсюда выпутаться. Все двери в доме заперты на засовы, так что не бойся. Пойдём в горницу, похлебаем крошки... Хозяйки до вечера не будет. А если эти хриstopродавцы ещё нагрянут, успеешь укрыться.

Говоря так, Богуслав накрыл цветастой клеёнкой стол, нарезал ломтями копчёного сала, принёс свежего перьевого луку, разлил по тарелкам

окрошку. Помешкав у древнего буфета, поставил на стол початую бутылку водки.

Дима помотал головой и подозрительно уставился на Богуслава.

Тот, не смущаясь, налил себе почти полный стакан, с облегчением выдохнул и опустошил гранёную посудину:

— Ты меня в душе, может, осуждаешь, а я иногда без этого зелья не могу, — хрустя луком, заговорил Богуслав. — А нашли бы они тебя сейчас? У меня, признаюсь, до сих пор сердце трепыхается. Ищут на совесть, и в упряжке с ними наш участковый Гергерт. А этот парень на три метра сквозь землю видит, да на пять метров роет. Говорят, и в Египте служил, и в Африке воевал, и во Вьетнаме... Он, брат, участковый милиционер всего на два села, на наше да на Галицкое, а что во всём районе за ночь набедакурят, наутро лучше начальника милиции знает. Но мужик справедливый, людям сочувствующий!

У Богуслава вдруг выступили слёзы. Он, не стесняясь, вытер их полотенцем, но слёзы потекли вновь по старческим морщинам.

— Возьми хоть нас, болгар, всегда к нам с вежливостью подходит, с пониманием. Нас, болгар, в самом начале войны сюда из-под Одессы вышвырнули. Осенью уже, до Павлодара на грузовиках довели, направление начальник караула пистолетом показал: “Успенка там, шагом марш!”. Развернулся и уехал. Мы и маршировали пешедралом семьдесят вёрст до Успенки, по первому снегу, двести безгрешных душ... В Успенке только и узнали, от начальника НКВД, что Болгария за немцев воюет, против русских братушек... За это нас сюда и законопатили. Ваших, немцев, то есть, пригнали к нам, в Софиевку, с Поволжья уже в 1942 году, по весне. Потом взрослых забрали в трудовую армию, старики да дети остались. Они быстро вымерли... Мне тогда десять лет было... И выжил я потому, что бабка моя, Христина, царство ей небесное, мне всё повторяла: “Запомни, внучёк, сначала — себе, потом — колхозу”. Я тогда при скотине колхозной состоял... Снутри фуфайки бабка мне специальный карман пришила. Утром на ферме раненько, до людей, натолкаю в этот карман фунта три дроблёного зерна, а уж потом коровам начну разносить. Пока доярки молоко сиськают, я домой сбегая, карман опростаю... Тем зерном и кормились мы с бабкой. Она днём и ночью молилась за меня Господу, чтобы не поймали да в лагеря не сослали... Чего молчишь, Дима? Не одобряешь воровство ради жизни? Так ведь все колхозники тогда фуфайки носили с такими карманами. Нынче забыли про потайные карманы. Теперь мешками да машинами зерно прут из колхоза. Ничего, власть терпит. А иначе — кто тут горбатиться будет?.. Извини, я рассопливился, совсем старый стал...

Дима молча хлебал крошку. Таких историй, да ещё похлеще, в любом селе, в любом доме расскажут столько, что душа кровью истечёт, не слезами.

— Мать, отец, братья, бабка Христина, все у меня здесь похоронены, — продолжал Богуслав, поминутно вытирая слёзы полотенцем, — и всех мне приходилось закапывать, парнишке зелёному... Ты, брат, на старика не обращай внимания. Иногда со свежим человеком жизнь вспомнишь, и жить хочется.

Богуслав поднялся, спрятал недопитую бутылку в буфет. Когда вернулся, буднично сказал:

— Спать ляжешь здесь. Я подежурю, подумаю, как тебе из блокады вырваться. Не бойся, я ещё жилистый, не усну.

Но Дима не соблазнился на мягкую перину. Сколько ни уговаривал старик, он залез в схрон и устроился на водительском сидении. Задремал он быстро и легко, будто выплакал вместе с Богуславом все тревоги.

6. Расширенный поиск

Участковый инспектор Гергерт оказался прав. После обеда пришлось вызывать подмогу. Из Павлодара пришли две машины с четырьмя оперативниками, из районного центра — Успенки — шесть милиционеров на двух потрёпанных “УАЗах”. Областное УВД приказало, чтобы районные милиционеры были в штатском, хотя Гергерт настаивал на форме — для страха и уважения.

— Подстраховывает себя областное начальство, — гудел Гергерт в ухо Ахметова, — хочет в случае чего на нас всё свалить. Наших же милиционеров каждый ребёнок в лицо знает, зачем дешёвый маскарад устраивать? Ну вы пока обедать располагайтесь, а я поеду, кое с кем побеседую.

Обедать группы поиска расположились в четыре пополудни, хотя все прибывшие уже отобедали в урочный час.

Председатель колхоза, по прямому указанию первого секретаря Успенского райкома партии, срочно распорядился зарезать поросёнка, чтобы обеспечить полноценный обед и ужин оперативной группе расширенного состава. Правда, под шумок на бойне завалили двух поросят — один, будто, оказался больным, в пищу негодным. Председатель колхоза получал из райкома партии такие указания каждую неделю и хотел иметь запас неучтённого мяса.

Поварихи, перемигиваясь, смотрели, как оперативники-казахи, ничуть не смущаясь, поглощают жирную свинину.

— А врут они, что мусульмане свинину не едят, — сделала заключение заведующая колхозной столовой тётя Марица и приказала “по русскому обычаю” подать на стол водки, огурцов и луку.

Над столом пронёсся шумный протест, но быстро сник. Шесть пустых поллитровок быстро и незаметно оказались под столом.

— Ярослав! — позвала повариху к себе в кабинет тётя Марица, — беги к забойщику Христианычу, — пусть уложит ещё одного кабанчика. Спешим на аппетит.

— Чего бегать-то в такую даль? — удивилась повариха, — позвоните ему, да сами распорядитесь.

— Ну их к лешему, — зашептала тётя Марица, — вдруг они на наш телефон успели этих, магнитофонов, навесить. Ты лучше ему записку передашь. Я сейчас её тебе начертаю.

Повариха резво побежала по очередную поросёчью душу.

В каждой деревне района Гергерт имел осведомителя. А то и не одного. Об этом не знал даже начальник районной милиции.

Кого-то Гергерт цеплял за хулиганство, в кого и поглубже крючок вгонял, за кражу зерна или отходов.

В Софиевке у него висел на глубоком крючке тракторист Мисюрин. Гергерт к нему долго присматривался, специально для того в село наезжал. Вроде скота Мисюрин много не держал, но подозрительно быстро купил машину. Причём дефицитную, для села самую подходящую — “Ниву”. Такой вездеходик продавали только секретарям партийных комитетов да сельским

специалистам. А тут — тракторист Мисюрин “Ниву” купил! Машина бегала у Мисюрина больше всего не по личному хозяйству, а в город, каждое воскресенье. А в городе у Мисюрина никого из родни не имелось.

Однажды зимой Гергерт тайком увязался за Мисюриным на одолженной у председателя Глазырина “Волге”.

Оказалось, на барахолку ездил Мисюрин, да не семечками торговать, а богатым промышленным товаром. Из колхозных запасов. Советская промышленность много чего выпускала, что одинаково годилось и для сеялки, и для легкового автомобиля. Резиновые шины от сеялок один в один подходили для автомобиля “Нива”. Болтики, гаечки разные само собой на любую личную технику вкручивались. В магазинах такого товару отродясь не было. А у Мисюрина дефицит имелся в надлежащем количестве и богатом разнообразии.

В общем, после этого воскресного утра, когда Гергерт и Мисюрин встретились на городской барахолке, Мисюрин обязан был встречать Гергерта в полночь-за полночь, как отца родного. А куда денешься от родимой власти в лице её правоохранительных органов?

После сытного обеда, в деревне установилось нормальное сменное дежурство оперативников КГБ и милиционеров.

Рабочий день в колхозе закончился, взрослые возвратились домой. Версия об угнанной и спрятанной в деревне автомашине сельчан не испугала. Они охотно показывали свои гаражи, скотные дворы, ворошили копны сена.

Ещё раз пришлось принимать “гостей” и Богуславу. Он был рад, что Эннс забрался в схрон, потому что к нему неожиданно забарабанили свои, районные милиционеры. А они кумекали много больше городских коллег по части архитектуры сельских домов и надворных построек. Один сразу унюхал, что в коридоре пахнет бензином, причём не казахстанским, а российским. Ну точно легавый! Пришлось Богуславу сочинять, будто вчера гостили родственники из российского города Славгорода, от них, видать, запахок не успел выветриться. Тогда этот треклятый нюхач сказал, что ещё в коридоре пахнет свежей бумагой и свежей типографской краской. У Богуслава аж колени ослабли! Ведь надо же — нелегальную литературу учуял! Через деревянную стенку, через машинное железо милиционер учуял запах книг! Хорошо, жена у Богуслава запасливая: газетёнки разные в углу, за печкой, копила на растопку. Тут даже сочинять ничего не пришлось. Деревенским понятно, сколько терпения и бумаги требуется, чтобы уголь в печи раскопчегарить. Так что с чистой совестью отправились районные милиционеры соседей беспокоить.

Проводив “гостей” и громко возблагодарив Бога, Богуслав решил, что водки, оставшейся с обеда, ему надо хлебнуть обязательно.

Да, Богуслав, как истинно верующий, не курит, не матерится. Но иногда, тайком, выпивает. Как сегодня. Ибо стыдно мужчине, на седьмом десятке лет, чувствовать, как слабнут коленки и тянет обмочиться, когда наглые парни шарят по родительскому дому и запросто могут найти того, которого им находить не обязательно.

Гергерт застал своего “стукача” Мисюрина в гараже, где тот возился со своей “Нивой”.

— Пламенный привет труженикам полей и ферм! — поздоровался Гергерт.

— Здравствуйте, товарищ участковый, — ответил безрадостно Мисюрин, и руки не подал, знал, всё равно Гергерт его, мисюринской руки, не заметит.

Гергерт пристроился на табуретке, смахнув с неё гаечки и болтики, и спросил:

— У тебя были с обыском?

— Конечно.

— Что же ты им не сказал — у кого спрятана машина?

— Откуда я знаю? — прошептал Мисюрин. У него сразу сел голос, — я нынче только на работу хожу, а с работы — домой.

— Значит, знаешь, — удовлетворённо рассмеялся Гергерт, — или догадываешься. Ты у нас, Мисюрин, не только всю технику в селе знаешь, но и всех поросят по подворьям не один раз пересчитал, даже уток и курей! У кого спрятана машина?

— У кого, точно не скажу. Но погадать можно... Тут ведь не село, тут целая партизанская база. Трактор спрячут — даже вам не сыскать.

— А мне зачем мараться? Это ты искать будешь... и мне доложишь, что нашёл! Так у кого машина?

Мисюрин изобразил на лице глубокое раздумье. Потом набрал воздуха и просипел:

— Только у Матрёны Митихи да у Богуслава такие схроны, что машина упрячется.

Участковый удовлетворённо хмыкнул, поднялся с табуретки, надел фуражку:

— Кабанчика мне в коляску мотоцикла отнеси.

— К-какого кааб-банчика? — изумился Мисюрин. — За что?

— А вот этого тебе знать не положено. Оперативная тайна.

Совсем поникший Мисюрин скрылся на скотном дворе. Через минуту в сарае остро заверещал поросёнок.

У оперативно-розыскной группы расширенного состава после пустоποрожного обыска наступило время сытного ужина. Ужинали оперативники в три смены, и опять под столами оказались пустые водочные бутылки.

Все выезды из села были блокированы служебными автомашинами.

Операцию требовалось завершить до утра. Иначе от деревни к деревне пойдут слухи, вырвется наружу секретная информация, которую прикомандированным оперативникам знать не положено, даже их районному начальству. Тогда областное начальство таких пистонов⁵ поставит, только успевай поворачиваться.

Такую установку оперативники УКГБ получили перед ужином через центрального дежурного.

Тохтар Ахметов знал чуть больше. Он знал, что в селе Ольгино Диму Эннса ждёт машина, готовая перебросить литературу дальше, на юг Казахстана, в семиреченские немецкие посёлки. У баптистов-нелегалов всё рассчитано по времени, расписано по деталям, поэтому Эннс попытается вырваться из западни обязательно сегодня.

— Только Бог ему не поможет, — пробормотал по-казахски Ахметов, укладываясь на заднее сидение “Жигулей”.

⁵ Пистонов — здесь: наорёт, устроит служебные неприятности.

Володька Пашин, плохо понимающий по-казахски, поддакнул не-впопад:

— Конечно, возьмём, куда он на хрен из колеи денется!

Мимо них проехал Гергерт, приветственно махнул рукой.

— Что-то я участкового не пойму, — задумчиво произнёс Пашин, — с нами не обедал, не ужинал, водку не пил. Не курит, сам по себе мотается. Сам он, случаем, не баптист?

— Какой хрен, баптист? Просто сам хочет Эннса поймать, — съязвил Самохин, — премию заработать в виде поросёнка или барана.

Гергерт между тем проехал к старым овчарням, покружился там и рванул прямо по степи в сторону села Галицкое.

В Галицком он проскочил на крайнюю улицу и затормозил у большого кирпичного дома колхозного шофёра Нейфельда.

Нейфельд, кряжистый мужик предпенсионного возраста, возился в огороде, прилаживая покосившийся штакетник.

Он только буркнул “здорово”, когда Гергерт проходил мимо него на скотный двор. Хотя в руках участкового верещал поросёнок, Нейфельд даже не поинтересовался, зачем ему милиционер несёт поросёнка?

Нейфельд, по признанию соседей, характер имел до того тяжёлый, что об него только гвозди гнуть. В селе, где больше половины жителей баптисты пяти национальностей, только такой мужик мог возглавить нелегальную общину.

— У тебя машина на ходу? — спросил Гергерт, возвращаясь из хлева уже без поросёнка, — документы покажи.

Нейфельд медленно залез рукой в карман рубашки, достал права, техпаспорт, техталон.

— Теперь будем говорить серьёзно, — сказал Гергерт, — я к тебе, собственно, по твоему делу пришёл.

Когда деревня Софиевка улеглась спать, в двенадцатом часу ночи к Богуславу постучал Мисюрин.

— Один дома? — спросил Мисюрин, проходя в зал.

— Один. Старуха у дочки ночует.

Мисюрин достал из кармана листок с нарисованной от руки схемой, посмотрел на неё и поджёг спичкой.

— Ты что, в партизаны записался? — со смехом спросил Богуслав.

— Нет. В разведчики, — на полном серьёзе ответил Мисюрин, — у тебя тут человек с машиной, в тайнике...

У Богуслава опять защемило сердце и ослабели коленки.

— Выпить есть? — спросил Мисюрин, увидев, что у старика обвисли усы и посерело лицо.

Богуслав направился на кухню, поманив Мисюрина. Там он кулём опустил на табуретку и безмолвно затыкал пальцем в дверцу буфета.

Мисюрин распорядился водкой по-своему: себе налил стакан, Богуславу — на три пальца.

Выпили.

Мисюрин нашарил в холодильнике порезанное сало, зажевал водку. Богуслав сидел, неподвижно привалившись на стол.

Мисюрин плеснул себе ещё водки:

— На быках, помнишь, в Павлодар после войны ездили? Где идёт старинная дорога на колодец, помнишь?

Богуслав вяло кивнул.

— Я не знаю, кто у тебя спрятан, и знать не хочу. Передай ему, что ровно в три часа ночи он должен ехать по этой дороге.

— Какая там дорога, — очнулся Богуслав, — там же коров пасут! За тридцать лет скот всё затоптал. Нет там больше дороги!

— Колея ещё видна. Удрать захочет, найдёт. Объяснишь ему, как попасть на эту дорогу и проехать до ржаных полей. Дальше я ничего не знаю. Повтори.

Богуслав пробубнил, как было сказано.

— Да, пусть фары не включает, — вспомнил инструкцию Мисюрин, — и про меня не говори. От себя говори, понял?

Он допил водку, взял ещё сала и, жуя на ходу, вышел.

Богуслав, пошатываясь, пошёл в схрон.

Архивные документы

“Братский листок” № 4 от 1978 г.

“... Остаются памятными для нас события, произошедшие 17 лет назад в Узловской Церкви ЕХБ, где пресвитерское служение нёс Геннадий Константинович Крючков.

В этой небольшой Церкви, насчитывающей в то время около 100 членов, которая была много терзаема со стороны гонителей, но при этом сохранила удивительное единодушие, росла и укреплялась благодатью Божьей, по внушению Духа Святого, была образована весной 1961 года инициативная группа по созыву съезда Церкви ЕХБ⁶. Тем же летом 1961 года были написаны два первых послания Инициативной группы: “Послание Президиуму ВСЕХБ и первое послание ко всей Церкви ЕХБ”.

Архив

Из выступления председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. Пузина перед партийными работниками Российской Федерации.

05.08.1965 г.

... “Местные органы пробовали уже сажать в тюрьму баптистов-раскольников, но это не дало хороших результатов. Нужно прямо сказать, что некоторое время тому назад создалась реальная угроза того, что Оргкомитет (СЦЕХБ) сумеет овладеть руководством всей Церкви, т. е. подчинить своему влиянию более 200000 верующих”.

Архив

Заявление

*верующих села Трофимовка
Павлодарской области Качирского района.
Генеральному секретарю
ЦК КПСС Брежневу,*

⁶ Время раскола баптистской Церкви на СЦЕХБ — баптистов нелегалов и ВСЕХБ — легальной баптистской Церкви, официально поддерживаемой властями СССР.

Прокурору Павлодарской области,
Совету родственников узников СЦЕХБ

... Приводим выдержку из статьи в районной газете “Заря” за январь 1979 г. под названием: “Охраняя права”, автор Архипкина Л., — заместитель председателя райисполкома: “Наша комиссия имеет план работы с верующими. За каждым членом её закреплены отдельные верующие. На каждого верующего комиссия завела специальную карточку, в которой отражается национальность, возраст, адрес верующего, где он проводит моление и т.п. Это даёт возможность знать: когда и где и чем занимается верующий”.

Этим самым мы видим, что лишены элементарных прав человека.
Всего 18 подписей.

Служебная переписка

15.12.1981. Секретно

Москва, КГБ
Петрову

Докладная

Довожу до Вашего сведения, что источник “Клён” сообщает о явном наличии в окрестностях города Фергана (Узбекская ССР) подпольной типографии СЦЕХБ. Прошу Вашего разрешения использовать для уточнения данных источника “Клён”, а также интенсивного розыска вышеуказанной типографии, двух перевербованных нами баптистов-нелегалов: Хорошилова (45 лет) и Кучкина (38 лет), досрочно изменив им меру пресечения (заключение в ИТК № 8, город Экибастуз, Павлодарская область, Казахская ССР). Перевербованные лица имеют низкую рабочую квалификацию, поэтому решать проблемы обеспечения жильём и другие социальные вопросы не требуется.

Москва, КГБ
Быстров

Распоряжение

18.12.1981 г. Секретно

Москва, КГБ
Быстрову

С Вашими соображениями от 15.12.81 г., согласен. Все необходимые действия произведите до окончания текущего года.

За последующее поведение заключённых Хорошилова и Кучкина несёте персональную ответственность.

Москва, КГБ
Петров

7. Ночная облава

Первым странные огни за селом, возле развалин старых овчарен, увидел Володька Пашин. Их группа дежурила у главного въезда в село, откуда кошары просматривались тёмной кучей. Как назло, луну затащило облаками, видимо, собирался дождь, и углядеть что-то в такую темень — словно копейку разыскать в грязи. Но Пашин углядел.

Он толкнул задремавшего за рулём Самохина, глянул на часы: два часа сорок минут.

— Чёрт! На самом деле огни! Вроде как машина! Вроде только подфарники горят и габариты! — возбуждённо закричал Самохин, толкая Ахметова.

— Да какие подфарники, какие габариты? — вяло приподнялся на заднем сидении сонный Ахметов. — Фонарики горят, доярки на ферму идут. Или едут. Дайте начальнику поспать, бараны!

Половина огоньков разом потухла, и явно стало видно, что среди кошар разворачивается машина. У неё светили только подфарники и габаритные огни.

— Он! Объект! — заорал очнувшийся Ахметов, — зря кошары днём не проверили! Там он прятался! Ну я этого участкового инспектора заставлю фуражку сожрать и козырьком закусить!

Самохин по радио сообщил оперативным машинам, что объект обнаружен. Со всех концов деревни, сверкая фарами, неслись машины.

Объект, подсвечивая дорогу подфарниками, выбрался на шоссе и помчался в сторону села Розовка.

— Мужики! — орал по служебной связи начальник успенской милиции, — там, от Розовки, идут три шоссе! В разные стороны идут три шоссе! Их надо перекрыть!

Преследуемая машина внезапно увеличила скорость, объект включил фары дальнего света.

— По габаритам вижу: “Жигули-фургон”, цвет жёлтый, — обрадовался Самохин, — сейчас возьмём!

— Жёлтый цвет, жёлтый! Наш парень, наш! — заорал Ахметов. Но это уже увидели из других машин, и на дороге началось столпотворение — каждый старался первым прорваться к нарушителю закона и порядка.

Водитель жёлтых “Жигулей” трассу знал, будто свой огород, легко проскакивал все ямы и колдобины. Преследователи шоссе не изучали, на ямах стали отставать.

Две машины оперативников крепко стукнулись боками на выбоине.

А Самохин неудачно притормозил, и тут же ему сзади крепко поддала “Волга” начальника милиции.

По служебной связи слышалась одна лишь матерщина.

Самохин со скоростью сто сорок километров в час, не обращая внимания на ямы, летел по раздрыганной дороге. В машине грохотало и выло, как в истребителе.

Володька Пашин тут же пристегнулся ремнём безопасности, чего никогда не делал, и крепко упёрся руками в приборную панель.

Впереди показались первые тени деревьев Розовки.

Жёлтый автомобиль внезапно сбавил скорость, съехал с трассы на просёлок и мимо машинного парка покатил к деревне уверенно и тихо, как к себе домой.

Через две минуты машинная облава ворвалась в спящую Розовку и окружила жёлтые “Жигули”.

Володька Пашин первый обратил внимание на государственный номер машины.

— Не та, — шепнул он Самохину.

За рулём окружённого автомобиля сидел невозмутимый пожилой мужчина.

Успенские оперативники узнали его сразу:

— Нейфельд! В твою гробину мать! Ты чего творишь?

— А чего я творю? — спокойно осведомился Нейфельд.

— Ты чего гонки устраиваешь? Ты чего в Софиевке у кошар делал?

— Ты куда в такую рань собрался?

— Давай документы!

Нейфельд неторопливо достал документы, отдал начальнику милиции и по порядку стал отвечать на вопросы:

— Еду за братом своим, Яковом. Мы договорились в Барнаул, к сестре съездить. У кошар, извините, заехал облегчиться. Видимо, жирного много поел. Мне что, прикажете посреди дороги штаны спускать и садиться? А гонки зачем устроил, — Нейфельд усмехнулся, — так вы бы на себя со стороны посмотрели! Будто махновцы за мной кинулись. Страшно же!

— Страшно, — согласился Володька Пашин, — поехали к брату твоему, Якову.

Ехали теперь без шума, чинной кавалькадой. Дом Якова нашёлся быстро.

Двери в дом стояли открытыми. Над ними горела яркая электролампочка. Под ней сидел на крыльце одетый в дорогу Яков. Рядом стоял чемодан.

Тут только до Самохина дошло:

— Эй, а в Софиевке кто остался?

Больше ничего спрашивать не требовалось. Вся орава машин зарева-ла двигателями и кинулась в обратную сторону.

8. Окончательный расчёт участкового Гергерта

Ровно в три часа ночи Богуслав вывел Диму Эннса на старый бычий тракт. Дима пару секунд поглядел, как резво ринулись оперативные машины за жёлтой ложной целью, потом тронулся по набитой скотом дороге, не слишком набирая скорость. В неярком свете подфарников чётко выделялись колеи от больших колёс колымаг, а между ними — неглубокая, поросшая травой ложбинка, вытоптанная быками за сотню лет.

По спидометру Дима определил, что проехал 15 километров и скоро должен упереться в поле ржи.

Точно. Упёрся.

Поперёк его пути стоял мотоцикл “Урал”. На заднем сиденье мотоцикла, поставив ноги на коляску, сидел участковый инспектор Гергерт.

Оперативные документы

19.12.81 г. Павлодар, УИТУ

Нурмакову

Телетайпограмма

Заключённых ИТК № 8 Хорошилова и Кучкина немедленно этапируйте в Москву самолётом в распоряжение начальника отдела ГУИТУ Кошкина. Об исполнении донесите. Основание — распоряжение заместителя министра МВД СССР Чурбанова.

Москва, ГУИТУ

Шляпников

Неспешно подойдя к машине, Гергерт сказал:

— Фары включи, уже можно. Твоя фамилия Эннс? Моя — Гергерт.

— Здравствуйте, — сказал Дима.

— Отца Петром зовут?

Дима кивнул.

— Живой?

Дима помотал головой и хрипло ответил:

— Схоронил.

Гергерт легко откатил мотоцикл в сторону.

Дима включил фары. В их свете, среди ржи, открылась хорошо нака-
танная просёлочная дорога.

— И мой батька за твоим ушёл, пусть земля ему будет пухом. У моего отца, Дима, перед твоим отцом должок был. Они в трудовой армии дамбу для моста через Иртыш вместе лопатили... Мой батя заболел и от голода пухнуть начал. Твой отец тогда ему ведро картошки дал. Просто так дал. В то время легче было ведро золота добыть, чем ведро картошки, воображаешь? Потом, перед смертью, проговорился мне отец, что батя твой эту картошку в карты выиграл. У блатных. На игру жизнь свою поставил. Больше ничего и не было у советских немцев при товарище Сталине. Сейчас мы с тобой расстанемся, Дима. Я рассчитался за своего отца перед твоим отцом. А в кого ты веруешь, в Христа или Саваофа, мне всё равно. Такой я родился, таким помру. В Африке, в джунглях, мы в Амбу-Мамбу верили. Особенно перед боем. Страшный, говорят, бог. Но добрый. Живым меня выпустил. Не болтай никому про сегодняшнюю ночь, а то придёт вместо Ангела — Амба-Мамба и сожрёт тебя. Понял? Прощай!

Дима Эннс рванул в тёмное пустое пространство между ржаными полями, а участковый инспектор Гергерт медленно тронул мотоцикл в сторону Софиевки.

Утром в Софиевке, только начали выгонять скот, как со двора Богуслава раздался крик его жены:

— Умер! Бабоньки, Богуслав умер! Ой, что ж теперь будет, мамочка моя! Спаси и помилуй, пресвятая Богородица!

Утром, в шесть часов, в селе Борисовка объявился Дмитрий Эннс на пропылённой машине и заперся в гараже. Через час секретарь партийного комитета колхоза доложил об этом по инстанции. После его доклада, ещё через час, в селе Софиевка не осталось ни одной чужой машины.

А через день Тохтар Ахметов умудрился на себя, Самохина и Пашина, участников неудачной операции “Жёлтая машина”, оформить направления в Москву, на полугодовые курсы повышения квалификации. Начальник УКГБ по Павлодарской области Корзун находился в отпуске, и желанные направления подписал его заместитель, Туяков. Был бы на месте Корзун, не видать бы ребятам Москвы, а всё тянулись бы перед ними длинные дни и бессонные ночи бесконечных дежурств...

Чтобы помнили — КГБ не проигрывает никогда!

Часть II

ДЫНЯ

9. ЭКИБАСТУЗ. ЛАГЕРЬ № 8

В восьмом Экибастузском лагере (где когда-то сидел Александр Солженицын) перегибали свою судьбу баптисты Хорошилов и Кучкин. Суд впалял каждому по пять лет за нарушение закона, определяемое статьёй Уголовного кодекса 190 прим 1⁷. К этой статье им навесили ещё по три лёгкие статьи Уголовного кодекса, для страха, и отправили, одного из Сибири, другого из-под Алма-Аты, в “солнечный” Экибастуз. Там разворачивалась грандиозная ударная комсомольская стройка ГРЭС-1, где смирные, работающие люди были нужны во множественном количестве.

Сибиряк Хорошилов легко переносил морозы. Ведь, в сущности, ему повезло: по старым понятиям он попал не на север Казахстана, а на юг Сибири.

А Кучкину резкий экибастузский климат на тело не ложился. Внутри лез проклятый холод, и Кучкин начал “доходить” на половине срока.

В лагере Хорошилов и Кучкин молились, соблюдали посты, но потому только, что боялись уголовников. Те, впрочем, узнав религиозные статьи двух “мужиков”, к ним особо и не цеплялись. Это их сблизило, а окончательно под дружил заместитель начальника лагеря по оперативной работе Нуртазин, который через день, по ночам, вызывал их к себе. Обычно Нуртазин три часа читал баптистам вслух брошюры по марксизму-ленинизму. Приобщив таким способом заключённых к основам передовых знаний прогрессивного человечества, Нуртазин глубокой уже ночью их выпроваживал и на прощанье говорил:

— Бросьте свою религию, встаньте в строй всех советских людей!

Голодные и невыспавшиеся, Хорошилов и Кучкин тащились утром в рабочую зону ворочать железо или копать ямы.

В начале декабря 1981 года, в самые лютые морозы, Кучкин свалился с крупнозным воспалением лёгких.

Его положили в прилагерную больничку и три раза в день давали аспирин. Пенициллина или других антибиотиков, как сказала медсестра Гуля, “нетути”. Она в тягостные ночные часы дежурства, от безделья, уже заполнила на Кучкина формуляр “А” — смертный листок. Когда заключённый помрёт, сорок ампул ампициллина, выделенных на его лечение, Гуля, как обычно, вернёт заведующей больницей. Та продаст дефицитный препарат нужным людям, а деньги они поделят.

А иначе, без выгоды, зачем ей, красавице-медсестре, ночевать среди вони, хрипов и стонов вшивых заключённых? Зачем перематывать гнойные бинты и подносить воду? И потом, с лекарствами все так делают!

Надо же было случиться такому, что через день в больничку попал и Хорошилов, изуродовался на земляных работах. Бригадир назначил ему долбить ямы. А на морозе в тридцать градусов, без сытной пищи и хорошего сна, и половину ямы за день не пробьёшь, не то что восемь. Вот с голодухи и шатнуло Хорошилова, и махнул он ломом вкось, прямо себе в правую ногу.

⁷ Расшифровки статей Уголовного кодекса в конце романа.

В отличие от земли, промёрзшей до гранитной крепости, тяжёлый лом в ногу вошёл легко, с чавкнувшим звуком.

Хорошилову сразу обнесло голову, под мышками стало горячо и мокро. Не от боли, он ещё боль не чувствовал. От страха, что припишут членовредительство и тогда ковылять ему по зоне ещё один срок. Поэтому он бил и бил проклятую землю, закидывая снегом кровавый след из пробитого валенка. Вечером ему ещё хватило сил прослушать очередную лекцию оперативника Нуртазина, а ночь проскулить в казарме. Только утром бригадир заметил, что у заключённого Хорошилова не порядок с ногой, надавал ему по шее и лично отволок в больничку.

Правая ступня уже побагровела, из пробитой дыры сочился гной.

— Придётся ступню ампутировать, — обрадовала Хорошилова заведующая больницей Кизякова, — нужны бы антибиотики, но тут их нет. Не снабжают. Медсестра, обработайте рану стрептоцидом и дайте больному аспирин. Да, ещё запишите где-нибудь, что в пятницу надо хирурга из города вызвать. Пусть готовится резать повреждённую конечность.

Медсестра Гуля, пока давила ложкой на газете таблетки стрептоцида, подсчитывала, сколько денег она получит от заведующей из-за болезни этих двух вонючих эков. Деньги Гуля копила на будущую свадьбу.

Лекарствами в Экибастузе и вольных не баловали, не то что заключённых, но так перемогалась вся страна. На великую стройку ГРЭС-1 тысячами гнали заключённых и солдат. Во множестве съезжались вольнонаёмные специалисты. Те рванулись за длинным рублём и в надежде получить квартиру. Население Экибастуза увеличилось вдвое, а уровень снабжения остался прежним. Впрочем, макароны, картошка и тощая баранина были во всех столовых и магазинах, так что не болящий человек чувствовал себя сносно. Даже хорошо.

Ночью ногу начало жечь огнём, терпежа не осталось ни капли. Хорошилов закусил губу и со стонами доковылял до кровати Кучкина. Тот, мокрый от пота, скинул на пол грубое одеяло, лежал в одних сатиновых трусах и поскуливал в забытии.

Хорошилов взял с тумбочки Кучкина пустую стеклянную банку и поволокся, цепляясь за стену, к питьевому бачку в конце коридора. Банка воняла мочой, но полоскать её сил не осталось. Хорошилов зачерпнул воды сверху и поковылял обратно.

Медсестра Гуля даже не подняла головы от подушки. Она крепко спала на кушетке, под толстым ватным одеялом.

Хорошилов вернулся к постели Кучкина. Приподнял ему голову и тот, преданно моргая глазами, выпил до дна литровую банку вонючей воды.

В палате хрипели и стонали во сне ещё восемь заключённых. Таких палат в больнице насчитывалось десять, кроме всяких других помещений.

— Слышь, Кучкин, — зашептал Хорошилов, — ты уборщика здешнего видел?

— Видел, — просипел Кучкин.

— Он с Алтая, из Белокурихи. Я там долго жил, женился там. Он меня знает... Земляки... Он знаешь, что сказал...

Тут Хорошилов остановился, прислушался. Никто не скрипел в коридоре, никто не прекратил стонать в палате.

— Он мне сказал, что у заведующей нам с тобой потребных лекарств целые ящики. Она торгует ими. Амбула — рубль.

Хорошилов дрогнул голосом:

— Я, когда это узнал, разыскал нашего брата по вере, Хомячика, который в придурках⁸ ходит. Ты его знаешь, он в канцелярии бумаги пишет. Ты тогда без сознания был. Мы с ним побеседовали... Он второй раз сидит.. Этот срок, правда, получил не за веру, а за воровство, но всё равно, крепкий должен быть, стоять за своих. А он мне, знаешь, чего ответил, когда я денег на лекарства попросил?

— Чего?

— “Бог подаст”. Сунул мне луковицу и ушёл.

— Ты её съел?

— Нет, выбросил.

— Иуда он, — согласился Кучкин.

— Через три дня ты загнёшься, Кучкин. Это на обходе врачаха сказала. А я через три дня буду без ноги. Я в 50 лет кому без ноги нужен? Жена, конечно, примет. А кормиться как? И пожить ещё нормально хочется. Тебе хочется пожить, Кучкин?

— Хочется, — эхом отозвался Кучкин.

— Через этого гада, Хомячика, понял я, Кучкин, что правильно говорят: “На Бога надейся, а сам не плошай”.

— Не плошай, — повторил Кучкин.

— В общем, ты делай, что я скажу, и жить будешь обязательно. А потом мы посмотрим — кому Бог подаст, а кому — Хозяин⁹. Ты согласен?

Но Кучкин опять впал в беспамятство.

Чтобы протянуть время до утра и отвлечься от боли, Хорошилов опять одолел коридорное пространство до питьевого бачка и вернулся в палату с двумя банками воды, себе и Кучкину.

Верующим Хорошилов был, сколько себя помнил, с голоштанного детства. И родители его веровали, и дед с бабкой.

Будь он при деньгах, попроси у него такой увечный, как он сейчас, он бы всё до копейки выложил. Не ради Бога, ради человека, жизни его. Ну а Бог уже потом. Может, действительно и “тот свет” есть, и рай и ад, но что же теперь, умирать человеку из-за стервы, которая от болящих лекарства прячет и продаёт?

Денег, конечно, можно у блатных занять. А чем отдавать? Жена дома одна бьётся с шестью ребятишками, и в посылках, что приходят от неё раз в полгода, только сахар да сушки.

Уголовники, дело виданное, за долги сразу в “петуха”¹⁰ превратят... А если — ради жизни — в “петуха”?.. Тут Хорошилов замотал головой, засмеялся сам себе: дурак ты, парень!

Даже в ноге дурная мысль отозвалась резкой болью.

Терпеть и не стонать, терпеть и не стонать, но уже подошёл предел. Хорошилов застонал, но боль всё росла, боль поползла по ноге, до живота, выше, выше.

Рядом закашлялся пожилой из “мужиков”:

— Попить дай, пожалуйста.

Хорошилов протянул ему свою банку.

Но тот из банки пить не стал, а налил в свою кружку. Пил медленно, с удовольствием, будто пиво. Проследил за глазами Хорошилова:

⁸ Придурок — заключённый, имеющий лёгкую лагерную работу (жаргон).

⁹ Хозяин — начальник лагеря (жаргон).

¹⁰ Петух — пассивный гомосексуалист, низшая каста в лагере (жаргон).

— Не брезгую я, парень. У меня туберкулёз. Он тебе нужен? На-ка лучше закури.

Туберкулёзный достал из дыры в матрасе пачку дешёвых сигарет “Прима”, спички.

— Кури-кури. Знаю, что верующий, а ты закури, табак боль выгоняет. Да и жизнь одна, так что наслаждайся.

Хорошилов вспомнил, что он собирается совершить утром, и выкуренная сигарета, по сравнению с тем, богомерзким делом, была просто баловством.

— Я никогда не курил, — виновато признался Хорошилов.

У мужика в лёгких хрипло засвистело, он смеялся. Затем сделал из газеты трубочку, вроде мундштука, вытащил из своего драного матраса кусочек грубой ваты и забил его в газетный мундштук. Всунул туда сигарету:

— Для первого раза дыма поменьше пойдёт. Тяни потихоньку.

Хорошилов закурил, нарушил обет, данный предкам и Церкви.

Но это нарушение благодатно отозвалось в измученном организме.

Сладкая дурнота окутала Хорошилову голову и погнала боль назад, вниз, от груди к животу, к ослабевшим коленям, к страшной ране. И загнала боль в рану. В ноге теперь только ныло немного, но это терпимо.

Туберкулёзник прокашлялся:

— Забирай себе сигареты и спички. У меня много. Мне посылка пришла. Только не кури часто, а то дури не будет, опять боль пронзит.

Он отвернулся к стене и стал чертить пальцем на грязной штукатурке, то ли подсчитывая чего, то ли убаюкивая больную душу.

10. Большое достижение оперативной части

Уборщик Алтай появился в палате с ведром и шваброй сразу после утреннего развода. Он начинал мытьё, выплеснув воду и просто размазывая шваброй грязь. Алтай так мыл во всех палатах, высматривая, когда появится заведующая больницей Кизякова. У неё в кабинете уборщик вошёл целый час, по пять раз меняя воду.

— Слышь, Алтай, — позвал Хорошилов, — сигарету дам, — сделай для меня...

— Две, — мгновенно отозвался тот, — две сигареты.

Хорошилов вытащил две сигареты и безропотно отдал.

— Быстро говори, чего надо?

Алтай должностью дорожил. Пол мыть в тепле — не ямы долбить на морозе. Да ещё, кто сильно больной, без аппетита, у того можно и завтрак съесть, и обед, и ужин. Поэтому с простыми эками уборщику даже говорить нельзя. Некогда.

— Давай, говори быстро, чего надо?

Хорошилов тут почувствовал в животе холод, не от страха, от неизвестности. Такое случается, когда в холодную воду ныряешь. Он закурил, ради смелости. Горький дым сразу обжёг горло, закусал лёгкие.

Хорошилов прохрипел сквозь кашель:

— Ты сейчас пойди и позови сюда Нуртазина. Пусть свои бумаги возьмёт и запишет меня в советские люди.

Нуртазина на зоне боялись даже больше Хозяина. Поэтому Алтай, когда эту фамилию услышал, с ведром и шваброй шилом вылетел на улицу.

Заключённые в палате уже очухались со сна, даже Кучкин очнулся от бреда. Его тёмные глаза на худом, обросшем щетиной лице тревожно следили за другом.

Туберкулёзник повернулся от стены к Хорошилову:

— В стукачи пойдёшь?

— От веры отречься буду! — твёрдо ответил Хорошилов.

11. Уже лжебратья

Лейтенант Нуртазин из своего кабинета слышал, какими матюками Хозяин воспитывает заведующую больницей Кизякову.

Нет, перед пенсией, после этого случая не быть Хозяину полковником, не быть, ухмыльнулся Нуртазин. А вот ему можно крутить дырки на погонах, и станет он — “товарищ старший лейтенант”. После такого вербовочного дела — обязательно станет!

Нуртазин достал из стола пустые скоросшиватели и занялся нудной работой — подшиванием бумаг.

Вот сюда — объяснительную Кизяковой. Сюда же — копию заявления об увольнении медсестры Гули.

В другую папку подшиваем заявления больных о воровстве лекарств в больнице. Дырокол клал и клал, пока перед Нуртазиным не остались две бумаги, самые ценные. На столе лежали отпечатанные типографским способом заявления двух верующих о добровольном сотрудничестве, о полном сохранении тайны такого сотрудничества, о суровой ответственности за разглашение, вплоть до расстрела.

Против каждого пункта — “обязуюсь”, в бумагах стояли подписи Хорошилова и Кучкина.

Для каждой из этих бумаг Нуртазин приготовил особый скоросшиватель и очень бережно подколол туда заявления. Всю эту канцелярщину он спрятал в сейф, сделал суровое лицо и принялся ждать, когда Хозяин пришлёт к нему на дополнительное политическое воспитание Кизякову.

Между тем солдаты, переругиваясь страшным матом, из маленькой уютной палаты перетащили местного уголовного авторитета в большую, туда, где лежали Хорошилов и Кучкин. А их положили на чистые простыни, под белые одеяла, на подушки с наволочками. Всего двоих в палате! Из города приехала незнакомая врачиха с новой медсестрой и долго осматривала вероотступников. Она сразу же приказала сделать Кучкину укол, достав из санитарной сумки целую упаковку ампул с иностранными надписями.

Пока медсестра возилась с Кучкиным, врачиха жёсткими руками обследовала рану Хорошилова.

— Этого завтра в город, на рентген! — распорядилась она Нуртазину, а Хорошилову улыбнулась, — через десять дней танцевать будешь, парень!

Танцевать через десять дней не пришлось ни Хорошилову, ни Кучкину, хотя они почти выздоровели. Кучкин, правда, курить табак отказался наотрез. Но зато перед каждым обедом ему наливали сто граммов медицинского спирта. Он торжественно разводил его пополам с водой и выпивал. И съедал тогда три порции обеда. Обеды им носили из офицерской столовой. Почти домашние.

— Куда в тебя влазит? — поражался Хорошилов.

— Жизнь требует! — весело отвечал Кучкин и заваливался спать до вечернего укола и ужина.

А Хорошилову сам Нуртазин притащил блок хороших болгарских сигарет “Стюардесса”. Деньги на них он без долгих раздумий взял с личного счёта местного уголовного авторитета.

Поэтому вечером, двадцатого декабря, в палату к ним ввалился угрюмый уголовник — авторитет зоны и, нарочно оставив дверь открытой, пошёл пересыпать матерками свой ультиматум.

Он сообщил Кучкину с Хорошиловым, что как только они выйдут из больницы, их будут через день избивать до полусмерти. А через месяц он лично обоих зарежет. Матерясь, он вытащил из тумбочки Кучкина импортное лекарство, сунул себе за майку и попытался отобрать у Хорошилова сигареты.

Он не видел, выворачивая руку Хорошилову, как в дверях палаты появился незнакомый в зоне майор, а за ним — медсестра Наташа.

Офицер рукояткой пистолета молча ткнул уголовника по жирному загривку. Падая, тот разнёс себе лицо о край кровати и сломал об пол челюсть.

Двое солдат, словно по приказу возникших у двери, отволокли уголовника в первую палату, на законное место.

Незнакомый офицер ничего не сказал. Он развернулся и вышел, тщательно прикрыв за собой дверь.

Так же молча медсестра Наташа вернула Кучкину лекарство.

— Ого! — только и сумел высказаться Кучкин.

— Угу, — отозвался Хорошилов. Он трясущимися руками пытался прикурить сигарету, обрётённую чужой силой.

12. Как бы освобождение

Кучкину и Хорошилову, бывшим евангельским христианам-баптистам, так и не удалось испытать ночных избиений и последней боли от воровских ножей.

Выписать из больницы их обещали только после Нового года. Но наутро, двадцать пятого декабря, в палате появился тот незнакомый майор. За ним солдаты тащили ворох гражданской одежды.

— Выбрать по росту и одеться тепло! — прозвучала команда.

Вся одежда была новой, неношеной, пахла почему-то одеколоном, а не нафталином.

Напоследок, прежде чем переодеть трусы, они получили ещё по уколу и уж тогда принялись за примерку.

— Эх, в баньку бы ещё! — не выдержал Кучкин, представ перед офицером во всей гражданской красе: новеньком полушубке, нутриевой шапке и зимних полусапожках свиной кожи.

Офицер неожиданно ухмыльнулся:

— Будет тебе банька, будет и осёл, и дыня тоже будет!

Хорошилов в это время примерял шапку. На его голову подходила только льялая шапка кроличьего меха. Он вострепнулся:

— Как-к-кая дыня, гражданин начальник?

Но тот уже стоял как каменный, только рукой махнул — “живей”.

Они гуськом вышли из больнички и прошли к воротам зоны. Возле ворот их встречали Хозяин и Нуртазин. Хозяин лично передал офицеру свои бумаги, а Нуртазин — свои. Тот, не глядя, сунул их в портфель и откозырял.

Тут же рядом стояла белая “Волга”. Офицер сел на переднее сиденье автомашины.

Хорошилов и Кучкин, заложив, как положено, руки за спину, пришибленно озирались по сторонам. Они ждали лагерный “воронок”.

— Занять заднее сиденье “Волги”, живо! — скомандовал офицер. Хорошилов и Кучкин поторопились выполнить приказ.

Огромные ворота зоны строгого режима открылись, и белая “Волга” рванула туда, где, наверное, для верующих ад, а для неверующих — рай.

Свобода-а-а! И тревожная “дыня”.

Служебная переписка

25.12.1981 г.

Москва, КГБ
Быстрову

Телетайпограмма

К приёму Хорошилова и Кучкина обстоятельства созданы. “Легенды” утверждены начальником УКГБ по Ферганской области. Место жительства для секретных сотрудников подготовлено в домах частного сектора. Работу, по легенде, будут искать сами, что обеспечит максимум контактов с верующими. Для более профессионального внедрения в нелегальную среду верующих, а также плотного блокирования подопечных наружным наблюдением требуются минимум три оперативника, желательно из дальних районов Казахстана, знакомых с менталитетом южного населения страны.

Фергана, УКГБ
Чуйкин

Телетайпограмма

26.12.1981 г.

Москва, КГБ
Петрову

Гражданскую одежду, выданную заключённым Хорошилову и Кучкину в ИТК № 8 города Экибастуза для этапирования в Москву, просим вернуть по принадлежности или перевести на наш счёт денежную сумму из расчёта:

полушубок овчинный (два) 82 руб. 70 коп.
костюм полушерстяной (два) 167 руб. 32 коп.
рубашки отечественные (две) 18 руб.
сапоги зимние, отечественные (два комплекта) 86 руб.
бельё нижнее, отечественное (два комплекта) 12 руб.
шапки зимние (кролик, нутрия (две)) 52 руб.
Всего на сумму 418 руб. 02 коп.

Павлодар, УКГБ
Нурмаков

Распоряжение

28.12.1981 г.

Москва, КГБ

Финансовая часть

На счёт Павлодарского УКГБ перевести 418 руб. 02 коп. за носимое имущество, используемое для оперативной надобности по делу “Дыня”. Основание — телетайпограмма Павлодарского УКГБ.

Телетайпограмма прилагается.

Москва, КГБ
Крючков

13. Ещё этим летом

В Москве, если стоять напротив гостиницы “Космос”, то по правую руку будут жилые многоэтажные дома. В глубине дворов стоит серый девятиэтажный дом на два подъезда. От других домов он ничем не отличается, только у него функция другая. Оба подъезда этого дома отданы под гостиницу для прибывающих на курсы повышения квалификации оперативных работников КГБ. В доме том обычные квартиры, обычная мебель, одинаковые ковры и телевизоры. Население там необычное, большей частью мужское, тридцатилетнее. И ещё, возле лифтов там дежурят не дедульки с бабулками, а молодые мужички в хороших костюмах. Левый бок у костюмов обычно слегка оттопыривается, но так уж в этом доме для лифтеров заведено. Чтобы в гостиницу эту попасть, надо сначала на массивной двери набрать цифровой код. Дверь откроется, за ней появится человек, и ему надо показать удостоверение личности.

Посторонних в дом водить не велено. Да и не водят. Сам можешь хоть на четвереньках приползти, только цифровой код помни и до кровати доберись. Но без посторонних.

Иначе очутишься где-нибудь на Павлодарском тракторном заводе учеником слесаря. Или на Колыме, в солдатской шинели, с винтовкой образца 1945 года. Вот так-то.

В эту гостиницу поселились удравшие от генеральского гнева Ахметов, Самохин и Пашин. Им выделили комнату в двухкомнатной квартире. Нормальную комнату: три кровати, телевизор, кресла, стулья. Кухня есть, посуда есть, живи, как дома. Только учись, как проколов в работе не делать да родную контору не подводить.

Вторую комнату занимали два хмурых украинских оперативника. Они на день раньше приехали, горилку допить не успели, сало не доели. Пришлось в первый же вечер им помогать.

Хохлы оказались промышленниками¹¹, хуже того, ракетчиками. Даже названий заводов, где “пасутся”, ни разу не назвали. Ну, всё правильно, им до пенсии один шаг. Держите, ребята, язык на привязи, но закусывайте.

Сильно крепка горилка!

Правда, всё хорошее когда-нибудь кончается. Вот и горилка кончилась. Но сало осталось. И наметившуюся дружбу требовалось существенно поддержать. Полгода вместе жить придётся, может, хохлы лишний раз докладную забудут написать, пожалеют соседей-собутельников. Да и наши в отчётах руководству некоторые украинские грешки пропустят. Большое и нужное дело — дружба народов. Особенно профессионалов!

Самохин всё это сообразил, шмыгнул в свою комнату и принёс две поллитровки родного, павлодарского розлива.

Теперь и сало кончилось, и водка.

Тоhtar Ахметов, по казахской народной привычке возглавил небольшое людское возмущение — встал и открытым текстом, то есть с матерками, заявил, что хохлы предатели. Спрятали от народа сало и горилку. Он, Ахметов, тайком проверил у них шкафы и холодильник. Сало и горилка есть, и много.

Тогда поддатые хохлы сделали свой самый верный и коронный ход со времён Богдана Хмельницкого.

¹¹ Промышленники — оперативные работники КГБ, обеспечивающие безопасность в промышленности.

Они перешли на украинскую мову:

— Як це же на кожний вихідний день.

Вмешался Пашин с русским вероломством:

— Сегодня надо выпить всё! Или в унитаз вылить. Здесь сухой закон. Попробуй, выпей! Специальная комиссия ходит по вечерам. Попадёшься на стакане — сразу вылетишь из органов. Мы уже бывали на этих курсах. И спиртного не держим, кроме одеколона после бритья.

Если он начинал врать, то врал детально, убедительно.

Украинцы пригорюнились. Если так, то от запасов надо избавляться. А если врёт парень, как акын Джамбул? Обьедят бедных станичников, а у самих запасы окажутся немерянными?

Самохин обнял обоих украинцев и повёл к себе в комнату. По очереди открыл три чемодана. Там лежала одежда и разные командировочные причиндалы. Обнаружилась, правда, варёная курица в чемодане Пашина. Володька курицу немедленно достал и торжественно отнёс в холодильник.

Хохлы недоверчиво переглянулись и начали искать в шкафах и под кроватями.

Пашин сел на свою кровать и чуть не подскочил — он сидел на бутылках, спрятанных под покрывалом!

Свирепый взгляд Самохина это подтвердил.

Володька Пашин замер под этим взглядом, внутренне матерясь и надеясь, что рядом на кровать не опустится стокилограммовая туша Ахметова.

Но так и случилось. Ахметов небрежно плюхнулся к Пашину. Но тут же взревел от боли, подпрыгнул и откинул покрывало.

Все двадцать изделий Павлодарского винзавода лежали рядом, как солдаты на учениях, только посверкивали под ярким электрическим светом.

Пашин не пытался даже чего-то соврать. Он хохотал вместе со всеми над скукоженным от боли Ахметовым.

Украинцы нисколько не обиделись:

— Выставляй литр на литр, — сказал их старшой, и снова восстановилась дружба!

Наутро никто, конечно, на занятия не прибыл. Секретарша начальника курсов с утра начала обзванивать гостиничные комнаты по списку и фамилиям заселённых.

И везде получала одинаковые ответы: “простыл, куда-то вышел, ещё не прибыл”.

— Как, не прибыл? — удивлялась секретарша, — он уже в списке!

— А чёрт его знает! Мы ещё не познакомились...

— А чего вам знакомиться? Вы с одного города, с одного управления! Имейте совесть, товарищи курсанты! Генерал Савченко за дисциплинарные нарушения под зад коленом отправляет обратно с понижением в должности!

В приёмную дверь была открыта, и генерал слышал, разумеется, диалоги секретарши.

— Даю восемь часов на устройство личных дел! Курсантам прибыть для вводной лекции к 18 часам! — скомандовал генерал Савченко. По понедельникам, а был знойный июльский понедельник, начальнику курсов тоже не всегда здоровилось.

Секретарша перезвонила в гостиницу и передала уточнённый генеральский приказ.

И тогда в подъездах началось суматошное хлопанье дверей:

— Хлеба нет?

— Солью не богаты?

— Пузырь займи!

Через час во всех квартирах стоял храп. Чистый водочный запах опохмелённых организмов вытягивало в вентиляционные шахты и тут, уже на крыше, его забивал запах бензина и гари от московских заводов и машин.

14. Понедельник — день тяжёлый

Начальник курсов повышения квалификации сотрудников КГБ СССР генерал-лейтенант Савченко вышел из-за рабочего стола и уселся в кресло возле холодильника, замаскированного под тумбочку.

В кабинет заглянула секретарша, будто ненароком. Он поманил её рукой, и тогда она изнутри заперла дверь на ключ.

На журнальном столике появились бутылка выдержанного виски, минеральная вода, лимон и молотый кофе.

Генерал-лейтенант Савченко по горло нахлебался служебных строгостей во времена правления Сталина и Хрущёва, а потому блаженные времена Брежнева ценил как великую награду за всё дикое и дурное в его жизни и карьере.

— Ну, Танюха, за открытие очередных курсов!

Они выпили виски и закусили тем, что Савченко называл “Николашка”. Её выдумал последний царь на Руси, значит штука полезная и страданием покойника освящённая, пояснял Савченко, предлагая выпивающим эту простейшую закуску.

На кружок лимона с одного края он сыпал немного сахара, с противоположного края — немного кофе. Складывал это пополам, пирожком и — готово! Прошу закусить!

“Николашка” замечательно отбивал запах спиртного. А если весь день только генеральской закуской пользоваться, то снаружи употребление спиртного не заметно, даже если крупную дозу принять. А внутри — всё в порядке!

— А вот теперь выпьем за дорогого Леонида Ильича Брежнева, Танюша, — сказал Савченко, поднимая стакан тяжёлого стекла с янтарной жидкостью.

Татьяна подала ему “Николашку” и взяла свой стакан. Она приняла тост за Леонида Ильича, зная, что шеф говорит искренне, а не для рассованных везде микрофонов. Выпили по второй. У них такой ритуал был — после второй покурить. Закурили. И всё молча. Каждый отдыхает, каждый сам себе генерал. “Да, продержался бы Леонид Ильич подольше, — мыслил Савченко, — а то грозятся мужики, что Андропов придёт на пост Генерального секретаря. Тогда сытной жизни “звездец”! Турнёт его Андропов на пенсию, и пойдёшь ты, Савченко, в рыболовы, на триста рублей в месяц”.

Татьяна начала готовить мясную закуску, когда раздался телефонный звонок. Звонил аппарат с гербом, “кремлёвка”.

— Ну, накаркал, — вслух сказал Савченко и ладонью быстро прихлопнул рот.

В трубке раздался тихий голос председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова:

— Здравствуйте, Андрей Силантьевич!

— Здравствуйте, Юрий Владимирович!

В мозгах у Савченко билось: “врать нельзя, нельзя врать”!

— Поздравляю с началом занятий! Как курсанты? Познакомились с ними?

— Знакомство, Юрий Владимирович, я на вечер отложил.

— Ясно. А занятия начались удачно?

“Не держи паузу, не держи!” — кололо в голове генерал-лейтенанта.

— Я утром занятия отменил, Юрий Владимирович.

— Чего так?

— А понедельник — день тяжёлый! Лучше, думаю, во вторник начнём.

— Ясно. Может, и мне сегодня на дачу уехать? Я все выходные в городе сидел, в Управлении. Чего посоветуете?

“Издевается, издевается... Звездец тебе, генерал!”.

— Конечно, поезжайте, Юрий Владимирович. Домашние Ваши будут довольны. Да и Вам отдохнуть полезно, — бодрым голосом отвечал будто не Савченко, а человек чужой, нагловатый.

— Может, и выпить мне полезно? На даче, под огурчик?

Генерала вопрос потряс. Неужели так оперативно прослушка доложила, что он в кабинете устроил выпивон? Или председатель учуял по голосу, что генерал расслабился? Савченко вдруг подумал, что на пенсии хрен он будет получать триста рублей. Дадут сто двадцать, как работяге, и пей, генерал, “бормотуху”, как простой советский народ её пьёт!.. Голову так затуманило, никакой “Николашка” не помог.

— Зачем под огурчик, Юрий Владимирович? Ледяная водка замечательно идёт под горячие грибы в сметане. Чисто русская закуска. Только так!

Неожиданно Савченко услышал, как Андропов, отведя трубку, сказал кому-то: “Позвони на дачу, пусть готовят холодной водки и поджарят грибов в сметане!”.

— Я учту ваши пожелания, — сказал Андропов и попрощался.

Савченко осторожно положил трубку и остекленело посмотрел на Таню.

Она быстро сунула Савченко виски, тот залпом выпил, что было. Сам налил ещё и снова выпил. Только после этого лицо генерала приняло нормальный кирпичный цвет.

Жареные грибы в сметане!.. И чего он звонил?

Савченко скинул китель, расстегнул ремень, избавился от ботинок и рухнул на диван. Татьяна намочила полотенце холодной минеральной водой и положила компресс на горячую генеральскую голову.

15. Чисто русская закуска

Предупредив своего заместителя Крючкова, что тот остаётся на хозяйстве, Андропов через двадцать минут уже мчался по Рублёвскому шоссе к себе на дачу. Он не думал, где повар в июле возьмёт белых грибов, не

думал, что решат о его внезапном отъезде в Управлении и отделах. Чёрт возьми, он не просчитывал даже, что придумают в Политбюро! “Полстакана холодной водки и горячие белые грибы в сметане!” — это смысл чего? Жизни? А двое суток, сорок восемь часов безвылазно просидеть в Управлении, продержат двести человек два выходных дня, как оказалось, для лишней, ненужной работы — это жизнь? Двое суток его, Андропова, прожжённые профессионалы готовили для визита Брежнева за рубеж кривые и обходные пути от лобовых, неприятных вопросов зарубежных умников. И на тебе! Хлыщи из Министерства иностранных дел в последний момент суют ему западную бумажку, где доказательно обобщалось, что в СССР нарушаются права верующих. А значит, нарушаются и права человека. “Визит Генерального секретаря ЦК КПСС требует взвешенного подхода к внутренним проблемам СССР и руководители развитых стран не настаивают на его осуществлении в оговорённые сроки”. Короче, не нужен ваш визит! А этот визит Брежнева добавил бы много плюсов в его, Андропова, борьбе за власть. Очень много плюсов! А власть, это что — смысл жизни? Сама жизнь? Нет, не полстакана водки. Врачи не дураки, если запрещают. Может, только рюмочку — 20 грамм? А может, повернуть сейчас назад, созвать начальников управлений на совещание? Позатыкать любыми способами эти проклятые подпольные церкви, все их нелегальные надомные типографии, закрыть границу намертво! Сталин бы закрыл...С кем он утром разговаривал? А! Савченко! Хороший офицер. Хотя и пьёт в рабочее время. Но не врёт! Как нынешние молодые деятели партии и правительства. Понабрали в аппарат лобастых умников, с лицом на Запад, затылком на страну. Перемен требуют, либерализации политики! Нет, надо спасать страну, закрывать границы, чтобы духу западного не видели, не слышали, не нюхали даже! Только с кем прикажете закрывать границы? С кем закрывать церкви? С этими... расхристанными оперативниками? Которые будут пить на курсах втихоря каждую ночь, и Савченко будет вынужден их покрывать. Потому что у них собачья работа, они в театр ходят только по служебным делам, а отдыхают с водкой. Ограничить торговлю спиртным? Запретить совсем? Бюджет рухнет, как под бомбами. Ему специалисты много чего рассказывали про бюджет страны. Как он висит, будто резиновый шарик, а к нему уже подбираются с палкой. А на конце палки — игла. А на игле надпись: “пьянство, разгильдяйство, коррупция”. Как в сказке. Только это не сказка, это — жизнь, Выйти бы сейчас к народу и сказать все эти мысли вслух! Что страна погибает и ей нужен крепкий кулак. Нет, не дадут выйти, пока ты не на самом верху, пока не все-сильный император, выйти не дадут. Придумают подлянку, как с Кировым в Ленинграде, или ещё хлеще. Нужен другой подход, нужна акция, где опираться можно только на свои силы, на своих людей, на КГБ! Зачем он звонил Савченко? Что от него хотел? Отругать? Нет...Тот сегодня поступил грамотно. Не за рецептом же закуски он звонил?

— Вспомнил!

Андропов набрал по радиотелефону свою приёмную и приказал помощнику соединить его с Савченко.

Спит сейчас со страху генерал-лейтенант или пьёт? Тоже со страху? Андропов лично звонил Савченко всего третий раз, а это считается или к повышению, или к увольнению. Человек старой, ещё сталинской закваски, Савченко всё просчитывает и понимает.

Его соединили быстро. Значит, Савченко на месте и трезвый. Надо будет про него не забыть... потом, в Кремле.

— Слушаю, Юрий Владимирович! — раздался голос Савченко.

— Скажите, — неожиданно спросил Андропов, — вы сегодня с утра пили?

— Пил.

— Много?

— Стакан виски.

— А почему не водку? Мне водку рекомендуете, а сами виски глушите, подрываете отечественный бюджет.

— Так не успел ещё после выходных водкой запастись, Юрий Владимирович...

Отвечает нагло или смело? Наверное, не нагло и не смело, просто знает Савченко цену правде. Если бы он, Андропов, выпил сейчас стакан виски! Он бы Садовое кольцо берлинской стеной обнёс, а СССР — колючей проволокой в три ряда.

До сих пор Андропов говорил слегка устало и насмешливо, а теперь перешёл на свою обычную манеру разговаривать.

— Андрей Силантьевич, извините, я совершенно устал и не успел сказать вам главного. Сегодня, когда будете знакомиться с курсантами, скажите, что лично мне скоро потребуется десяток серьёзных парней из глубинки. Непьющих, некурящих. Лучше из Казахстана. Парней подберите так, чтобы была сработанность. Ну, вам видней. Понятно?

— Так точно.

— Повторяю, мне требуются непьющие и некурящие. Выполняют специальное задание, получают повышение в звании и прочие награды, вплоть до перевода в Москву.

— Есть! Будет исполнено, Юрий Владимирович!

— А почему надо пить водку? Не коньяк, не виски, не вино? Чего вы от меня скрываете, Андрей Силантьевич?

— А вам, Юрий Владимирович, любой врач скажет — лучше водку пить, чем всякую иностранную гадость. “Кто где родился — там и пригодился”, говорят в народе.

— А, так в народе говорят? Тогда всего доброго! — Андропов положил трубку.

На правительственной даче Юрий Владимирович сразу спустился в кухню.

Повариха показала ему сквозь стекло духовки дюжину крохотных кокотниц, над которыми золотилась аппетитная корочка. Сытный, грибной запах волной шёл из духовки.

Повариха ласково улыбнулась:

— Вам в столовой накрыто, а у меня через три минуты будет готово.

Андропов поднялся в столовую. Жестом отослал адъютанта и, наоборот, махнул официанту. Тот ловко разместил в центре стола четыре разных бутылки водки.

“Где родился, там и пригодился”, — вспомнил Андропов. Он выбрал не шведский “Абсолют”, который пытался было пододвинуть Андропову официант, а “Столичную” московского завода “Кристалл”. Завод “Кристалл” специально готовил небольшие партии отечественных водок для высшего руководства страны.

А тут и повариха появилась. Она на двух тарелках несла две маленькие мисочки грибов в сметане.

Юрий Владимирович вдруг почувствовал зверский аппетит, сосущую сладость которого уже и забыл.

Официант открыл бутылку “Столичной”. Юрий Владимирович отобрал её и налил себе сам — полстакана.

В комнате стало тихо-тихо.

Председатель КГБ одним махом опрокинул водку в рот. И сразу почувствовал, как подожгло желудок и потеплело в пояснице. Маленькой ложечкой в абсолютной тишине он опустошил обе мисочки с грибами и заел кусочком чёрного хлеба. Попросил:

— Ещё две, Наташа.

Повариха торопливо принесла ещё две кокотницы.

Андропов взялся за бутылку.

— Доктор... — начал было официант, но Андропов только сверкнул тёмными очками, и официант исчез.

Тут уж Юрий Владимирович не щедрился. Налил граммов 50, выпил и теперь закусывал, не торопясь. В желудке появилась лёгкость, а давящие в пояснице почечные боли, на удивление, исчезли.

Он больше ни к чему не прикоснулся на столе:

— Не будить, — только и сказал, направляясь в спальню.

Он проспал шесть часов ровным спокойным сном, а когда проснулся, снова ощутил, что почки вспухли и ноют. Но тело отдохнуло и мозги посвежели. Андропов отчётливо представил себе, какие вопросы необходимо поднять на очередном заседании Политбюро и чем прижучить Черненко. Этот сибирский валенок в последнее время как нянька трясётся над Брежневым, рисует ему тихую, благообразную страну. По Черненко выходит не страна с ядерными ракетами, а болото с лягушками! А Политбюро вместе с ЦК КПСС в этом болоте — пеньки! Крови надо побольше влить в это болото! Нагнать им ужаса. Как в Венгрии, в 1956 году... Хорошо тогда умыли Венгрию! А испугайся тогда посол СССР Юрий Андропов крови? Где бы сейчас была Венгрия и весь венгерский народ? В каком лагере? Страшно представить, в центре Европы, среди сплочённого блока стран социалистического содружества, сытая и красивая капиталистическая Венгрия. Среди нищих и озлобленных! Так не бывает. Вот почему надо так запугать Центральный Комитет партии, чтобы дружно проголосовали за Андропова-избавителя. От чего избавителя, это третий вопрос. Всегда найдётся — от чего. От многих миллионов подпольных деструктивных элементов, разлагающих страну. Под вывеской религиозных культов, например. Как партизаны в тылу, нет, точнее, как меньшевики в семнадцатом году. Так будет точнее и понятнее этим зажавшимся фарисеям из Центрального Комитета...

И ещё — в мозгу ясно нарисовалась схема ходов, которые предстояло реализовать. Их реализация по линии внутренней контрразведки позволит нейтрализовать всю эту верующую накипь и повернуть в нужное русло международные переговоры, которых ждёт Брежнев. “Я их больше жду, а не Брежнев”, — сжав и до того тонкие губы, уточнил себе Андропов. И время не ждёт, надо действовать быстро, жёстко, без оглядки на рысью улыбку Черненко и вой западных правозащитников. Это моя страна, мои в ней жители!

16. Штучное задание

Ровно в 18.00 в большой аудитории не приметного здания возле метро “Казанская” собрались все курсанты. Умытые, побритые, наглаженные, как на приём к министру.

Начальник курсов генерал Савченко выждал за дверью десять секунд и вошёл в аудиторию. На нём тоже не замечалось следов усталости. Наоборот, перед курсантами предстал бравый генерал, с орденскими планками на кителе парадного мундира. Судя по ним, орденов и медалей у Савченко хватало. Особенно боевых, порохов палёных. Поговаривали, что в войну Савченко действовал в бригаде знаменитого Судоплатова, и головорез был замечательный. Но это разговоры, а факты упрятаны так далеко, что и выискивать их не стоит. Башку откусят и выплюнут.

Прошла процедура знакомства, когда генерал поднимал каждого и дотошно выпрашивал: срок службы, специализацию и прочее. Узнали курсанты, что им предстоит изучать и какую практику придётся пройти. Получалось так, что теоретические занятия занимали процентов двадцать учебного времени, а практика — наружное наблюдение — все восемьдесят. Резонно выходило, что их, не известных в лицо никому в Москве, бросили на поддержку местных спецслужб.

И лишь в конце беседы генерал Савченко объявил:

— По личному распоряжению товарища Андропова тех из курсантов, кто добровольно и навсегда откажется от употребления алкоголя и табака, ждёт важное правительственное задание. Естественно, со всеми полагающимися в случае выполнения задания наградами.

Послышался неуверенный гул курсантских голосов.

Савченко опять выждал 10 секунд и добавил:

— Контролировать вас, тем более каждого, нецелесообразно. Вы сами себя проконтролируете, как высокосообразные граждане. По принципу: “Один на всех и все на одного”. Вы все грамотные, писать отчёты и докладные умеете. А руководство потом конкурс ваших “докладных” устроит и выберет победителей. Я понимаю: трудно, тяжело доносить на товарищей по службе, но ещё раз объявляю — дело добровольное. У вас времени достаточно, чтобы принять решение. В ноябре я желал бы видеть десяток непьющих и некурящих курсантов. До свидания, товарищи. Желаю вам успешной учёбы!

Он вышел, ухмыляясь.

Аудитория сначала шёпотом, а потом уже в полный голос начала обсуждать “просьбу председателя КГБ СССР”.

Виталий Самохин талдычил:

— Ну попали, ну попали!

— Это нарушение прав человека и гражданина! — со смехом выкрикнул кто-то.

Курсанты хохотом поддержали шутку.

— Прошу не обсуждать действия председателя КГБ! — зычно рявкнул здоровый, плотный бугай, выбранный старшиной курсов. Он был харьковский, и прославился тем, что задержал настоящего шпиона:

— Вам же не силой горилку вливают. И “соску” под пистолетом не суют! Каждый сам решает за себя. Разойдись!

На улицу вылились кучей и кучей повалили в метро.

Павлодарская троица отделилась — намечено было поехать в пивной бар.

Володька Пашин демонстративно закурил, и они зашагали на остановку трамвая.

— Ох и стучать друг на друга будут, во всю ивановскую! — бубнил Самохин.

— Такое дело на курсах — келе рояк¹²! — уверенно заявил Ахметов, — может, Савченко это нарочно придумал, чтобы дисциплину укрепить?

Володька Пашин аж поперхнулся сигаретным дымом от простоты этой мысли, потом прокашлялся:

— Нет, тут всё серьёзно. Савченко не дурак, чтобы именем председателя прикрываться и официально поощрять доносы.

Самохин завёлся:

— Бросать курить надо, верю. Если в засаде сидеть сутки, двое, какое курево?

— А что, пить в засаде можно? — съехидничал Пашин.

Они уже сидели за столиком в баре, пили первую дюжину пива с павлодарским вяленым чебаком, когда Ахметов вывалил им секретные тайны спецслужб.

— Я у нашего заместителя Нуркенова в гостях был. Случайно телефон звондай¹³ слышал. В южных городах — Ташкент, Фергана, Чимкент — стоит подпольная баптистская типография. Бас казахша¹⁴ КГБ Утепов приказ получил — алл кеттыге¹⁵ ей делать!

Пашин удивился.

— А мы причём? Свои своих пусть и берут!

— Да не могут они вычислить, где она стоит! — от нервной запальчивости и выпивки Ахметов мешал казахские и русские слова, сильно коверкал язык, — наверное, нас в нелегальные баптисты выделявать будут. Разведчики-баптисты получаемся, значит. Белемес¹⁶?

— Да понял я, понял! Но из тебя-то какой баптист? Ты же казах! — искренне удивился осовевший Самохин.

Тут они чуть не сцепились с Ахметовым в драку. Пашин кое-как развёл.

Ахметов никак не мог простить оскорбления нации:

— А что, казах не может баптистом быть, да? Что казах тебе только чурка, да? Я сам видел казахов-баптистов в Алма-Ате. Одного арестовал даже. Казах — нация такая, он всё может!

Но тут подкатили вышибалы, и павлодарские гости Москвы оказались на улице. А на столе в зале осталось шесть кружек недопитого пива, а главное, жирный вяленый чебак.

Вот примерно из-за таких случаев положено было при выходе в город сдавать удостоверения личности. Взамен выдавались другие. Пашин, например, был монтёром линии связи, Самохин — простым водителем. Больше всех гордился Ахметов. У него значилось, что он — мастер

¹² Келе рояк — первый раз, буквально первая рюмка.

¹³ Звондай — телефонный разговор.

¹⁴ Бас казахша КГБ — здесь: начальник казахского УКГБ республики.

¹⁵ Алл кеттыге — буквально: полный конец.

¹⁶ Белемес — понял.

подземных коммуникаций. Он до драки не хотел верить, что это обозначает канализацию.

В квартире вечером украинцы начали пороть горячку, вплоть до того, что горилку и водку требовали вылить в унитаз.

Вразумлять их взялся Самохин:

— Тут выпивки осталось на неделю, а вы уже хвосты поджали! Таких разведчиков я ещё не видел! Сама как кончится — всё! И пить, и курить завяжем.

— А с проверкой придут? — сразил Самохина украинец. Самохин провокацию отразил мгновенно:

— А надо честно жить! Мы же птенцы Дзержинского! Придут, мы честно ответим: да, выпиваем, да, курим! Но в ноябре, как указал товарищ Андропов, ни одной бутылочки, ни одной сигареты вы не найдёте. И хоть всю кровь на анализы заберите, ни алкоголя, ни табака в ней не обнаружите. Мы будем чистые баптисты. Даже нелегалы, если Родина позовёт и прикажет!

17. Учёба

Теоретические занятия на курсах были интересными: в основном преподаватели рассказывали поучительные истории, какие им пришлось пережить в ходе внутренних контрразведывательных операций. Почти половина преподавателей во время лекций сидела за специальной ширмой, не углядишь, кто такой.

Записывать лекции строго запрещалось. В одном смысле это было замечательно, сиди себе, слушай интересные байки и думай про себя, хоть о бабах, хоть о выпивке. Мало хорошего выходило тогда, когда преподаватель внезапно, на самом интересном месте прерывал рассказ, называл фамилию курсанта и требовал: “Ваши действия?”. Названный бедолага вставал и начинал влёт фантазировать на тему: “Объект, дедулька шестидесяти лет запросто заходит в женский туалет в метро “Останкино”, а я мечусь у входа и от бешенства готов с любой бабы платье содрать, только бы в туалете очутиться. Может, мой дедулька сейчас в бабульку переодевается, а может, в окно вылезит...”. От курсанта требовалось грамотно прокачать ситуацию и выдать решение, как правильно действовать в конкретной ситуации. Бывало, курсант выдавал такое решение, что в аудитории хохот стоял весь урок, да потом ещё неделю анекдоты ходили, “как хохол, притворившись в стельку пьяным, рванул, якобы за женой, в женский туалет и орал: “Дай пять копеек на метро, чёртова баба!”. Преподаватель за ширмой хохотал вместе со всеми. Потом сообщал своё решение, что он терпеливо ждал у входа в женский туалет и резких движений не совершал. Наблюдаемый объект действительно переоделся старухой, но его выдала походка, и он благополучно привёл наружное наблюдение на конспиративную квартиру. Где и был задержан. Впрочем, придумку насчёт пьяного мужика, перепутавшего подземный туалет с метрополитеном, преподаватель оценил, тем более за то, что наблюдательный украинец упомянул о решётках на окнах туалета, куда вылезти невозможно.

Однажды и Самохину довелось поучаствовать в подобной игре. Занятия проводил пожилой отставной контрразведчик. Прятать свою лысину

и очки за ширму он не стал, зато занятия вёл напористо и строго. Любые фантазии разносил в пыль и требовал только реальных поступков и действий, не нарушающих общепринятые законы. Он сразу признался, что в разбираемой истории группа оперативного состава упустила на территории Алтайского края матёрого перевозчика нелегальной религиозной литературы. Он исчез прямо на глазах полутора десятков человек вместе с машиной и литературой. А когда заявились к нему домой, то литературу уже Бог прибрал. Весь посёлок обыскали, всё без толку. Лысый преподаватель всю историю рассказал подробно и толково. Был июль, сенокос. Нелегал с грузом прорывался между полями, по просёлочным дорогам, ранним утром. Его преследовали на пяти машинах, оборудованных радиостанциями. Немного затрудняли наблюдение клетки лесопосадок, но нелегала теряли из виду максимум на пять минут. И вот в одной клетке он исчез. Или в подземный ход ушёл, чего быть не могло, у нас не Вьетнам, тропа Хошимина не прорыта. Или Бог его по воздуху унёс, чего тоже не могло быть, поскольку Бога нет. В аудитории притихли, уж больно заковыристая задача досталась Самохину, раз её до сих пор столичное Управление не решило. А Самохин спросил только, была ли на полях техника, и какая. Преподаватель, сугубо городская личность, вполне толково описал и сеновозки — машины с наращенными бортами, и огромные прицепные тележки к мощным тракторам “Кировец”, и смонтированные на тракторах стогомёты — здоровенные вилы для погрузки и выгрузки сена. Самохин своими вопросами достал преподавателя до пота. Тот уже приказал Самохину сесть и не тянуть время до конца урока бездарными вопросами. Самохин приказ выполнил, сел. Но с места всё же спросил, а не было ли на сенокосе, где нелегального перевозчика потеряли, стогомёта, смонтированного на “Кировце”? Это к тому, что обычные стогомёты промышленность выпускает на колёсные, маломощные трактора “Беларусь”. Но наши народные умельцы, чтобы в баню быстрее после работы попасть, а в бане и выпить, сами мастерят здоровенные вилы и вешают их на “Кировцы”. Такая махина за один раз три тонны сена грузит. А то и пять.

До преподавателя дошло:

— Ёлки зелёные! Механизаторы с ним сговорились или он с ними... неважно, вилами поддели его легковушку, поставили в грузовик и сеном закидали! И на наших глазах увезли! Был, был там, Самохин, громадный стогомёт! Светлая у тебя башка, парень!

— Это не башка, — сознался Самохин, — это я после армии, в деревне, на таком “самопале” за пять минут восемь тонн сена кидал на стог. По итогам сенокоса премию дали — десять рублей!

Преподаватель не услышал про премию. Он скомкал занятия и раньше времени покинул курсантов. Видимо, поспешил в управление, отмыкать старые грехи.

Так что теорию изучать было весело и даже полезно.

Выматывали практические задания.

То требовалось человека в городе отследить и арестовать. Главное, непонятно, понарошку или всерьёз гонялись за человеком и брали его, бывало, с боем. После чего ловцы неделю ходили с царапинами и синяками, а трое парней из Ленинграда после одного такого дела угодили с переломами рук в больницу. Но и такая практика считалась развлечением, вроде зарядки на свежем воздухе, для аппетита.

“Каторгой” среди курсантов называлось плановое, круглосуточное дежурство у посольских зданий западных супостатов. Дежурили на машинах и обязательно парами. Задремать нельзя, напарник утром сразу состряпает бумагу. Ему почёт, тебе — понижение. Работа такая, государственной важности, терпи, особист, разведчиком будешь. Если дослужишься...

Особо донимали курсантов американцы.

Вдруг, в семь утра, из ворот американского посольства вырывается чёрный “Линкольн” посла и мчится по Москве. В эфире сразу мат и вой.

Виталий Самохин на чёрной “Волге”, если у ворот дежурил он, всегда успевал цепляться “Линкольну” на хвост. Посла там, может, нет, а может, и есть, стёкла у ихней лайбы тёмные — не углядеть. Но гнать его надо. “Линкольн” как придавит газу, под 180 километров в час, и пошёл по улицам вилять. И Виталька давит 180 километров в час. Потому как у его машины только вид “Волги”, а под капотом — форсированный движок от “Чайки” на крепкой раме, а в багажнике для равновесия — чугунное “колесо” от канализационного люка, в центнер весом.

Днём это было нормальной работой. А вот ночью, ночью начиналась самая каторга.

Эти вражины метались ночью по Москве как по Нью-Йорку, будто домой вырвались. Получалось так, что вылетали в город все машины посольского гаража и все сотрудники на личных автомобилях. И чёрт знает, куда их носит: может, метки шпионам ставить, может, тайники заряжать, а может, и по бабам. И надо всё отследить, устно доложить и рапорт написать.

А утром сменишься, бутерброд в зубы — и бегом на теоретические занятия до шести часов вечера. Приедешь в гостиницу, рухнешь на кровать и — “до утра полковника не кантовать, при пожаре выносить первым”!

Ахметов ещё выпивал для расслабления организма “ночной напёрсток”, а Пашин с Самохиным от выпивки отказались. Не лезла в рот белоголовая зараза. А вообще первыми в их квартире выпивать отказались украинцы. Они в буфете обменяли свою горилку на колбасу и теперь по утрам пили чай с колбасой.

От курева отвыкнуть было тяжело. От сна в ночные дежурства только куревом и спасались. Тут, как всегда, помог случай. Буфетчица на первом этаже то ли сжалилась над Пашиным, то ли пригреться возле него хотела, но выручила крепко. Он как раз покупал кефир и вслух мучился: брать или не брать сигареты?

— Ты, Пашин, знаешь чего, — наклонилась она к нему, когда тот собирал сдачу, — у меня знакомая есть в специальной аптеке для больших чинов. Она намеренно хвасталась, что получила импортную антиникотиновую жвачку. Захочешь курить — жвачку пожжёшь, как самосаду покуришь. Говорят, здорово помогает! Давай тебе возьму. Только смотри, она дорого просит!

На чудесную жвачку заставили раскошелиться Ахметова. Тот в Москву приехал с хорошими деньгами, чтобы перед столичными коллегами выглянуть прилично. Вот на благое дело эти деньги и сгодились.

Раскрутили Тохтара Ахметова на главном аргументе: “В Москву работать попадёшь”! Ахметов деньги дал, но всю жвачку забрал себе, чтобы

распределять самолично. За это на него не обиделись, уважать надо древние обычаи и характер такого народа, что с ним сделаешь?

На первых порах и правда помогла противотабачная жвачка.

Курить, конечно, хотелось, но не до такой степени, чтобы из мусорного ведра “бычки” выгребать.

18. Назначены на баптистов

И вот пришёл ноябрь. Прошли праздники: 7-е ноября, День милиции, приближалось уже 20-е число, а генерал Савченко будто забыл про своё обещание, точнее про обещание Председателя КГБ СССР.

Тут у кого-то на четвёртом этаже случился день рождения. Сначала парня поздравили, кто был на теоретических занятиях, вечером поздравили “практики” и вроде этим кончилось.

А потом по одному, потихоньку на четвёртый этаж в квартиру именинника стали проникать жаждующие добавки.

Началось нормальное застолье в честь новорождённого: с водкой, с куревом, с разговорами по душам.

И тут нагрянула, наконец, комиссия, которую столько боялись. Возглавлял её сам генерал Савченко.

Он не ругался, любезно говорил всем “сидите, сидите”, а сам приказал следовавшему за ним прапорщику переписать собравшихся, включая тех, кто спрятался на балконе, в туалете и в ванной. Перед уходом Савченко произнёс короткую речь:

— Ни один из присутствующих никоим образом наказан не будет. Это маленькое застолье никак не отразится на вашей карьере. Тем более что личный праздник происходит в нерабочее время. Просто вы не будете участвовать в операции, большое значение которой придаёт Юрий Владимирович Андропов. До свидания!

Через день после памятного застолья Самохина, Пашина и Ахметова отстранили от занятий и к двенадцати часам приказали прибыть к генерал-лейтенанту Савченко.

Прибыли.

В кабинете, кроме Савченко, сидел плотный сорокалетний мужик в штатском, с волчьими глазами. Не действующий оперативник, нет, бери выше — начальник оперативного отдела. На лице штатского это читалось отчётливо, да и дёрганое поведение Савченко подтверждало, что посторонний в кабинете — большая шишка.

Когда расселись за приставным столом, незнакомый начальник сел напротив павлодарской троицы, закурил, пуская им дым в лицо.

Самохин демонстративно чихнул и отодвинулся от стола вместе со стулом.

Тот вдруг как заорёт:

— Какого хрена вы отпустили Эннса? Думаете, мы здесь в Москве ничего не знаем? На курсы сбежали, чтобы ваш генерал вам звездюлей не вставил и с работы не турнул? Я бы вас выгнал к ...японской матери!

И пошёл орать, и пошёл, да всё с матами. Прошёлся по каждому.

Савченко молча разгуливал сзади ругаемых, а сами они присмирили.

Матерный ор стоял уже четверть часа. Самохин придвинулся к столу, дотянулся до графина с водой, налил стакан и выпил.

Начальник оперативного отдела (если это был он) вдруг замолк и с любопытством посмотрел на Самохина.

— Самохин? — уточнил фамилию.

— Так точно!

— Мне налей, в глотке пересохло.

Самохин налил и ему. Тот выпил и сказал:

— Ладно, парни, вроде как на выдержку вы проверку прошли. Выдержка вам пригодится.

Он достал три пропуска на Лубянку, выписанные на четвёртый подъезд Управления.

— Жду завтра в десять ноль-ноль. Там получите задание и всё остальное.

Пашин не удержался и спросил:

— А почему мы?

За лубянского гостя ответил Савченко:

— Вы ни на кого не стучали, и на вас стуку не было.

— А соседи наши? — взвился тут Ахметов, — они день с ночью на нас строчки чертил, начальнику бумажкем подавал, нету скажете? Я разведочные знания применял, всё видел! Зачем бедный казах обманываешь?

Савченко с укором посмотрел на нервного курсанта, достал из ящика стола тоненькую пачку рапортов, зачитал один: “Самохин горилку не пьёт, Пашин не пьёт тожить. Ахметов потребляет, но малёнько, малёнько, тильки для сна”.

— Вы это называете доносом? — грозно спросил Савченко, — дать бы вам, Ахметов, почитать, что другие понаписали друг на друга! Даже задницу подтереть стыдно такими бумажками! Впрочем, если вы боитесь ответственного задания...

Самохин понял, что их старшой, изображая обиженного представителя великого казахского народа, малость переусердствовал в своей бесхитростности. Самохин прервал генерала:

— Извините, товарищ генерал, ответственности мы не боимся. Просто устал наш старший товарищ, за двоих работал, недосыпал...

— Недоедал, — добавил за Самохина лубянский начальник, оглядывая шестипудовую фигуру Ахметова с широченным лоснящимся лицом. — Твоя ряшка да твой акцент нам как раз и подходят. Будем считать, нам повезло, что вы из Казахстана и дело знаете.

Пашин уточнил:

— Какое дело?

— Баптистов грамотно догонять, а неграмотно отпускать, — ответил Савченко, — надеюсь, вы у нас научились делать наоборот?

— Там, куда они попадут, жизнь научит, — сказал, заканчивая беседу, лубянский начальник, — а не научит... что ж, обеспечим похороны по чекистскому обряду — в братской могиле, под трехкратный ружейный салют.

Продолжение в следующем номере.

Людмила МЕЛЬНИКОВА

“Мне хочется порой побыть наедине...”

Музыка души

Так бывает только миг,
Когда время замирает.
От слиянья душ двоих
Мир вселенной затихает.
И в безмолвной тишине
Музыка души играет,
И звучит она во мне —
Так бывает, так бывает.

Буду вновь я ожидать
Долгожданной нашей встречи
И любовью наполнять
Мир, вселенную и вечность.
Любоваться, как в тиши
Только свечи догорают,
Слушать музыку души...
Так бывает, так бывает.

Людмила Евгеньевна МЕЛЬНИКОВА

родилась в Караганде в 1955 году. Окончила музыкальное училище имени Таттимбета, Челябинский институт культуры, прошла ассистентуру в Ленинградском институте культуры имени Н. К. Крупской. Тридцать лет отдала педагогической работе в школе,

воспитанию и обучению детей, подготовке будущих учителей. Много лет работала хормейстером с учебными, самодеятельными хоровыми коллективами, выступая с творческими концертами по местному радио и телевидению. Ныне руководит вокально-хоровой студией в Карагандинской гимназии № 3.

Член Союза композиторов Казахстана, лауреат республиканских конкурсов казахстанской песни, заслуженный деятель РК, отличник образования Республики Казахстан, председатель общественного объединения композиторов Карагандинской области “Балауса”, член Союза писате-

лей Карагандинской области, автор многих сборников песен и стихов, в том числе для детей.

В этом номере “Нивы” публикуется очерк Валерия Могильникового “Приоритеты Людмилы Мельниковой”. Предлагаем вниманию читателей подборку её лирических стихов.

В твоих глазах небесный свет
И родников голубизна,
Любви, надежды в них расцвет
И дна морского глубина.

В них блеск, хрустальная роса
И сила нежности и страсти.
Твои волшебные глаза
Мне дарят жизнь, любовь и счастье.

Не смогу уйти

Меня влечёт неистово к тебе
Земное-неземное притяжение.
И робко покоряются судьбе
Мой разум, сердце и воображение.

Мгновенье — взгляд, без слов слова,
Дрожащий голос кротко замирает.
Ах, как кружится снова голова,
Когда твой взгляд, как молния, пронзает.

С тобой готова все пройти пути,
Страдания, муки, ненависть людскую.
И не смогу я от тебя уйти,
Пусть даже вдруг полюбишь ты другую.

Прости

Сама не знаю, почему
С тобой всегда я в ссоре.
Переча сердцу своему,
Оказываюсь в споре.

Хочу сказать тебе я: “Да”,
Но губы шепчут: “Нет”.
Так знай, что слышишь иногда
Неискренний ответ.

Ну почему же, почему
Всегда с тобой я в ссоре,
Переча сердцу своему,
Оказываюсь в споре?

Терпеть капризы ты устал,
Ловлю твой строгий взгляд.
Хоть упрекать меня не стал,
Но встрече вряд ли рад.

Не стану больше злить тебя,
Не стану волновать.
Я буду ждать тебя, любя,
Я буду очень ждать.

Наедине

Мне хочется порой
побыть наедине,
послушать тихий плеск
дождя в ненастье.
Мерцанье первых звёзд
в вечерней вышине
улавливать — какое это счастье!

Подумать хочется
о чём-то о своём,
чтоб не мешали звуки, крики, люди.
От суеты земной
круговорот — мы в нём.
И бесконечно гомон этот будет.

Мне хочется порой
по улицам гулять,
брести без всякой цели,
просто так.
За светом фонарей
дорожных наблюдать,
шагам прохожих
подпевая в такт.

Могу часами степь
с восторгом созерцать.
Смотреть, как горизонт
стремится в бесконечность.
Простор родной земли,

г. Караганда.

что ласкова, как мать,
дарует радость всем
и озаряет вечность.

Ах, если бы ещё
запечатлеть тот миг
слияния небес
с морской лазурью.
В потоках вихревых
услышать чайки вскрик
и встретить — не страшась —
нагрянувшую бурю.

Так хочется порой
по-детски помечтать,
поверить сердцем в то,
чему навряд ли сбыться.
В тиши перелистать
заветную тетрадь —
в ней память о былом
хранят страницы.

С собой наедине —
у мира на виду —
отрадно постигать
гармонию природы.
Мгновение — и я
в цветущий сад войду,
ладони простерев
к парящему восходу.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, член-корреспондент
Международной академии информатизации

Приоритеты Людмилы Мельниковой

Прошло уже больше двух лет после состоявшегося в Караганде творческого вечера ведущего композитора Сарки-Арки Людмилы Евгеньевны Мельниковой, а я до сих пор нахожусь под впечатлением этого яркого праздника музыки, под обаянием виновницы этого торжества.

В первые же дни пребывания в шахтёрском городе я был покорён её приятным голосом, большими приветливыми глазами, манерой держаться на сцене. И старался не пропускать ни одного концерта Людмилы Мельниковой, непременно одаривая её алыми розами или ромашками. Дарили ей букеты цветов и мои коллеги по перу Алексей Воейков, Георгий Истомина, Аркадий Фридлянд...

Помню, тысячи алых роз буквально усыпали сцену Дворца детей и юношества, где проходила презентация книги Людмилы Мельниковой “Детство”. Весь зал был полон её поклонников. Она стояла на сцене счастливая и гордая в окружении детей, её руки были полны подарков, грамот, цветов. Тогда я впервые почему-то подумал о Мельниковой: это луч света в нашей скудной культурной жизни Караганды, талант, которому нет конкурентов в области. Да и мои коллеги-писатели мне говорили о том же. Тогда Аркадий Фридлянд удивлялся: “Никак не пойму, почему в нашем городе так мало талантливых, творческих людей? Таких, как Мельникова, можно на пальцах пересчитать. А ведь так не должно быть! В Караганде одних вузов больше десяти, в каждом с десятком “звёзд” можно воспитать”.

В чём дело? Изъяны в образовании, воспитании молодых, отсутствие думающих учителей, учёных, педагогов с большой буквы? Но нельзя ведь забывать и о самообразовании. От самого человека многое зависит. У Мельниковой дар сочинять музыку проявился рано, и она его не растеряла, наоборот — постоянно развивала, ни на час не отрываясь от фортепиано. Ещё когда Людмила Квасова (девичья фамилия Мельниковой) обучалась в Карагандинском музыкальном училище имени Таттимбета, то она заявила подругам: “Я непременно стану композитором, таким, как Владимир Яковлевич Шаинский...”. Одногруппники зашушукались: “Тоже мне композитор нашёлся! Да в нашей Караганде отродясь таких не водилось!”. И вдруг Людочка Квасова удивила всех знанием истории:

— Это неправда! В нашем городе училась композитор Александра Пахмутова. А ссылку здесь отбывали композиторы Шварц, Варламов...

Однако самым любимым своим композитором Людмила Мельникова в то время и, как говорится, во веки веков считала Петра Ильича Чайковского. Его Первый концерт для фортепиано с оркестром она знала наизусть. И когда играла его, то душа её наполнялась оптимизмом, высоким смыслом жить и созидать.

Со временем она начала глубже интересоваться жизнью и творчеством П. И. Чайковского и поняла, что быть композитором — это тяжкий труд. Она увидела как-то в музее в Ленинграде партитуру Шестой Патетической, которую несколько раз переписывал композитор, и последний вариант был весь испещрён исправлениями и пометками. Чайковский говорил: “Вдохновение — гостья, которая не любит посещать ленивых...” и не позволял себе ни на один день расслабиться, создавая гениальные мелодии. Даже прогуливаясь по скверу близ своего двухэтажного дома в Клину, он то и дело сворачивал в беседку, где торопливо записывал ноты в специальную тетрадь.

Людмила Мельникова тоже выработала в себе такую привычку. Ещё в Челябинском институте культуры она отказалась от лёгкой студенческой жизни, ограниченной только учёбой по заданной программе. Стала ставить перед собой сверхзадачу — писать песни не хуже настоящих композиторов. Она шлифовала своё мастерство, обучаясь в ассистентуре-стажировке Ленинградского института им. Н. К. Крупской, советуясь с известными композиторами А. Шнитке, В. Чистяковым, Я. Дубравиним, обучаясь у профессоров В. Васильева, П. Левандо, в Москве — у В. Соколова, В. Попова. Не всё получалось, как хотелось бы, но она снова и снова возвращалась к сочинению, чтобы совершенствовать мелодии, идущие из глубин души. Она продолжала напевать их на семейной даче, подражая то шелесту берёз, то трелям жаворонка в выси облаков... и новые мелодии покорялись ей, их оставалось только зафиксировать на бумаге. Сейчас на счету композитора Людмилы Евгеньевны Мельниковой более 300 музыкальных произведений: песен, фортепианных прелюдий, баллад, пьес... Вспоминаю, когда я в 1989 году приехал в Караганду, то уже тогда по радио часто звучали её песни на стихи местных поэтов. Позже она сама возьмётся сочинять слова к своим мелодиям. Но тогда Людмила была ещё в плену бытовавшего положения, что музыку к песне пишет композитор, а текст — обязательно поэт. И в содружестве с карагандинскими сочинителями З. Исагуловым, Н. Бондаренко, А. Салеховым она создаёт немало патриотических песен, в том числе известную теперь “Юности причал — Караганда”.

Хотя я был в то время “пришельцем с иной планеты”, только приехавшим из России в Казахстан, Людмила Мельникова и меня завербовала в авторы своих песен. Приближалось 90-летие со дня рождения К. И. Сатпаева, ей очень захотелось написать песню об этом великом сыне Казахстана, но где взять подходящие слова? И тут она узнаёт, что я тоже поэт, к тому же сатпаевед, написал большой очерк о Каныше Имантаевиче “Слава и тернии академика”, опубликовал его в журнале “Простор”. И она звонит мне: “Вы не можете отказать в просьбе композитору Мельниковой”. Песня “Звезда Сатпаева” была исполнена сводным хором на городском вечере, посвящённом юбилею учёного-геолога. Тогдашний секретарь обкома

партии Куаныш Султанов был в восторге — Мельникову несколько раз вызывали на «бис». Песня так понравилась дочери известного геолога, доктору геолого-минералогических наук Меид Канышевне Сатпаевой, что она включила её в великолепную сувенирную книгу «Юбилей Сатпаева», изданную в Алма-Ате в 2002 году.

Если говорить о приоритетах Мельниковой в музыкальной жизни Караганды, надо отметить одно обстоятельство — она первой среди композиторов Сары-Арки стала сочинять песни для детей. Я неоднократно слушал в исполнении маленьких артистов её песни «Барби», «Домовой», «Пираты», «Кис-кис», написанные для малышек, и прямо скажу, что в них Мельникова

поднимается на довольно приличную высоту мастерства, соперничая со столичными композиторами. Не зря на республиканском конкурсе композиторов «Обыкновенное чудо» она отличилась, получив сразу две награды: вымпел с золотой птицей в номинации «Лучший композитор» и вымпел с золотым пером за авторские стихи к песням. Сам Владимир Яковлевич Шаинский, приехавший на конкурс из Израиля, тепло поздравил Людмилу Евгеньевну с высокими наградами. Когда ж она подарила ему свою книгу «Песни, хоры», то он с удивлением сказал:

— Молодцы, казахстанцы! Сейчас трудно издавать книги с песнями, это очень дорогое удовольствие. Но у вас всё получается, я рад...

И тут мне хотелось бы отметить пионерство Мельниковой в Центральном Казахстане в издании книг с нотами. До Людмилы Евгеньевны в Карагандинской области сборники песен выходили без нот, только с текстами. И если человек не знал мелодий, то, ясное дело, он и не мог исполнять песен карагандинских композиторов. И сборники эти пылились на книжных полках в библиотеках, пока их за ненадобностью не списывали в макулатуру.

И вот первая ласточка — книга «Земное назначение», в которой к каждому тексту крупно написаны ноты. Она вышла большим тиражом — пять тысяч экземпляров. И уже через несколько дней после её выхода песни Мельниковой запели профессиональные артисты, самодельные исполнители.

Как-то я попал на вечер женского клуба «Свеча», и что же мне запомнилось? Это песни Мельниковой «Миром правит любовь», «Рейс 30-22» в

исполнении солиста Карагандинского театра музыкальной комедии Валерия Штыкова. У него в руках я увидел книгу “Земное назначение”. Пел он с вдохновением, душевно...

Затем один за другим выходят сборники песен Мельниковой с нотами “Барби”, “Песни, хоры”, “Детство”, “Фестиваль” и другие... Но скажите: доходят ли они до людей, используют ли их в своей работе музыкальные деятели, преподаватели учебных заведений? Однажды Мельникова выезжала в Жезказган на музыкальный конкурс, посвящённый 50-летию города. Когда её встречали на перроне вокзала, она сразу же заинтересовалась: “Как мои песни, идут ли в народ?” — и руководитель отдела культуры городского акимата Зинаида Чумакова сразу её успокоила:

— Жезказганцы давно знают вас и любят ваши песни. Больше всего в ходу те, что напечатаны в сборниках песен.

Жезказган поразил Мельникову творческой атмосферой, добрым и трепетным отношением к талантливым людям. Она встретила с целой делегацией учителей, которые прибыли в гостиницу, чтобы увидеть “живого” карагандинского композитора, автора популярных песен, которые разучивают и исполняют жезказганские дети. Ещё больше поразило Мельникову то, что её песня о Жезказгане удостоилась главного приза “Гран-При”. Стать первой из 23 композиторов области, участвовавших в конкурсе — это незабываемая победа, как и победа на республиканском конкурсе патриотической песни “Елим менин” в 2004 г. в Астане, где песня Л. Мельниковой на её стихи “Республика моя, независимая” была признана одной из лучших патриотических песен Казахстана и завоевала помимо титула лауреата особую награду — картину “Золотой воин” художницы Е. Леонтьевой, которую вручил композитору на сцене Конгресс-холла генерал-лейтенант А. Б. Тасбулатов. Жюри оказалось очень проницательным, в своём предпочтении предопределив судьбу этого хорового произведения. Сегодня песня “Республика моя, независимая” стала патриотическим гимном о Казахстане среди детей и юношества, который исполняется во всех уголках страны, на фестивалях и массовых праздниках, в школах и концертных залах. Группа “Балауса” с этой популярной песней не раз приглашалась в Президентский центр культуры на концерты. В канун 15-летнего юбилея независимости Республики Казахстан Л. Мельникова написала новую песню “Казахстанская земля”.

И, конечно, вполне логично, что Людмилу Евгеньевну Мельникову несколько лет назад приняли в Союз композиторов Казахстана. И закономерно, что её избрали председателем общественного объединения композиторов Карагандинской области “Балауса”. Признание творчества... Не это ли самый большой подарок для композитора, который посвятил ему более 30 лет, как и музыкально-педагогической работе с детьми и молодёжью? Потому и “пустых” песен без содержания у неё нет. Все её произведения учат любви к Отчизне, уважению к старшим, доброте, великодушию, закладывают и развивают основы нравственности, духовной красоты. Не удивительно, что на её 50-летний юбилей тогда собрались сотни карагандинцев, гости из Балхаша, Темиртау, Сарани, переполнив огромный зал Дворца культуры горняков, чтобы выразить благодарность за её музыкально-воспитательную работу с детьми, за её творческий талант и щедрость души. “Прилетели” и телеграммы из Санкт-Петербурга, Алматы, Астаны, а также из Парижа от французских создателей фильма о Караганде, в котором было представлено и творчество Л. Мельниковой.

На юбилейном концерте заместитель акима Карагандинской области Е. Тугжанов и аким г. Караганды Ю. Литвинов вручили композитору Почётные грамоты.

Л. Е. Мельникова — Отличник образования Республики Казахстан, доцент, заведующая отделом культурно-воспитательной работы Карагандинского университета бизнеса, управления и права. За заслуги перед государством была награждена Почётной грамотой Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, за вклад в развитие культуры и искусства — Почётным знаком “Деятель культуры” Министерства культуры, информации и спорта РК.

Объединив всех композиторов области в творческое общественное объединение “Балауса”, Л. Мельникова мечтает о решении задач по созданию и развитию казахстанской музыки, в том числе детской песни, и надеется на поддержку в работе руководителей области и города, а также совета по взаимодействию с НПО. Ей хотелось бы знать о возможностях различных международных фондов, представляющих гранты на развитие НПО.

— В нашей республике выделяются огромные средства на развитие культуры, но общественные объединения вынуждены выживать на собственные взносы. Сборники, диски, видеоклипы издаются с большим трудом за свой счёт и при спонсорской поддержке, а концерты наши носят благотворительный характер, — сетует композитор. — Чувствуем, что могли бы сделать больше, но средств недостаточно, а спрос на нашу музыку очень высок. Поэтому говорить о масштабности нашей деятельности ещё рано. Пока достойная новая музыка не зазвучит в эфире, со сцены залов филармоний и не опубликуется в нотных сборниках, процесс популяризации казахстанской музыки не сдвинется с места ещё долгие годы.

Но композиторы — люди одержимые, патриоты искусства и, несмотря на все трудности, их песни поёт весь казахстанский народ.

Людмила Евгеньевна Мельникова не теряет оптимизма. С мужем Валерием вырастила троих, уже ставших взрослыми, детей. Она, как и прежде, в творческом поиске и очень надеется, что совсем скоро наступят новые времена, когда музыка современных композиторов будет доступна для казахстанцев благодаря многотысячным тиражам в сборниках, дисках, видеоклипах, а со сцен и радиоэфира полетят, словно птицы, к слушателям проникновенные мелодии, воспевающие жизнь, любовь и дружбу людей.

Потенциал гуманитарной сферы

12-13 ноября 2007 года в Астане при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ прошёл Второй форум творческой и научной интеллигенции стран Содружества. С казахстанской стороны организаторами этого крупнейшего мероприятия, имеющего важное международное значение, выступили Министерство культуры и информации, Министерство образования и науки и АО «Казах ауенде-ри». Форум проходил под девизом «Культура, наука, образование — будущим поколениям стран Содружества», что нашло своё яркое отражение в составе его участников (их, кстати, свыше 500 человек). В форуме наряду с представителями культурной и научно-образовательной элиты Содружества, членами Совета по гуманитарному сотрудничеству, правления Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран-участниц СНГ участвовала и большая группа молодых деятелей культуры и науки из большинства государств Содружества.

В начале было Слово...

Следует отметить, что идея проведения форумов творческой и научной интеллигенции СНГ возникла в 2005 году, когда в Москве деятели науки, образования, искусства создали инициативную группу по проведению Первого форума творческой и научной интеллигенции стран-участниц СНГ, возглавил которую президент конфедерации театральных союзов, народный артист СССР Кирилл Лавров (его память минутой молчания почтили участники Второго форума).

И уже в апреле 2006 года в столице России (в здании Фундаментальной библиотеки МГУ) с участием Президента РФ Владимира Путина с успехом прошёл Первый форум творческой и научной интеллигенции Содружества. Лидер России в своём выступлении подчеркнул, что «именно единство духа народов на пространстве СНГ веками скрепляло мир и согласие, оно помогло выстоять и победить в Великой Отечественной войне. Сегодня единство духа также является фундаментом для создания справедливого и свободного мира. Огромная личная заслуга людей искусства, науки и культуры из стран СНГ в том, что связи между странами Содружества по-прежнему крепки». По мнению В. В. Путина, гуманитарная сфера неслучайно всё это время оставалась одной из самых динамичных, самых живых на пространстве СНГ.

Участниками Первого форума были предложены конкретные меры, касающиеся сохранения и развития гуманитарного потенциала, многообразия национальных культур, материального и духовного наследия

государств Содружества в современных условиях. Эти предложения вошли в резолюции профильных палат форума.

Первый форум придал существенный импульс развитию гуманитарной составляющей в многоплановом сотрудничестве в рамках СНГ. Тогда же начали постоянную работу семь профильных палат: культурное наследие (архивы, библиотеки, музеи); образование и молодёжь; наука и технологии; литература и книгоиздание; театр, цирковое искусство; изобразительное искусство, архитектура, дизайн; средства массовой информации.

Важным шагом в укреплении взаимоотношений в сфере духовности стало подписание Договора о создании Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) на заседании Совета глав правительств Содружества 25 мая 2006 года в Душанбе. Эту международную организацию учредили Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Недавно о своём решении присоединиться к Договору заявил Азербайджан. Председателем правления МФГС избран министр образования и науки РК Жансеит Туймебаев, а сопредседателем — руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии Российской Федерации Михаил Швыдкой. В правление фонда входят: министр образования и науки Киргизской Республики Каныбек Осмоналиев, министр культуры и по вопросам молодёжи Республики Армения Асмик Погосян, министр образования Республики Таджикистан Абдуджабар Рахмонов, министр информации Республики Беларусь Владимир Русакевич, заместитель министра культуры и спорта Республики Узбекистан Азамат Хайдаров.

Ещё одной значимой структурой в духовно-культурной сфере является Совет гуманитарного сотрудничества (СГС), создание которого было предусмотрено Соглашением о гуманитарном сотрудничестве, подписанном главами государств СНГ 26 августа 2005 года в Казани. В развитие этого документа на минском саммите глав Содружества 28 ноября 2006 года Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан подписали Соглашение о СГС. На первом заседании Совета гуманитарного сотрудничества, состоявшегося 15-16 марта 2007 года в Алматы, председателем СГС избрана Джахан Поллыева — помощник Президента Российской Федерации, специальный представитель Президента РФ по вопросам гуманитарного сотрудничества со странами СНГ. В состав Совета вошли: посол Азербайджана в России Полад Бюльбюль-оглы, посол по особым поручениям МИД Республики Казахстан, специальный представитель Президента РК по вопросам культурно-гуманитарного сотрудничества со странами СНГ Дюсен Касеинов, помощник президента Республики Беларусь, начальник главного идеологического управления Администрации Президента РБ Олег Пролесковский, помощник Президента Республики Армения Виген Саргсян, государственный советник Президента Республики Таджикистан по социальному развитию и связям с общественностью Саймурод Фаттоев, заместитель министра культуры и спорта Республики Узбекистан Азамат Хайдаров и советник Президента Киргизской Республики Болотбек Шамшиев.

Нужно иметь в виду, что Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества — принципиально новая структура на постсоветском пространстве. Построенный на принципах и подходах авторитетных международных гуманитарных организаций, и прежде всего ЮНЕСКО, фонд

стремится аккумулировать вокруг себя как действующие на пространстве СНГ проекты в области культуры, образования, науки, массовой информации и коммуникаций, спорта, туризма и работы с молодёжью, так и инициировать новые.

В числе приоритетов МФГС: поддержка доступа молодёжи к качественному образованию; построение общества знаний на основе принципов свободы самовыражения и открытого доступа к информации; сохранение и развитие культурного разнообразия и поддержка национальных языков народов СНГ и русского языка как языка межнационального общения; поддержка совместных проектов в области науки, искусства, литературы, кинематографии, спорта и молодёжных обменов.

В ближайших планах фонда — содействие международным школам молодых гуманитариев, разработке обновлённых учебников по русскому языку и языкам народов стран СНГ, содействие в подготовке специалистов в области нанотехнологий и иных высших технологий. Одним из крупных мероприятий МФГС стала поддержка Второго форума творческой и научной интеллигенции стран СНГ в Астане. В 2008-2009 годах основное внимание фонда будет сосредоточено на двух областях гуманитарного сотрудничества — культуре и образовании. “Готовящиеся фондом проекты отвечают на реальные потребности наших стран, где выросли новые поколения, у которых по сравнению с их родителями имеется гораздо меньше возможностей для взаимного общения, совместной учёбы, работы и творчества”, — поясняет исполнительный директор МФГС Сергей Алещёнок.

И проекты фонда открывают такие возможности, поддерживая курсы профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов в разных сферах гуманитарного знания, международные летние школы, конкурсы молодых литераторов, кинематографистов, журналистов, переводчиков, стипендии для обучения в ведущих вузах СНГ. Планируется специальная программа грантов МФГС для поддержки совместных проектов, инициированных непосредственно молодёжью стран Содружества — школами, вузами, молодёжными неполитическими организациями, творческими группами и объединениями.

Фонд будет стимулировать постоянно действующие механизмы взаимодействия стран СНГ в гуманитарной сфере: это программы сотрудничества академий наук, библиотек и архивов, циклы радио- и телевизионных программ о культуре государств Содружества, медиафорумы средств массовой информации, кинофестивали и крупные художественные выставки, издание и взаимный перевод литературы стран СНГ.

МФГС работает в тесном контакте с Советом по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ (СГС), способствуя разработке и реализации приоритетных межгосударственных проектов. Совет рассматривает концептуальные и практические вопросы гуманитарного взаимодействия с учётом предложений органов отраслевого сотрудничества, форумов творческой и научной интеллигенции, общественных и коммерческих организаций, действующих в гуманитарной сфере.

Совместным и чрезвычайно нужным проектом Межгосударственного фонда по гуманитарному сотрудничеству СНГ и Совета по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ стало информационное и иллюстрированное издание “Форум плюс”. Ноябрьский выпуск этого интересного журнала получили все участники Второго форума творческой и научной интеллигенции.

О чём рассказывает “Форум плюс”?

Об уникальности этого журнала можно судить уже по его содержанию, весьма насыщенному. Основные темы номера: “Форум в Астане — форум поколений”, “Молодёжь СНГ в зеркале социологии”, “Трудности перевода: конференция в Ереване”, “О чём мечтает новое поколение художников Содружества?”, “Дебютанты и мастера: литературные номинации”, “Новые гуманитарные проекты”.

Номер открывается подборкой материалов, посвящённых Второму форуму творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ, публикуются приветствия Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, Президента России Владимира Путина, генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, генерального секретаря ЕвразЭС Таира Мансурова, председателя Исполнительного комитета — исполнительного секретаря СНГ Сергея Лебедева.

В своём приветствии участникам Второго форума лидер Казахстана Н. Назарбаев отметил: “В многостороннем взаимодействии государств СНГ гуманитарная составляющая является одним из важнейших направлений. Наши культурные, научные и просто человеческие связи имеют глубокие корни, они опираются на богатые традиции и опыт наших народов. Необходимость дальнейшего развития гуманитарных связей, укрепления взаимопонимания и дружбы приобретает всё большую актуальность с ростом экономических возможностей наших государств. Тесное сотрудничество в сфере науки, образования, здравоохранения, культуры также способствует укреплению позиций Содружества в современном мире.

Символично, что проводимый под девизом “Культура, наука, образование — будущим поколениям” ваш форум открывается именно в молодой столице Казахстана Астане, являющейся символом евразийской интеграции. Уверен, что проведение Второго форума творческой и научной интеллигенции СНГ придаст новый импульс развитию нашего культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества, будет способствовать активизации интеграционных процессов на евразийском пространстве”.

В приветствии Президента РФ В. Путина подчёркивается: “Этот форум можно по праву назвать самым крупным ежегодным мероприятием в гуманитарной жизни Содружества. Он всё больше становится востребованной площадкой для прямого общения коллег и единомышленников из наших стран. Важно, что в ходе такой дискуссии вырабатываются конкретные предложения по обогащению сотрудничества новыми инициативами и проектами.

Отрадно, что в этом году главной темой встречи стала преемственность культурных и научно-образовательных контактов и их значение для формулирования и роста творческой молодёжи стран СНГ. Общность духовно-нравственных традиций народов всегда была и останется непреходящей гуманистической ценностью на близком для всех нас пространстве. И потому будущее наших государств напрямую зависит от профессионализма и высокой культуры подрастающих поколений, их заинтересованного взаимодействия друг с другом.

Многие идеи, родившиеся на предыдущем форуме, уже воплощаются в жизнь. Рассчитываю, что и нынешняя встреча представителей многонационального творческого сообщества даст новый импульс развитию гуманитарного сотрудничества”.

Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, выразив сожаление по поводу того, что не смог лично участвовать в этом значительном событии, высказал свою поддержку форуму, который получил столь яркое начало в 2006 году в Москве: “Тогда большое число участников из всех сфер интеллектуальной и культурной деятельности собрались вместе, обсудили и обменялись мнениями по широкому кругу проблем, затрагивающих не только народы СНГ, но и народы всего мира.

Второй форум опирается на существенную работу, проведённую на предыдущем форуме, и в то же время обращается к нескольким основным темам ЮНЕСКО — сохранению культурного многообразия и развитию общества знаний через интеллектуальные обмены”. Генеральный директор ЮНЕСКО высоко оценил принципиальные задачи форума — продвижение и укрепление научного знания и культурных традиций, укрепление взаимосвязи поколений народов стран СНГ и взаимное интеллектуальное обогащение через обсуждение новых идей.

Кстати, многие материалы ноябрьского номера журнала “Форум плюс” дают наглядное представление о конкретном воплощении идей, озвученных на Первом форуме в Москве, о той существенной работе, проделанной до Второго форума в Астане.

Так, например, участники заседания постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи (МПА) стран СНГ по культуре, информации, туризму и спорту, проводившегося в Кишинёве, договорились разработать модельные законы в профильных областях, которые могут быть внедрены в государствах Содружества. Вице-председатель комиссии депутат парламента Таджикистана Гулназар Келдиев отметил, что цель подобных встреч заключается в разработке ряда законодательных актов, таких как проект первой части модельного Информационного кодекса для государств-участников СНГ, проект изменений и дополнений к модельному Библиотечно-му кодексу для стран СНГ, проект модельных законов об интеллектуальной собственности, меценатстве и спонсорстве.

В октябре 2007 года в Киеве состоялось заседание Международной ассоциации академий наук (МАН), на котором были рассмотрены возможности сотрудничества учёных стран СНГ в области нанотехнологий, выработаны конкретные предложения по активизации совместной научной деятельности в этой сфере.

В Ашхабаде прошла первая международная научная конференция “Туркменистан: музеи Золотого века”. В ходе трёхдневной работы участники конференции посетили Марыйский велаят (область), где ведутся раскопки древней страны Маргуш (Древний Мерв) и находятся крупнейшие историко-археологические памятники Туркмении. В своём обращении к участникам конференции Президент Туркменистана выразил уверенность в том, что это важное мероприятие превратится для музейных работников в своеобразную школу обмена опытом, будет способствовать совершенствованию взаимоотношений между многочисленными музеями всего мира.

В сентябре 2007 года в Санкт-Петербурге состоялись занятия во второй международной летней школе молодых учёных-историков стран СНГ. Первая международная летняя школа прошла в августе 2006 года в Москве. В ней приняли участие более пятидесяти человек, среди которых были слушатели и преподаватели из Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, России, Украины, Узбекистана. На встречу в Санкт-Петербурге

уже приехали представители всех стран СНГ. Молодые учёные-историки с большой заинтересованностью отнеслись к подобной форме интенсификации научных контактов молодёжи государств Содружества, образованию общего гуманитарного пространства. Руководство институтов истории Молдавии и Киргизии выразило готовность провести следующие летние школы у них: в 2008 году — в Кишинёве, а в 2009 — в Бишкеке.

В Алматы под девизом “За единое кинематографическое пространство!” прошёл второй международный кинофестиваль “Евразия”. В нём приняли участие свыше 130 кинематографистов и деятелей культуры из Европы, Америки, Азии, стран СНГ и Прибалтики.

“Проведение в Алматы международного кинофестиваля “Евразия” призвано показать всему миру, что Казахстан и вся Центральная Азия — это территория мира и диалога культур. Наша земля традиционно вбирала в себя все веяния как с Запада, так и с Востока, отражая духовные поиски наших соседей, поэтому именно здесь единение мусульманской, христианской, буддийской религий и миров должно произойти наиболее естественно и органично”, — заявил генеральный директор второго международного кинофестиваля “Евразия” известный казахстанский режиссёр Сергей Азимов.

В Баку состоялся третий форум молодых лидеров стран СНГ и Прибалтики. Как объяснил на его открытии министр по делам молодёжи и спорта Азербайджана Азад Рагимов, “изначальная идея форума — создать условия для представителей нового поколения совместно обсудить возможность стабильного и устойчивого сосуществования в рамках постсоветского пространства... Создать возможность диалога для тех, кто стоит на пороге или уже принимает участие в разработке или принятии решений... для обсуждения наших общих проблем...”. На форуме обсуждались три темы: “Постсоветское пространство при новом мировом порядке: определяя стратегию будущего”, “Культурно-информационное пространство СНГ и Прибалтики: что нас объединяет?”, “Национализм и ксенофобия в странах СНГ и Прибалтики: как с ними бороться?”. В ходе форума участники также коснулись положения русского языка на постсоветском пространстве, придя к единому мнению, что он является главным инструментом для взаимодействия государств. По итогам заседаний были высказаны предложения об унификации молодёжного законодательства, о тесном взаимодействии молодёжных парламентов стран СНГ.

Первый и второй форумы проводились по инициативе российской стороны в 2005 и 2006 годах в г. Сочи.

В рамках российско-узбекского сотрудничества в области образования 180 студентов и аспирантов из Узбекистана начали обучение в Российской Федерации. В посольстве России в Узбекистане состоялась церемония вручения сертификатов группе молодых узбекистанцев на обучение в вузах России за счёт федерального бюджета РФ.

“Качественное образование, которое вы получите в России, в полной мере будет использовано в вашей дальнейшей жизни на благо процветания Узбекистана”, — сказал на церемонии вручения документов временный поверенный посольства РФ в Узбекистане Вазых Серазев.

В Павлодаре 7 октября прошёл поэтический праздник “Цветаевский костёр” в память Марины Цветаевой. Это уже третий подобный праздник в Павлодаре в честь известного русского поэта, на этот раз он был посвящён

115-летию со дня её рождения. У дома № 264 по улице Карла Маркса, где с 1957 по 1959 год проживала сестра поэтессы Анастасия Цветаева, был зажжён костёр и состоялось открытие мемориальной доски на доме. Во время церемонии звучали произведения Марины Цветаевой и посвящённые ей стихи местных поэтов. Праздник прошёл и в Доме-музее Наума Шафера, имеющем большую коллекцию аудиозаписей стихов М. Цветаевой. Основатель единственного в мире музея грампластинок профессор филологии Наум Шафер посвятил своё выступление творчеству поэтессы. Прозвучали записи стихотворений Марины Цветаевой в исполнении известных артистов. Традиция зажигать костёр в память о поэтессе была заложена поклонниками творчества М. Цветаевой на её родине — в городе Тарусе в 1986 году, и с тех пор этот ритуал проводится по всему миру.

Во второй декаде октября 2007 года в Ереване состоялся форум “Перевод как гравитационное поле взаимопроникновения культур”, проведённый при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества. Участие в этой важной творческой встрече принимали писатели, переводчики, издатели из 11 стран СНГ, а также Балтии. Форум отметил большую роль переводческого искусства в международном диалоге как необходимого средства в деле взаимного духовного обогащения народов. И особенно — его значимость для молодого поколения, которому предстоит в будущем развивать гуманитарный диалог. Обсуждались вопросы, связанные с образованием, переводной литературой, издательской политикой, книжным рынком, проблемами авторского права в странах СНГ и Прибалтики. Говорилось о возможностях формирования в этих странах единого культурно-познавательного поля, в том числе с применением современных информационных технологий, о том, что представляет собой художественный перевод в контексте формирования общего культурного пространства СНГ и стран Балтии. Были предложены конкретные меры по решению актуальных проблем в этом направлении, осуществление которых взял на себя Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества. А для координации этой деятельности создан Союз переводчиков стран СНГ.

“Союз дизайнеров” государств Содружества выступил с инициативой проведения ежегодных международных фестивалей-конкурсов молодых дизайнеров государств-участников СНГ — Олимпиад дизайна СНГ. Последовательно Олимпиадами будут охвачены все направления этого вида творчества: дизайн одежды, архитектурной среды, интерьера и его наполнения, графический дизайн, индустриальный дизайн, дизайн-теория и педагогика, арт-дизайн. Финалы фестивалей-конкурсов “Олимпиада дизайна” будут проводиться в столицах стран СНГ.

Вся эта и другая информация, помещённая на страницах журнала “Форум плюс”, красноречиво свидетельствует о том, что гуманитарное пространство государств Содружества наполняется конкретным содержанием, а совместная духовная жизнь обретает реальные очертания и становится более насыщенной.

Работа на перспективу

На основе накопленного опыта Второй форум творческой и научной интеллигенции в Астане, принявший эстафету от Первого Московского форума, учитывая громадные ресурсы гуманитарной сферы, в качестве ключевых определил следующие задачи:

1. Разработка эффективной системы мер по улучшению доступа молодёжи стран Содружества к образовательным, культурным и научным ценностям.

2. Развитие сотрудничества в области новых технологий, в том числе нанотехнологий.

3. Создание цивилизованного рынка услуг в сфере культуры, искусства, образования, интеллектуальной собственности.

12 ноября 2007 года форум проходил во Дворце Мира и Согласия. Пленарное заседание открыл выдающийся писатель, постоянный представитель РК при ЮНЕСКО Олжас Сулейменов, огласивший приветствие Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева.

Сопредседатель форума, ректор МГУ Виктор Садовничий от имени тех, кто стоял у истоков первого собрания интеллигенции в 2006 году в Москве, поблагодарил Президента Казахстана и организаторов форума за тёплый приём и зачитал приветствие лидера России Владимира Путина.

В своём послании к участникам форума Президент Беларуси Александр Лукашенко отметил, что заинтересованный диалог творческой и научной интеллигенции открывает прекрасные перспективы для ускорения и углубления интеграционных процессов, упрочения мира на всём пространстве СНГ.

Глава Киргизии Курманбек Бакиев в приветствии к форуму выразил убеждённость, что он станет ещё одним символом духовного и творческого единения наших народов в новых исторических условиях. А Президент Таджикистана Эмомали Рахмон подчеркнул в своём послании, что именно в гуманитарной сфере лежит ключ к решению самых сложных проблем, с которыми столкнулся современный мир.

Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура также передал самые сердечные приветствия и наилучшие пожелания форуму.

Руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии Российской Федерации, сопредседатель правления Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества Михаил Швыдкой в своём выступлении сказал, что на пространстве СНГ нужны новые традиции культурного, образовательного и научного общения. Он привёл примеры сотрудничества стран Содружества в образовании: только в филиалах МГУ обучается около трёх тысяч студентов. Свои форумы проводят и кинематографисты стран СНГ — это знаменитый “Киношок”, а в Армении прошла крупная встреча переводчиков и издателей.

Выступивший на пленарном заседании заместитель премьер-министра РК Ербол Орынбаев отметил, что перед всеми государствами Содружества стоит задача максимально использовать ресурсы нашего культурного сотрудничества. Формирование общего образовательного и творческого потенциала становится условием устойчивого развития, конкурентоспособности каждой страны. На казахстанской земле накоплен огромный опыт мирного сосуществования разных наций и народностей с их самобытной культурой.

Председатель исполкома СНГ Сергей Лебедев подчеркнул, что тесное гуманитарное сотрудничество способствует сохранению общего культурного наследия и гуманистических ценностей, развитию человеческого потенциала. Одной из задач исполкома он назвал поддержку телекомпании “Мир”, которая активно содействует объединению стран Содружества.

Представляя участникам заседания Джахан Поллыеву, Олжас Сулейменов пояснил, что она не только помощник российского Президента, его специальный представитель по вопросам гуманитарного сотрудничества со странами СНГ, но и замечательная поэтесса. Джахан Поллыева с удовлетворением отметила, что в концепции дальнейшего развития СНГ появился солидный гуманитарный блок, а также создан фонд гуманитарного сотрудничества, детищем которого стал и данный форум. Затем Джахан Поллыева вместе с президентом Российской академии художеств Зурабом Церетели преподнесли организаторам форума выполненный этим знаменитым скульптором мозаичный герб Астаны. А Зураб Церетели добавил, что у него для столицы Казахстана готовы ещё три подарка — фонтаны из бронзы.

Посол Азербайджана в России, член Совета по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ Полад Бюльбюль-оглы привёл слова Н. Назарбаева, произнесённые им в Евразийском университете имени Л. Гумилёва: «Необходимо понимать, что для каждого народа национальная независимость по существу, а не по форме, есть абсолютный приоритет». Признание этого факта является основополагающим условием для успешного сотрудничества. В числе успешных проектов выступавший назвал Евразийский телефорум, «Русскую премию», ежегодно вручаемую авторам из стран СНГ, пишущим на русском языке.

Председатель медиасоюза России Александр Любимов говорил о проблемах журналистики в условиях наступившей свободы слова и выразил надежду, что наш общий менталитет, обусловленный единством некогда нерушимого Союза, и в нынешних условиях может способствовать взаимопониманию.

Депутат сената казахстанского парламента Куаныш Султанов, назвав многочисленные международные конкурсы и фестивали по разным видам искусства, проводимые в нашей республике, заметил, что пока недостаточны контакты в сфере литературы и книгоиздания, а также в некоторых направлениях науки.

Представитель молодёжного симфонического оркестра стран СНГ, лауреат международных конкурсов Андрей Малахов заверил, что молодёжь будет способствовать активизации интеграционных проектов в гуманитарной области. Одной из таких интересных форм и стал международный симфонический оркестр стран Содружества, концерты которого будут традиционными.

Советник Президента Киргизии, известный кинорежиссёр Болотбек Шамшиев сказал, что такой союз творческой интеллигенции стран СНГ жизненно необходим, поэтому многие члены их делегации и в прошлом, и в нынешнем году приехали на форум за свой счёт — ведь только сообща можно решить все проблемы.

Ректор Ереванского лингвистического университета имени Валерия Брюсова Сурен Золян остановился в своём выступлении на проблемах художественного перевода и поддержал идею создания Международного института языков и культур народов СНГ на базе Московского лингвистического университета, имеющего давние традиции.

Известный актёр Сергей Жигунов, возглавляющий Гильдию киноактёров России, призвал объединить усилия кинематографистов бывших союзных республик для создания совместных конкурентоспособных фильмов, а главное — для успешного их проката.

Председатель Ассоциации общественных объединений “Белорусская конфедерация творческих союзов”, заслуженный артист РБ Геннадий Давидько заявил, что для строительства будущего самый прочный материал — духовность и патриотизм. Воспитать новое поколение в любви и добре — задача интеллигенции, деятелей культуры. Для этого в Белоруссии создаются все условия, например, открыто свыше пятисот школ искусств для детей, причём почти половина из них — в сельской местности.

О сбережении народных истоков в художественном творчестве говорил член Российской академии художеств, прославленный модельер Валентин Юдашкин.

Пленарное заседание завершилось выступлением известного политолога, генерального директора фонда “Русский мир” Вячеслава Никонова. Он отметил, что, многое пережив, все республики поняли: то, что нас объединяет, намного значительней того, что разъединяет. Поэтому надо сделать так, чтобы границ между культурами не было. Невозможно сегодня представить русскую культуру и науку без Чокана Валиханова, Абая, Каныша Сатпаева или Олжаса Сулейменова. Содружество должно стать не столько воспоминанием о прошлом, сколько мечтой о будущем — будущем великих народов.

Подводя итоги пленарного заседания, академик Виктор Садовничий подчеркнул, что форум — единственная организация, взявшая на себя ответственность за будущее гуманитарного пространства и сотрудничества стран СНГ.

В тот же день работа форума продолжилась на двух панельных дискуссиях: “Поддержка молодёжи стран СНГ в доступе к ценностям образования, науки, культуры” и “Молодёжь и СМИ, поддержка творческой молодёжи через развитие литературы и книгоиздания”.

Тема первой дискуссии, вызвавшая оживлённую полемику, была выбрана не случайно, поскольку, как неоднократно говорилось на форуме, именно от молодёжи зависит сохранение и развитие того общего культурного потенциала, накопленного несколькими поколениями интеллигенции стран Содружества.

В обмене мнениями приняли участие Джахан Поллыева, Михаил Швыдкой, председатель Союза студентов и аспирантов Казанского государственного института языков Олег Туманов, гость из Армении, директор музея-института геноцида Гайк Демоян, начальник управления международного сотрудничества недавно созданного Государственного комитета РФ по делам молодёжи Лилия Власова, исполнительный директор Конгресса молодёжи Казахстана Нурлан Сыдыков. Академик Национальной академии наук РК Жабайхан Абдильдин назвал творческие, профессиональные контакты неотъемлемой частью науки, а из числа факторов прогресса в этой сфере выделил возможность участвовать в проводимых за рубежом конференциях, в данном случае хотя бы в рамках СНГ. Без этого, по мнению видного учёного, разговоры о сотрудничестве не имеют смысла.

За время дискуссии было высказано немало практических предложений, касавшихся самых различных вопросов. Звучали в ходе встречи

и призывы к согласованию образовательных стандартов, взаимному признанию дипломов, обсуждались возможности выбора той или иной системы обучения в вузе, недостатки и достоинства кредитной технологии и т. д.

В качестве ведущих второй панельной дискуссии выступили депутат Мажилиса РК Танирберген Бердонгаров и директор международного исследовательского агентства России “Евразийский монитор” Вениамин Задорин, который и задал тон развернувшемуся обсуждению.

По исследованиям возглавляемого им агентства вырисовывается своеобразный коллективный портрет молодёжи стран Содружества. Так, например, выяснилось, что молодые в возрасте от 18 до 24 лет сегодня совсем иные, чем в прежние времена: они прагматичны и, что самое неожиданное, консервативны. Приоритеты у них ясные: учёба, образование, дом, семья, работа. Чаше стали задумываться о карьерном росте. А вот отношение к религии по-прежнему вялое. Респонденты Белоруссии и Казахстана рассчитывают преимущественно на себя, а вот россияне и украинцы склонны считать, что по-прежнему государство должно их защищать и обеспечивать. Поэтому и такое понятие, как патриотизм, зашталовалось. Всё меньше юношей и девушек считают себя патриотами, многие готовы уехать в благополучные страны, причём среди них и те, кто считает государство кормильцем, и их оппоненты.

Особый вопрос — отношение к русскому языку. По данным “Евразийского монитора”, русскоязычное пространство стремительно сокращается. Если в России и Белоруссии языком семейного общения в основном остаётся русский, то в Казахстане и на Украине таковым считает себя лишь половина населения, а в Армении и Азербайджане — вообще считанные проценты, всего три-шесть.

Главным оппонентом Вениамина Задорина выступил руководитель фонда “Русский мир” Вячеслав Никонов. Согласившись, что в СНГ отношение к “великому и могучему” действительно несколько изменилось — в Киеве, к примеру, из 360 школ осталось только семь с русским языком обучения, зато увеличивается их число в дальнем зарубежье. В частности, такие школы открываются в Болгарии, Чехии, Словакии и, что удивительно, даже в Польше. Недавно впервые депутатом Европарламента стала Татьяна Жданок, и вполне возможно, что русский станет там одним из рабочих языков. Особенно поразителен такой факт: в одном только Нью-Йорке выпускается на русском языке свыше 70 газет, имеющих свои сайты в Интернете.

Кстати, участниками дискуссии бурно обсуждался вопрос: Интернет — это зло или часть культуры, не станет ли он неким заменителем настоящего образования, развития? Приводились веские доводы как в пользу, так и против влияния Всемирной паутины. Жаркие дебаты разгорелись и по поводу оценок многих телепрограмм.

Вниманию участников форума была предложена и культурная программа. В атриуме Дворца Мира и Согласия экспонировались картины молодых художников Украины, Киргизии, Туркмении, Белоруссии, России, Казахстана и других государств Содружества. А в концертном зале играл молодёжный симфонический оркестр СНГ, которым дирижировал прославленный Фуат Мансуров, выступали солисты Амир Бисенгалиев — скрипач из Лондона, минская певица Анастасия Москвина и московский гобоист Фёдор Егоров. Прозвучали произведения Вивальди, Пуччини, Лалло, Глинки, Чайковского, Шостаковича, Дунаевского и казахских композиторов Рахмадиева и Кажгалиева.

13 ноября с утра работа форума велась в профильных секциях. В Национальной академической библиотеке проходило заседание по теме “Литература и книгоиздание”. Но сначала участники форума ознакомились с большой книжной выставкой, на которой была представлена печатная продукция нескольких крупных казахстанских издательств, в числе которых “Раритет”, “Аударма”, “Фолиант”.

После презентации выставки, о которой рассказал ответственный работник Администрации Президента РК Алибек Аскарров — известный писатель, лауреат Государственной премии республики, видный специалист книжного дела, и начался заинтересованный разговор о литературе, проблемах книгоиздания. Вёл встречу Буркит Аяган, который тепло представил не только выступающих, но и познакомил собравшихся со всеми участниками заседания.

Интересными, содержащими рациональные зёрна, деловые предложения, были выступления как писателей, так издателей и распространителей литературы.

Холдинг-директор популярного московского книжного магазина “Библио-Плюс” Борис Есенькин отметил, что книга может быть другом, врагом, а может быть и пастырем. Невозможно переоценить её роль во взаимопроникновении наших культур.

Заместитель председателя исполкома Международного сообщества писательских союзов (преемника Союза писателей СССР) Иван Сабилло также посвятил своё выступление необходимости создания общего гуманитарного пространства, подчеркнув при этом, что в мире можно разделить многое — материальные ценности, землю, но только культура неделима: она принадлежит каждому народу и одновременно всему человечеству.

Генеральный директор Национальной академической библиотеки Роза Бердигалиева сосредоточилась на теме “Книгоиздание и электронная библиотека: взгляд в 2020 год”, отметив, что уже сегодня ведётся большая работа по формированию такой библиотеки, которая готова соответствовать вызовам времени.

На острых проблемах современности остановился видный писатель, лауреат международной Шолоховской премии, заслуженный деятель РК Сабит Досанов. Он внёс конкретное предложение: чтобы страны-участницы СНГ приняли общий закон о творческих союзах, в котором был бы закреплён особый статус деятелей литературы и искусства. А чтобы всё запланированное не осталось на бумаге, необходимо, по мнению писателя, создать в Москве или Астане постоянно действующий штаб и секретариат форума с печатным органом — общей еженедельной газетой, тиражирующейся во всех наших странах.

Главный редактор журнала “Дружба народов” Александр Эбаноидзе напомнил, что это издание, наследуя добрые традиции, заложенные в советский период, по-прежнему является мостом, соединяющим национальные литературы на постсоветском пространстве, способствует выходу национальных авторов со своими произведениями через русский язык к читателям государств Содружества. В частности, шестой номер “Дружбы народов” полностью был посвящён многонациональной литературе

Казахстана. Александр Эбаноидзе также сказал, что в Казахстане он ощутил серьёзное, внимательное и бережное отношение к литературе и выразил готовность редакции журнала и впредь помогать талантливым авторам из всех стран СНГ.

Не обходили выступавшие и острые “углы”. Гость из Белоруссии — исполнительный директор минских международных книжных выставок-ярмарок Дмитрий Макаров рассказал о сложностях в книгоиздательских и книготорговых связях с российскими партнёрами, причиной которых являются введение уплаты НДС по стране назначения и все вытекающие из этого последствия. Этот вопрос требует скорейшего разрешения через принятие соглашения о создании благоприятных условий для взаимного обмена печатной продукцией в рамках СНГ.

На заседании секции выступили также генеральный директор Российской книжной палаты Валерий Сироженко, главный редактор автономной некоммерческой организации “Диалог культур” Зоя Нефёдова, молодая писательница из Петрозаводска Ирина Мамаева, руководитель проекта-конкурса “Русская премия” Татьяна Восковская, казахстанцы: молодая писательница Айгуль Кемельбаева, писатель, директор издательства “Онер” Аширбек Копишев — и тема каждого выступления дополняла предыдущие, создавая общую картину — участия, обеспокоенности проблемами литературными, переводческими, издательскими, общекультурными. Ведь “культура — это наша общая вселенная”, — как образно выразился кто-то из участников встречи.

“Будущее страны начинается с детской книги, — сказала директор издательства “Балалар адебиети” (“Детская литература”) Шайзада Байкенова. — Она ведёт разговор с маленьким человеком о добре и зле, о мире и труде, о прекрасном и истинном. Но вот на Первом форуме в Москве отмечалась тенденция снижения уровня грамотности населения стран СНГ. Это вызывает большую тревогу и требует активных действий. Кроме того, мы должны средствами книгоиздания помогать воспитывать в детях уважение к своей культуре как неотъемлемой части общемировой”. И в заключение Шайзада Байкенова внесла конструктивное предложение: объявить 2009 год в странах СНГ Годом детской книги, что с одобрением восприняли все участники заседания.

В Президентском центре культуры (ПЦК) прошло заседание секции “Культурное наследие”, в котором участвовали в основном специалисты архивного, библиотечного и музейного дела. Вели встречу директор ПЦК Мырзатай Жолдасбеков и директор Российской государственной библиотеки Виктор Фёдоров.

Участники заседания, ознакомившись с реализацией крупномасштабной государственной программы “Культурное наследие”, убедились, какое огромное значение придаётся в Казахстане возвращению и популяризации многовекового культурного наследия, и дали проводимой работе высокую оценку.

Предметным и содержательным было выступление директора Института археологии имени А. Маргулана Карла Байпакова, рассказавшего о проводимых исследованиях и разысканиях на территории республики,

об удивительных находках и открытиях, значительно обогативших науку о далёком прошлом.

Однако на заседании говорилось не только о достижениях. Так, например, выяснилось, что у работников музеев стран СНГ очень схожие проблемы — в первую очередь кадровые, причём даже в знаменитой Третьяковской галерее, о чём с горечью сообщила заместитель директора Елена Селезнёва. Незначителен приток молодёжи, всё сложнее привлекать зрителя. По сути, об этом же говорил и директор Центрального государственного музея РК Нурсан Алимбай. Кроме того, отсутствуют специалисты-реставраторы, готовить которых приходится самим.

О проблемах библиотек рассказали представитель Роскультуры Татьяна Манилова, казахстанские специалисты, согласившиеся в том, что необходимо тесное сотрудничество — только так можно преодолеть трудности, накопившиеся в результате распада великой страны.

Участники встречи рекомендовали обратить внимание государственных структур на необходимость гармонизации законодательств стран СНГ по защите авторских прав и интеллектуальной собственности, созданию единой базы данных, реализации подпроекта “Виртуальные читальные залы электронной библиотеки диссертаций” и т. д. Намечено активизировать работу по переподготовке и повышению квалификации кадров на базе специализированных учебных заведений государств Содружества, организовать в вузах обучение специалистов архивного дела.

Уже на декабрь 2007 года была запланирована в Президентском центре культуры экспозиция картин из фондов знаменитой Третьяковской галереи. А в 2009 году в Астане пройдёт Евразийский музейный форум третьего тысячелетия, на котором будут рассмотрены перспективы дальнейшего сотрудничества.

Секция “Образование и наука” работала в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилёва, а вели заседание президент НАН РК Мурат Журинов, рассказавший о сегодняшнем состоянии науки в нашей стране и её перспективах, и ректор МГУ имени М. В. Ломоносова Виктор Садовничий, назвавший показательным примером гуманитарного взаимодействия в СНГ создание Казахстанского филиала Московского государственного университета. Правовое обеспечение образования стало одной из ключевых тем выступления депутата Мажилиса РК профессора Камала Бурханова, отметившего, что нормы, по которым работают школы и вузы в большинстве постсоветских стран, должны соответствовать мировым стандартам. Злободневными остаются вопросы сочетания фундаментальной и прикладной науки, перепрофилирования исследовательских институтов в технологические центры, актуальна проблема реорганизации национальных академий наук, выработки их оптимальной модели.

По мнению вице-министра образования и науки РК Фархада Куанганова, проведение форума творческой и научной интеллигенции означает переход сотрудничества между странами СНГ на новый уровень, где возрастает роль контактов в гуманитарной сфере.

Директор Института всеобщей истории Российской академии наук Александр Чубарьян подчеркнул, что в настоящее время наука и образование сближаются всё больше. В целом же довольно непросто найти механизмы согласования гражданской идентичности в независимых государствах с общими процессами. Тем не менее примеры такого сближения ориентиров имеются. Одним из них является школа молодого историка, собирающая учёных из разных стран. Историками сейчас издаётся и совместный журнал, посвящённый прошлому народов СНГ, создан специальный сайт в Интернете.

Учёные, принявшие участие в работе секции, считают, что сотрудничество в рамках СНГ в большой мере связано с решением некоторых научных проблем, в том числе историко-культурного характера, имеющих общеевразийскую и мировую ценность.

По результатам заседания было предложено сформировать специальную сеть конкурсов, направленных на проведение совместной научной и образовательной работы, создать в ближайшее время межгосударственный фонд по обеспечению научно-исследовательской деятельности в области биотехнологий и нанотехнологий, были внесены и другие конкретные предложения.

Заседание секции “Театр, кино, музыка, цирковое искусство” проходило во Дворце Мира и Согласия под председательством директора — художественного руководителя Казахского государственного академического театра имени М. Ауэзова Е. Обаева и началось с выступления председателя Союза театральных деятелей РК Еркина Жуасбека, который сосредоточился на прошлых и нынешних достижениях творческих коллективов Казахстана.

Однако участники заседания попросили уже следующего оратора — представителя Национальной академии музыки Дану Жумабекову больше говорить не о достижениях (они есть у всех), а о существующих проблемах и путях их решения.

Заслуженный деятель искусств Азербайджана Тельман Гаджиев справедливо заметил, что на форуме надо искать механизмы, которые помогут преодолеть разобщённость культур, и сослался на собственный опыт: открытие в консерватории специальности “Музыкальный менеджмент” может помочь, по его мнению, продвижению молодых талантов в стране и за рубежом. А чтобы лучше узнать музыкальную культуру стран Содружества, надо обмениваться произведениями, пропагандировать талантливые сочинения современных композиторов. Его поддержал художественный руководитель Белорусской государственной филармонии Юрий Гильдик. Не секрет, что, к примеру, концерты Юрия Башмета или Гидона Кремера стоят дорого, а вот молодые лауреаты международных конкурсов охотно отзываются на предложения выступить, поэтому их надо включать в программы филармоний стран СНГ — это открывает путь на гастроли.

Президент АО “Казахфильм” Сергей Азимов с тревогой говорил о проблемах, мешающих более тесному взаимодействию в сфере кинематографии. Одно из таких препятствий на пути сотрудничества — несоответствие

финансовых и налоговых законодательств республик. Урегулировать этот вопрос необходимо на уровне государств и правительств.

Говоря о театральном искусстве, генеральный директор АНО “Золотая маска” Мария Ревякина рассказала, что их эксперты в год отсматривают около 400 спектаклей, отбирая достойных номинантов на престижную премию. Она считает, что с 2009 года можно ввести номинацию “Лучший спектакль стран Содружества”.

Союз концертных организаций России проводит семинары по продвижению на рынок классической и народной музыки, если же страны СНГ пришлют на них своих представителей, то выгоду получат все — подчеркнул генеральный директор Московской государственной академической филармонии Алексей Шалашов. Он также выступает за расширение информационного пространства, за привлечение в филармонические залы детей до девяти лет (потом это делать сложно), а это значит, что нужны лектории, специальные абонементы.

“О цирке сегодня говорят мало”, — посетовал директор цирка. “Мы живём в нём!” — парировал Михаил Швыдкой, подключившийся к дискуссии. Прозвучала даже фраза “Цирк — умирающее искусство”, с чем никак нельзя согласиться. Просто он требует особого внимания и заботы.

В рекомендациях секции были учтены многие конструктивные предложения, высказанные выступавшими. В частности, поддержаны инициативы проведения международного театрального фестиваля и фестиваля театра кукол, фестиваля народного творчества и национальных культур, музыкально-симфонических программ для детей; создания радиопрограмм под общим названием “Культура Содружества”; учреждения специальной премии для молодых кинематографистов в рамках фестиваля “Киношок”, организации международной киношколы и т. д.

На заседании секции “Средства массовой информации”, которое вёл президент АО “Республиканская газета “Егемен Казахстан” Сауытбек Абдрахманов, первым выступил старейшина главной журналистской кузницы кадров бывшего Союза декан факультета журналистики МГУ Ясен Засурский, поднявший проблемы подготовки специалистов для СМИ в современных условиях.

Президент АО “Республиканская газета “Казахстанская правда” Александр Тараков сосредоточил внимание коллег на теме “Современная журналистика и молодёжь: проблемы и перспективы”, вызвавшей большой интерес участников заседания. Здесь за примерами далеко ходить не надо — достаточно взять школьную практику: романы, положенные по программе, в полном объёме практически никто не читает — для этого есть примитивные книжицы, излагающие краткое содержание. Реферат на любую тему можно взять в Интернете... Отсюда шаблоны, так мешающие в работе журналиста.

Дополнил коллегу заместитель генерального директора АО “Рауан Медиа Групп” Михаил Дорофеев, говоривший о роли телевидения в воспитании патриотизма. По его мнению, хотя воспитательная функция не главная и не единственная, но очень важная, поэтому тележурналисты должны помнить об ответственности, которой им, к сожалению, очень часто не

хватает. М. Дорофеев сослался на положительный пример России, в которой открыт специальный телеканал для детей.

Главный редактор НК “Казахское информационное агентство” Марат Манаспаев в своём выступлении поднял тему “Интернет и молодёжь”.

Генрих Юшкявичус, представлявший на форуме ЮНЕСКО, заметил, что пока не полностью используется потенциал телерадиокомпании “Мир”, призванной освещать жизнь Содружества.

В целом в ходе работы секции были обсуждены актуальные вопросы и определены главные задачи: способствовать сближению законодательства государств-участников СНГ в области информации и совершенствованию правовой базы Содружества в этой сфере; продолжить работу по обеспечению свободного распространения и обмена печатными изданиями, телерадиопродукцией в рамках СНГ.

По итогам работы Второго форума творческой и научной интеллигенции была принята на совместном заседании резолюция, учитывающая рекомендации секций. В частности, выражено удовлетворение, что многие решения Первого форума, проходившего в Москве, уже нашли практическое воплощение, благодаря усилиям стран-участниц СНГ позитивные процессы консолидации общего гуманитарного пространства получили существенный импульс, а взаимодействие в этой сфере стало реальным приоритетом в деятельности СНГ.

Было решено просить президентов и правительства государств-участников СНГ, органы и структуры неправительственных объединений, деловые круги стран Содружества уделить особое внимание дальнейшему развитию гуманитарного взаимодействия, включая совершенствование нормативно-правовой базы и механизмов такого сотрудничества. В резолюции содержатся положения о необходимости образовать в сжатые сроки постоянно действующий секретариат форума в составе национальных координаторов и представителей исполнительных дирекций Межгосударственного фонда по гуманитарному сотрудничеству, который призван координировать деятельность в периоды между форумами.

Фонду рекомендовано провести конкурсы среди совместных образовательных учреждений СНГ, организовать курсы по инновационным и новейшим научно-педагогическим направлениям, в том числе по нанотехнологиям, школы молодых историков, переводчиков, кинематографистов. Учредить ежегодные премии СНГ “Звёзды Содружества” в области науки и образования, культуры и искусства, в том числе литературе, художественному переводу, в гуманитарной деятельности.

Поддержано предложение таджикской стороны о проведении в 2008 году в Душанбе Третьего форума творческой и научной интеллигенции предположительно в дни празднования 1150-летия основоположника таджикско-персидской классической литературы Рудаки. На нём предполагается рассмотреть вопросы развития национальных литератур, их влияния на взаимообогащение культур стран Содружества, проблемы чтения и перевода.

Учитывая вклад великого русского учёного М. В. Ломоносова в развитие мировой науки и в связи с исполняющимся в 2011 году 300-летием

со дня его рождения, было решено просить ЮНЕСКО включить этот юбилей в список памятных и знаменательных дат на 2011 год.

Также получила единодушное одобрение ещё одна резолюция, имеющая исключительное значение, — о подготовке к празднованию 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В ней представители творческой и научной интеллигенции стран Содружества от своего имени и от имени своих народов, понёсших в войне огромные человеческие потери и победивших в борьбе за свободу и независимость, заявили о том, что память о Великой Победе должна быть сохранена в сознании нынешнего и грядущих поколений и служить для укрепления гуманистических идеалов всех народов СНГ.

Участники Второго форума обратились к главам государств СНГ с просьбой разработать и принять национальные программы по подготовке к празднованию юбилея Великой Победы.

Задачей научной и творческой интеллигенции стран Содружества становится всестороннее освещение и отображение правдивой истории о народной войне и противодействие попыткам исказить её события и итоги.

Международной ассоциации АН и Евразийской ассоциации университетов рекомендовано подготовить и провести в марте-апреле 2010 года международную научную конференцию «Война. Народ. Победа» с участием учёных, представителей всех стран СНГ, а также государств-участников Второй мировой войны.

Межгосударственному фонду гуманитарного сотрудничества предложено учредить специальный конкурс научных трудов, произведений литературы и искусства, наиболее достоверно и убедительно раскрывающих события Великой Отечественной войны.

В резолюции подчёркивается необходимость постоянно заботиться о сохранении и поддержании в надлежащем состоянии воинских захоронений, мемориалов, памятников, обелисков в честь воинов, партизан, подпольщиков и узников фашистских концлагерей. Особенно важно участие в этой работе общественных молодёжных организаций.

В заключение сопредседатель правления Межгосударственного фонда по гуманитарному сотрудничеству стран СНГ Михаил Швыдкой от имени участников форума выразил благодарность казахстанской стороне за высокий уровень организации, радушие и гостеприимство.

Без преувеличения можно сказать, что прошедший в Астане Второй форум творческой и научной интеллигенции стран Содружества стал значительным событием на постсоветском пространстве. Благодаря ему горизонты духовности будут расширяться, а взаимодействие в гуманитарной сфере государств-участников СНГ крепнуть и развиваться на общее благо.

**В публикации использованы материалы
пресс-центра Второго форума
творческой и научной интеллигенции,
журнала «Форум плюс»
и газеты «Казахстанская правда».**

Михаил СИЛИН

Сиротское детство

Быль

*Посвящается моему отцу
Силину Анисиму Александровичу*

... Шла жестокая гражданская война. Колчаковские карательные отряды, прочёсывая сёла в казахском степном краю, уничтожали большевиков, сжигали их дома, отбирали у крестьян имущество и скот. Людей расстреливали без всякого суда и следствия.

Недалеко от озера Егенды приютилось маленькое селцо Камышенка — несколько улочек с саманными или деревянными домами и амбарами. Беда не обошла стороной и эту деревушку, на окраине которой стоял домик с деревянной крышей и чердаком. Здесь жила семья из пяти человек: Александр, его жена Мария и их дети: семилетний Анисим, пятилетний Марк и самая маленькая, трёхлетняя Клава. С содержанием и ужасом

Михаил Анисимович СИЛИН

родился 7 декабря 1932 г. в городе Свободном Амурской области. Через два года семья Силиных возвратилась в Казахстан, где проживала до переезда на Дальний Восток.

Трудовой путь М. А. Силин начал в Акмолинске в 1948 году киномехаником клуба лесозавода. Вся его последующая жизнь тесно связана со сферой культуры Акмолинска-Целинограда-Астаны. С 1955 года после службы в военно-морских силах в составе ансамбля песни и танца Тихоокеанского флота он работал во Дворце культуры железнодорожников художественным руководителем и режиссёром драматического коллектива (впоследствии народного театра), актёром театра имени М. Горького, артистом Целиноградской филармонии, одновременно продолжая руководить народным театром. С 1970 года был художественным руководителем и режиссёром Дворца Целинников, с 1978 года — заместителем

директора Дворца молодёжи, с 1982 года в течение 13 лет — директором Дворца Целинников.

Ныне М. А. Силин работает режиссёром во Дворце школьников имени Махамбета Утемисова.

В 1978 г. заочно окончил Челябинский государственный институт культуры.

Заслуженный работник культуры Казах-

ской ССР (1982 г.), деятель культуры Республики Казахстан (2002 г.), почётный работник образования РК (2002 г.)

Автор двух сборников стихов и песен.

“Нива” сердечно поздравляет Михаила Анисимовича Силина — настоящего подвижника культуры, талантливый режиссёр-постановщик драматических спектаклей, концертных программ и массовых театрализованных представлений с 75-летним юбилеем и желает ему крепкого здоровья, долголетия, счастья, новых творческих успехов и неиссякаемого вдохновения!

вспоминали они события 1919 года. Тогда их улица и дом Александра уцелели от пожара: колчаковцы в спешке, убегая, не успели спалить всё село.

Наступило затишье.

Хозяин дома, как и другие уцелевшие мужики, пахал землю и сеял зерно, косил сено, хлопотал по хозяйству. Иногда рано утром уходил на озеро, садился в лодку, грёб поближе к середине и там ловил рыбу. Это были караси, окуньки, щучки, ещё какая-то рыбёшка — всё годилось к домашнему столу. Однажды осенью он ушёл на озеро и не вернулся. В те дни далеко за околицей селяне слышали частые выстрелы, то и дело вспыхивали перестрелки между отступающими отрядами белых и сторонниками новой власти. Подробностей никто не знал, да и не интересовался этими событиями, стараясь забыть их как можно скорей. А Александра нашли в лодке мёртвым. Люди говорили, что пуля — возможно, шальная — угодила ему в грудь, и рана оказалась смертельной.

Так семья осталась без кормильца.

Мария и раньше часто болела, а после гибели мужа совсем сдала, одолевали сердечные приступы. Чувствуя, что её здоровье с каждым днём ухудшается, сказала она своей дальней родственнице: “Феклуша, если со мной что случится, ты отдай Марка с Клавой моей старшей дочери — Насте. Её муж детей любит, глядишь, приголубит и моих. Анисима оставь у себя. Он уже большенький, будет помогать тебе по дому. У Насти с мужем своих трое, шестерых они не прокормят”. Фёкла успокаивала Марию — мол, всё уладится, — и обещала, конечно, сделать всё так, как та просит.

Однажды ночью с чердака донеслись душераздирающие кошачьи вопли. Анисим проснулся первым, затем и младшие. Перепуганные, они побежали к топчану, где спала мать, и стали её будить. Но она даже не шевельнулась. Анисим наконец-то понял, что мама уснула непробудным сном, оттащил малышек подальше и стал утешать, как мог.

А кошачьи крики на чердаке всё не смолкали, будто там поселились бесы. Анисим не выдержал этого ужаса, схватил кочергу, выбежал на улицу, поднялся по лестнице к чердаку и что есть силы начал стучать по карнизу, сам себя подбадривая криком: “Брысь, проклятые!”. Кошки пулей пролетели мимо Анисима и исчезли в темноте. Он вернулся в дом, обнял малышек, и только тогда навзрыд заплакал. Теперь уже Марк и Клава успокаивали его: “Не плачь, Анысько! Кошки убежали! И мама сейчас проснётся!”. Но Анисим-то знал, она никогда не проснётся! Он повзрослел за эту ночь, наверное, вдвое!

Под утро дети задремали. Анисим тихо прикрыл за собой дверь и побежал будить соседей. Уже скоро в доме было много народу. Похоронили мать как положено, с отпеванием, молитвами. Детей на время разобрали соседи, а через несколько дней приехала Настя с мужем Иваном. Тётя Фёкла сдержала данное матери слово — оставила Анисима у себя, а Марка и Клаву забрала Настя.

Анисим молча наблюдал, как брата и сестрёнку посадили на телегу. Дети успокоились, с ними рядом была Настя. Она гладила их по головкам, как когда-то это делала мама...

Анисиму она сказала: “Ты остаёшься не один. С тобой пока будет тётя. Мы и тебя возмём скоро. Вот увидишь!”.

Шли дни и недели. Анисим, как мог, помогал одинокой тёте.

Однажды под вечер, после тяжёлого трудового дня, он сел у копы сена и задремал. Проснулся от крика Фёклы. Она с хворостиной в руках бегала за собачонкой, стараясь хлестнуть её. Но та, взвизгивая, ловко уворачивалась

от ударов, чем ещё больше злила разбушевавшуюся Фёклу. Она была больна: простуда и кашель давно не давали ей покоя. И вот сейчас всю накопившуюся злость она была готова выместить на бедной собачонке. Со стороны, однако, сценка выглядела комично, и Анисим не мог сдержать улыбки. Заметив это, тётка подбежала: “Ты ещё смеёшься?!” Хлыстнув хворостиной по его шубейке, крикнула: “Безотцовщина!” — и вошла в дом.

После тётка стала казаться ему совсем чужой. Он ей в тягость, она хочет, чтобы он покинул её дом, ушёл!..

Он и раньше слышал брошенное кем-то в спину это слово, но не обижался. У него действительно не было ни отца, ни матери. Но услышать такое от тёти Фёклы... Боль не притупилась. Он вдруг вспомнил про Марка и Клаву, ему страшно захотелось повидать их, и Анисим решил: “Завтра обязательно пойду к ним. Я знаю, в какую сторону они уехали!”. Однако до села Родионовка было более двухсот километров. Но ему это было неведомо, он твёрдо решил, что утром уйдёт.

На следующий день, как всегда, Анисим встал рано, добросовестно управился по хозяйству. Сунув в сумку несколько лепёшек и бубликов, надел старенький, но тёплый кожанок, подшитые валенки, шапку-ушанку и незаметно вышел из дома.

Утро было солнечное, безветренное, но зимой в степи погода изменчива, непредсказуема. К обеду небо заволокли тяжёлые тучи. Подул сильный низовой ветер и дорогу постепенно стало заметать. Анисим тяжело дышал, несмотря на мороз, ему было жарко. Он стал уставать, часто останавливался, осматриваясь. Вокруг была только степь. Чтобы чуть-чуть передохнуть, он присел на корточки. Тянуло ко сну. От отца он слышал, что, если заблудился зимой в степи, спать нельзя. И всё время себе твердил: “Спать нельзя! Спать нельзя!..”. Но всё же задремал. Очнувшись от пронзительного воя, открыв глаза, увидел вокруг себя серых собак. Ближе других к нему сидела самая крупная. Глаза у неё были злые и какие-то стеклянные. Ему стало не по себе. Он достал лепёшку и кинул перед ней, но она даже не шевельнулась. Тогда он стал разбрасывать направо и налево все свои запасы: лепёшки, бублики. Но ни одна из собак не дотронулась до еды. Наверное, их кто-то успел покормить, подумал Анисим, вставая, но большая собака зарычала, и он, испугавшись, опустил на снег. Силы оставили его — он крепко спал, а значит, замерзал.

Вечерело. Пожилой казах Шолан с друзьями возвращался с охоты домой. Лошади немного подустали, и путники ехали не торопясь. Вдруг один из них заметил посреди ровной, как стол, степи полузаметный холмик, или, скорее, большую кочку. Возможно, заблудившаяся овца? Или ещё какая живность? Решили посмотреть. И каково же было их удивление, когда разглядели сидевшего в снегу мальчишку. Откуда он здесь? Но главное — он ещё жив! Шолан снял с себя тёплый чапан и завернул в него малыша. В ауле в тёплой юрте женщины, причитая, хлопотали возле мальчишки. Им уже не раз приходилось приводить в сознание неизвестных замёрзших путников. Степняки знали, как возвращать людей к жизни, хотя и не всегда им это удавалось.

А в соседней юрте собирались аксакалы. Садясь на кошму вокруг низкого круглого стола, пили чай, кумыс и тихо беседовали. Вопросов было много: “Откуда в степи появился мальчик? Почему его волки не тронули?”.

У Шолана Исабекова были русские друзья, поэтому он знал их язык. Анисим рассказал ему даже про взбесившихся кошек на чердаке, но так и не вспомнил, как называется его родное село и куда он шёл.

Из всего услышанного Шолан выделил самое главное: мальчик круглый сирота, надеяться ему не на кого, значит будет жить у них. Так началась новая жизнь Анисима в казахском ауле.

Жил он в юрте, где под присмотром пожилой Майраш делал всё то, что и другие дети. Стал понимать казахский язык. Сам пытался говорить по-казахски, а когда выходило смешно, смеялся вместе со всеми.

Наступило лето.

Анисим повзрослел, окреп. Старики похваливали его за трудолюбие, ловкость, выносливость. Он быстро всё усваивал. Научился хорошо держаться в седле, ухаживать за лошадьми.

Время шло быстро, и казалось, что настоящая жизнь перечеркнула всё прошлое.

Что же произошло в Камышенке, когда Анисим ушёл из дома?

Тётя Фёкла, как всегда, хлопотала по хозяйству. Подошло время обеда, но Анисим в доме не появлялся. Она обошла двор, заглянула к соседям, но нет, его нигде не было. Сходила к старому дому, где раньше Анисим жил с родителями, но следов на снегу не было, а окна и двери были заколочены досками. Фёкла прошла всю улицу, и только на самой окраине старушка сказала, что видела, как Анисим шёл в сторону озера с сумочкой в руках.

В селе люди переполошились. Сходили к замёрзшему озеру, обыскали заросли камыша, обошли заметённые снегом впадины, но Анисима нигде не было. И если бы не та старушка, то и Фёклу обвинили бы, что она нарочно мальчонку сгубила. Фёкла, хватаясь за сердце, обвиняла себя за то, что поругала его за какую-то ерунду, да ещё обидела сгоряча вырвавшимся словом “безотцовщина”.

Как-то по весне в Камышенке появился человек из соседнего села и рассказал, что в камышах видел замёрзшего ребёнка. Сельчане двинулись к озеру. Маленькое тельце опознать было невозможно. Фёкла вроде бы узнала кожанок и подшитые валенки, закричала: “Анысько!” — и потеряла сознание. Ребёнка похоронили, так и не узнав, что это не Анисим, а другой несчастный сирота.

В стране, растерзанной гражданской войной, многие дети оставались без родителей, расстрелянных или павших в бою, или умерших от голода и болезней. Сироты иногда появлялись в казахской степи, словно принесённые сюда самим ветром. Кому-то помогали добрые люди, а кто-то вот так замерзал...

Анисима посчитали замёрзшим, обвинив-таки тётку в том, что не смогла уберечь сироту от смерти. Феклуша перестала общаться с соседями, потом в село приехал родственник и забрал её в город. Больше о ней никто ничего не слышал.

Настя и Иван, узнав о смерти Анисима, в свою очередь чувствовали себя виноватыми: зря не забрали его вместе с малышами.

Прошло больше пяти лет. Анисиму исполнилось двенадцать. Шолан Исабеков на день рождения подарил ему молодого жеребчика: “Пусть растёт вместе с ним, в жизни пригодится”.

Однажды на аульном празднике один из гостей, всматриваясь в лицо Анисима, сказал: “А знаешь, Шолан, я бываю в Родионовке. Там у Ивана

мальчик, очень похожий на Анисима, Марком его зовут". Анисим, бывший тут же, в юрте, переспросил: "Марк?" — "Да, Марк", — подтвердил гость. — "Так это же мой братишка!"

Шолан рассказал гостю историю появления Анисима в ауле. А гость поведал ему разговор с Иваном о том, что у Насти был младший брат, но его нашли замёрзшим в камышах.

Всё стало ясно.

Время шло, и Анисима больше и больше тянуло к сестрёнке и братишке. Хотелось посмотреть на них хоть одним глазком. Обнять. Поговорить... Обида на Ивана и Настю у него прошла, он догадывался, что им и без него было трудно прокормить большую семью.

Вскоре тот гость снова заехал к Шолану и предложил: а не свозить ли мне Анисима к родным — пусть погостит. Шолан Исабеков согласился.

Они ехали несколько дней, по пути заезжали к знакомым чабанам, и наконец достигли нужного стойбища. Там они коней напоили и отпустили на пастбище. Гость сказал Анисиму: "Устали лошади, устали и мы. Отдохнём, а утром поедем к твоим!". Но Анисим попросил отпустить его, чтобы он успел добраться ещё до темноты. Аксакал согласился. Он подозвал молодого джигита: "Возьми коня, посади к себе в седло парнишку и отвези в Родионовку. К ночи ещё успеешь вернуться".

Когда они подъехали к селу, уже стемнело. Анисим попросил своего провожатого оставить его тут, на окраине. "Дом я найду сам", — сказал он, слез с коня и быстро зашагал вдоль улицы.

Совсем маленьким он приезжал сюда с отцом к Насте. В памяти остались плетёный из прутьев заборчик, плоская крыша сарая, из-под которой вылетали гнездившиеся там ласточки. Но, кажется, он узнал сейчас это место. Всё здесь оставалось таким, каким было тогда.

Анисим перешёл на другую сторону улицы, сел под похожим плетёным заборчиком и стал наблюдать за домом Насти. Мелькала мысль: вдруг они выбегут — Марк или Клава? Но было поздно, видно, все уже спали. Через какое-то время он успокоился, встал и зашагал к дому. Перед тем как постучать, принял решение: сразу про себя ничего не расскажет. Его ведь давно "похоронили". А утром — утром видно будет...

Он тихо постучал. Дверь открыла Настя. Анисим на минуту как будто онемел, но, боясь разреветься, торопливо заговорил: "Тётя, пустите переночевать, я иду в соседнее село. Уже темно, боюсь заблудиться".

Настя внимательно оглядела паренька и отступила в сторону, приглашая войти. "Молока попьёшь?" — спросила она. — "Нет!" — отказался Анисим. "Ну, тогда иди в сени, там спят мои малыши. Ложись с ними! Вот тебе одеялко, укройся, — и потом добавила: — Вот так где-то и мой братик скитался..."

Анисим догадался: "Это она про меня! Жалеет или нет, что не взяла меня с собой?". Он упал на матрас, набитый соломой, и сразу заснул, уставший не столько от дороги, сколько от переживаний

Настя не спала. Ждала Ивана. Он уходил рано, а приходил с поля поздно. Как всегда, тихо постучал в окно. Настя открыла и, приложив палец к губам, тихо сказала: "У нас гость. Мальчонка приبلудился. Спит с детьми. Знаешь, Ваня, что-то беспокойно у меня на душе. В нём что-то такое... Что — сама не пойму".

Иван взял керосиновую лампу: "Пошли, посмотрим на твоего гостя!". Подойдя, он осветил лицо мальчика, долго всматривался в него, потом повернулся к Насте: "Знаешь, мать, а ведь душа твоя не зря беспокоилась. Это же Анисим! Ей-богу, он! И на мать похож, вылитый Марк!". — "Он жив... Почему не

сознался? Испугался, что не приму? Не поверю? Иду, мол, в соседнее село...". Иван утешал жену, а про себя думал: "Пусть поплачет, авось, полегчает ей...".

Они долго не могли заснуть, пытаясь разгадать загадку, которую, сам того не желая, загадал им Анисим. Где, у кого он жил до сих пор? Вопросов было много, ответов — ни одного.

Утром первым проснулся Марк. Он посмотрел на Анисима и толкнул его в бок: "Ты кто?" — "Я Анисим, твой брат!". Марк закричал: "Брешешь! Анысько умер! Замёрз в камышах!". Он подхватился и побежал со двора к речке, и Анисиму ничего не оставалось, как пуститься следом.

"Не подходи!" — крикнул ему Марк на ходу. Анисим остановился и присел на траву. Марк тоже сел — чуть поодаль. Они молча смотрели друг на друга.

Первым заговорил Анисим: "Марк, а помнишь наш дом? Нашу маму? И как я гонял кошек на чердаке?". Марк насторожился. Ту страшную ночь он хорошо запомнил. Всматриваясь в лицо Анисима, он, кажется, понемногу стал узнавать какие-то знакомые черты...

Настя с Иваном нашли ребят на берегу, всё ещё изучающими друг друга. Оба молчали. Настя пошла к Анисиму, тот медленно встал и шагнул навстречу. Да, это был он, Анисим! Она бросилась к нему, обняла. И оба заплакали. Тихо, без надрыва. Теперь и Марк почти поверил, что это не кто-то чужой, а братишка. Тут и Иван подтолкнул его: "Иди, обними брата! Он слишком долго тебя искал". Но... Марк протёр глаза рукавом, посмотрел на Настю и Анисима и бросился бежать в сторону дома. Нет, он всё же не преодолел своих сомнений...

Зато Клава привыкла к Анисиму сразу. Весть о "воскрешении" Анисима разнеслась по селу. А через несколько дней в Родионовку из аула приехал Шолан с друзьями.

Анисим встретил Шолана Исабекова как самого дорогого человека. Они обнялись, Анисим стал расспрашивать обо всём и обо всех, с кем уже так сроднился в ауле. Шолан подвёл Анисима к жеребёнку-стригунку. Его держал джигит, с которым тот приехал в Родионовку. "Вот, Анисим, — сказал Шолан, — этот жеребёнок теперь твой. Держи его и расти вместе с ним! Это тебе за работу, которую ты делал в ауле. Ты добрый мальчик, сердечный, трудолюбивый. Тебя полюбили и дети, и взрослые. Не забывай нас!".

Анисим сиял. Один из малышей уже сидел верхом на стригунке. Взрослые похлопывали жеребёнка по крупу. Каждый ощущал этот день как праздник.

Тут же возле дома поставили большой стол и лавки. Соседи несли с собой всё, чем можно было попотчевать дорогих гостей. А приехавшие аульчане угощали сельчан баурсаками, лепёшками и свежим кумысом. Иван и Настя, обнявшись, смотрели на всё это и тихо радовались. Иван говорил: "Как всё же повезло нам с соседями. Теперь они нам больше чем соседи. Считаю — родные".

А Шолан Исабеков философски заметил: "Знаешь, Иван, сила птицы — в крыльях, сила человека — в дружбе. Будем и мы дружить. Наши аксакалы, да и молодёжь тоже, подумывают о том, чтобы сеять и убирать свой хлеб. Поможете по-соседски? Мы в долгу не останемся...".

... Так закончилось сиротское детство Анисима. Впереди были юность и зрелость. Но это уже другая история.

г. Астана.

Гюльнар МУКАНОВА,
кандидат исторических наук, доцент

Героиня ненаписанного романа

Начало XX века привнесло много изменений в среду степняков. У глав зажиточных мусульманских семей появилась тяга вкладывать средства в светское обучение детей, не довольствуясь услугами мулл.

Дети предпринимателей, за определённую мзду, сопровождалась грамотными лицами в медресе и университеты Египта, Турции, российские духовные учебные заведения.

Сам факт обучения в дальнем зарубежье девушек-мусульманок в тот период ещё лет десять назад воспринимался как откровение. Об одной из таких “ласточек” на ниве просвещения из Северного Казахстана помнят старожилы края. Именно о ней собирал материалы для будущего романа классик казахской национальной литературы Габит Мусрепов.

В 1884-м, по другим сведениям — в 1885-м году, в семье Жусупа Жансакалулы и его жены Карашаш, в глубинке, что на самом севере Казахстана (ныне Тимирязевский район Северо-Казахстанской области) родилась дочь.

Назвали её Умсын, связывая с её рождением надежды семьи на благополучие и счастье. Казахи, как известно, лелеяли своих дочерей. Девочки считались цветками народа, хранительницами домашнего очага, будущими матерями, продолжательницами рода. Их нежили и холили. Мать, которая сумела вырастить благовоспитанную и нежную, вежливую, искреннюю и чистую, с возвышенными чувствами дочь, пользовалась всеобщим уважением.

Кроме Умсын в семье рос брат Тлемис.

Домашние чтит мнение деда Жансакала-кажи и бабушки Шойман, которая славилась своим крутым нравом и одно время даже исполняла обязанности волостного.

Семья Жусупа-кажи не нуждалась в средствах, поскольку отец через нанятых погонщиков отправлял скот гуртами на оптовые рынки Троицка и Екатеринбурга. Кроме того, специально нанятые коси (сельскохозяйственные рабочие) заготавливали на зиму сено и т. д.

Глава семьи Жусуп и его отец Жансакал в разное время посетили святы для всех мусульман места — совершили хадж в Мекку и потому пользовались большим уважением. К их именам стали добавлять приставку “кажи” — в знак особого почтения.

Подраставшей Умсын предстояло обучаться грамоте и основам наук. Так решил отец, ценивший силу знаний и светской грамоты. Получение европейского образования открывало большие возможности в сфере бизнеса и достижении видного социального положения.

Тем более что сама девушка отличалась благовоспитанностью, умом и красотой — её так и называли “Умсын-сулу”, т. е. красавица Умсын. Судьба же её оказалась поистине драматической.

По одним сведениям, Умсын обучалась в Петропавловске в Кызыл-жарском медресе, затем, проявив интерес к наукам, для продолжения учёбы попала в Египет.

Далее сведения расходятся: одни утверждают, что она обучалась в г. Александрии, где и ныне действует университет, другие — что судьба привела её в г. Каир, в знаменитый университет аль-Азхар. Аль-Азхар — это целый комплекс мусульманских религиозных и светских учебных заведений. Основан он был в X веке при одноимённой мечети, ныне же включает Академию исследований, университет аль-Азхар с факультетами мусульманского права, инженерным, сельскохозяйственным, медицинским и др.

Габит Мусрепов, уроженец Северного Казахстана, человек любознательный и незаурядный, проявил чрезвычайный интерес ко всему, что связано с Умсын. Однако в советское время даже думать о том, чтобы написать об уникальной степнячке, было чревато последствиями.

Из дневниковых записей Габита Мусрепова (“Автобиографические этюды”. А., 2002”), опубликованных много позже его кончины, мы узнаём, что Умсын обучалась в средней школе, созданной Асхадом Махмуди, одним из потомков мамлюка-кипчака султана Бейбарса. Писатель приоткрывает завесу тайны, как попала Умсын в Египет.

С Асхадом Махмуди по счастливой случайности познакомился отец Умсын, Жусуп, во время хаджа. Желание увидеть чудеса света привело Жусупа в г. Александрию.

Хадж в то время для казахов был делом непростым. Набор желающих осуществлялся через Омск и Оренбург.

Известный в то время в нашем крае предприниматель Абылай Рамазанов, образованный для своего времени человек, оказывал услуги гида для малограмотных земляков, желавших попасть в Европу. Именно он помог семье Жусупа осуществить давнюю мечту.

Годы обучения Умсын в Египте приходятся на 1899-1904 годы. Известно, что в это время девушку посетил её старший брат Тлемис. О нём сохранились воспоминания как об искусном резчике по дереву и металлу.

В годы сталинских репрессий Тлемис был сослан в Ханты-Мансийский округ, как член семьи зажиточных родителей. Чудом остался в живых, благодаря разыскавшим его детям вернулся в родной аул, где скончался в 1962 г.

Но вернёмся к студентке Умсын. По возвращении домой из Египта начинаются её нравственные мытарства.

Она не находит понимания среди родных и сверстников. Сформировавшиеся взгляды и жизненная позиция в тех социальных условиях упираются в непреодолимую стену неприятия.

Более того, по заветам предков взрослую дочь следует выдать замуж. Но юноша, к которому она равнодушна, не устраивает по социальному положению её родственников.

В дело вмешивается властная бабушка Шойман, которая видит внучку женой Шерияздана, сына известного в крае бая Торсана.

Брак оказался неудачным, и семейная жизнь Умсын заканчивается трагедией. Муж оказывается далёк от того, о чём мечтает просвещённая жена, неделикатным поведением отталкивает её, и Умсын, не найдя выхода своим чувствам, терпит измывательства. Родственники мужа объявляют её умалишённой.

Умсын возвращают родителям, где, спустя два года, в 1917 году она умирает.

Но есть и иная версия. Будучи замужней женщиной, Умсын пытается открыть начальную школу для девочек, и это ей удаётся.

Ученицы познают азы чтения и письма, закаливания. Однако год спустя возмущённые родители детей настаивают на закрытии школы Умсын по той причине, что здесь не учат намазу и Корану.

Умсын, по-видимому, хотела внедрить джадидский метод обучения, передовой для своего времени. В него помимо обязательных духовных предметов входили математика, география, медицина.

Известно, например, что она сама не покрывала головы платком, летом носила обувь на босу ногу и приучала к этому девочек, учила их плаванью.

Для непосвящённых эти действия, разумеется, могли слыть за сумасшествие...

Существует и такая версия ухода Умсын от мужа. Будучи образованным человеком, она чутко воспринимала известия о свержении царя, свободе и равенстве женщин. Воспользовавшись атмосферой хаоса и общей растерянности осенью 1917 года, она бежит со служанкой из дома мужа. Промозглые дожди, переходящие в снег, застают их в пути. Идти пришлось пешком, по ночам – лошадей отобрали промышлявшие конокрады, днём — отсиживать в старицах, чтобы не заметил случайный прохожий.

Умсын заболевает и, добравшись наконец до отчего порога, умирает от сыпного тифа. О судьбе её малолетней дочери сведений не сохранилось.

Такова была незавидная судьба одной из первых женщин-просветительниц Степного края начала XX века.

Умсын и те испытания, которые выпали на долю её и её близких, волновали Г. М. Мусрепова. Будучи в преклонных годах, он вновь и вновь возвращался к теме будущего романа, о чём сохранились записи в его дневниках. Тем более что сильнейший женский образ — Улпан — другой землячки в одноимённом романе Мусрепову удался на славу, сделав его одним из самых читаемых прозаиков в стране и за рубежом.

... Жизненная драма несостоявшейся героини Мусрепова повторила судьбы сотен и тысяч семей. Родная семья Умсын в 30-е годы подверглась раскулачиванию, конфискации и высылке.

Немногочисленным потомкам Жусупа-кажи приходилось очень долго скрывать своё происхождение.

Сын репрессированного Тлемиса, Мырзай, участвовал в Великой Отечественной войне, впоследствии работал на целине механизатором...

Легенда о красавице Умсын — Умсын-сулу — по-прежнему будоражит воображение. Кажется порой, что дух несломленной подвижницы витает над Ишимом, нащёптывает слова о мечте.

Символом нового века, страстной любви к знаниям, детям, всему светлому и полезному остаётся она, достойная уважения хрупкая предвестница поражающих воображение преобразований, которые оказались осуществимы в современном Казахстане.

г. Петропавловск.

Сергей ДЬЯЧЕНКО

Вперёд, абитуриенты!

День, когда я впервые оказался в Барнауле, пожалуй, не имеет себе равных по путеводно-судьбоносной значимости среди всех, что уже успели унестись в прошлое листками календаря. Это была дата моего вступления в самостоятельную, то бишь взрослую, с ответственными решениями, жизнь.

Родное здесь, в России, для моего слуха тюркское звучание слова “Барнаул” в моей памяти не содержало в себе пока ещё никакой информации, кроме той, что в этом городе имеется университет, а в нём факультет, готовящий специалистов, в числе которых через пять лет желал оказаться и я. Покинув руссконазванный и русскоговорящий Павлодар, в котором в том, 1989 году, титульного казахского населения было ещё откровенно мало, я оказался в городе, где не имел ни родни, ни друзей, никого, кто был бы мне хоть едва знаком, и, увидев на привокзальной площади любое родное лицо, будь оно хоть казахское, хоть уйгурское или корейское — какое угодно — был бы чрезвычайно рад.

Все лица вокруг были не просто незнакомыми — они были чужими, отрешёнными, сосредоточенными на своём. Никому не было никакого дела до человека, возрастом ещё не достигшего и семнадцати лет, одиноко стоявшего посреди площади со своей сумкой, накануне собранной волнующейся, как перед стартом сына в космос, мамой.

Стоять посреди снующего вокзального люда было неудобно, и было страшно, как перед всем неведомым и неотвратимым. Сквозила малодушная мыслишка, что можно избавиться от неотвратимости, вернувшись поскорее в родной Павлодар, и учиться себе спокойно на выбор в одном из двух тамошних вузов, готовящих, естественно, педагогов и технарей. Настырно всплывавшие из памяти картинки с родным двором, комнатой, интерьер которой являл собой пример стандартной советской простоты, просторным балконом, с девятиэтажной выси которого открывался замечательный вид на родной Иртыш, дополняемый панорамой с дворцом культуры и хронически возводимой гостиницей, придавали приступу ностальгии чувствительную силу. Даже натыканные в нашем дворе и давно уже раскуроченные энергичной детворой качели-карусели и пыльные серо-зелёные карагачи на задворках школы влекли к себе, точно караванщика оазис.

Потребовалось мобилизовать изрядные запасы силы воли ради одоления охватившей меня слабости.

Искомый университет найти оказалось совсем не сложно, ибо размещался он всеми своими корпусами в центре города, возле ЦУМа, главпочтамта и краевой администрации, с её окнами, обращёнными к спине каменного Ильича. Пятнадцатиминутная поездка в троллейбусе, первые впечатления о городской архитектуре середины XX века, рубашка, взмокшая под пиджаком, который ради экзаменационной торжественности не был уложен в сумку, где бы утратил подобающий вид, и подсказка дамы с соседнего сиденья: “Мальчик, вот твоя остановка!”.

И тут мне повезло. Видимо, какой-то ангел-хранитель странствующих абитуриентов решил поспособствовать в моём целеустремлении.

Это произошло в тот момент, когда, подав необходимые для поступления документы, я проследовал в университетский отдел, ведающий вопросами заселения абитуриентов в общежитие, и называл безразличной к происходящему блондинке, с богатым набором золотых украшений в доступных взору местах, свои анкетные данные.

— Ты из Павлодара? — услышал я за своей спиной приятный молодой баритон. На меня с интересом смотрел невысокий широкоплечий и рыжеватый парень, опрятно одетый, по возрасту явно опережавший меня на несколько лет. Когда тебе ещё нет и семнадцати, этот факт имеет серьёзное значение. Получив от меня утвердительный ответ, он золотозубо улыбнулся и скомандовал:

— Подожди меня, зёма, пойдём вместе!

Не знаю, как в других городах и сёлах, но в Павлодаре “зёма” является расхожим новшеством русского языка — панибратским производным от слова “земляк”.

Звали моего нового знакомого Игорем. В свои неполных 22 года он имел за плечами школьное образование, службу в армии, прочий разносторонний мужской опыт и, что для меня было самым важным, предпринятую год назад попытку, безуспешную, но не бесполезную, поступления в Алтайский университет. Беспрекословно поступив в его распоряжение, я был первым делом препровождён в располагавшуюся неподалёку от университета пельменную, с фонтанами перед фасадом.

Пельменная, благодаря своему расположению в центре города, пользовалась завидной популярностью, что выражалось в хвостатой очереди к кассе. Запомнилась она к тому же усечённым вариантом русского алфавита в представленном меню. Печатная машинка, которой владела пельменная, не простукивала две немаловажные буквы — “е” и “и”, и в меню вместо них фигурировали “ё” и “й”. Поэтому перед кассой мы изучали:

МЁНЮ

1. Пельмёний отварные с маслом.....
2. Пельмёний отварные со сметаной.....
3. Пельмёний отварные с уксусом.....
4. Омлёт.....

И так далее. Уровень цен и гарантируемой массы порций я уже, конечно, не помню. Тот обед мне обошёлся примерно в рубль.

Игорь, тоже только что приехавший в Барнаул, удовлетворённо отмечал места своего, годичной давности, здешнего пребывания.

— Пельменная — вот она, на месте. И “мёню” всё то же! Бывал я тут, Серёга, не раз. Мы сюда и по сто грамм заходили нахлобучить после экзаменов! — радостно сообщил Игорь, когда мы с ним встали в хвост очереди.

Несколько позже:

— Общага, “четвёрочка” — вот она, знакомься! Здесь мы с тобой и поселимся. Нормальная общага, мы в ней неплохо пофестивалили год назад, — объявил Игорь по окончании нашего перемещения от пельменной к общежитию.

Минут через пятнадцать мы уже рассматривали предоставленную нам комнату, на шестом этаже, с немытыми окнами на солнечную сторону. Сгребли оставленный хозяевами-студентами мусор, помахали

веником, распахнули окно, бегло осмотрели незамысловатое настенное творчество, после чего обозначили своими вещами приглянувшиеся кровати — две из четырёх.

— Явно не девушки жили здесь до нас, — сделал я замечание.

— Да, они бы точно не стали лепить такую картинку, — показал мой “зёма” на пришпиленное к обоям, вырезанное из журнала фото белокурой голозадой девицы, с выражением заученного вожделения на лице.

Задерживаться в пыльной комнате мы не стали и отправились на моё знакомство с окрестностями и их достопримечательностями. Игорь оказался достаточно подготовленным экскурсоводом (из чего я заключил, что он не просиживал здесь год назад за учебниками с утра до вечера, что, собственно говоря, подтверждали и его комментарии). Вскоре я уже знал расположение окрестных столовых, как, впрочем, и ресторанов, кинотеатров, магазинов и примерно представлял местонахождение самой известной пивной.

— Добрая, скажу тебе, пивная. У нас в Павлодаре — пожиже. К пиву то как относишься? — поинтересовался мой спутник.

— Да как-то пока почти никак, — наспиговав фразу вертлявыми наречиями, признался я честно, но с намёком на мою небесперспективность в смысле данной мужской доблести.

— Ничего, — заверил меня Игорь, — всё ещё впереди. И не за горами, — добавил он, подумав. Я согласно кивнул, выражая готовность к ответственному приобщению.

— Вернёшься потом в Павлодар — сравнишь, какое лучше — местное или наше. Я предпочитаю наше, — Игорь восстановил с этих позиций пивной междугородный паритет.

— Я пробовал, конечно, “Жигулёвское”... и “Рижское”, кажется, — отзывался я, — только разницу ещё не замечаю.

— Ну тогда у тебя, Серёга, впереди целое море новых ощущений! И не только по части пива — ага? — оценил меня взглядом мой более опытный товарищ.

— Понятное дело, — согласился я.

— В “четвёрке” с этим всё как надо, — обнадёжил меня Игорь. — Такие киски были в том году! Не думаешь же ты, что они за год разбежались?

Я представил себе упомянутых кисок, почему-то приписав им подобие голозадой настенной девицы с искусственно-похотливым взглядом, и даже слегка смутился от осознания собственной новой и более искренней готовности, которую и пресловутая искусственность спугнуть оказалась не в состоянии. Выражения “юношеская гиперсексуальность”, кажется, в то время ещё не было в моём речевом запасе. Всё-таки это было ещё советское, даже в пору своего заката достаточно целомудренное время. Устраивая с одноклассниками наши милые весёлые вечеринки, мы, в отличие от большинства сверстников, обходились лимонадами и тортами. Может быть, кто-то из наших разок-другой принёс немного легального домашнего вина, лёгкого, как облачко. Но это было исключением из правила.

Игорь ещё немного с простительной лёгкой пошловатостью порассуждал о кисках и способах их соблазнения, в чём с его слов он начал преуспевать в доармейский и даже школьный периоды своей удалой жизни. Я тем временем обогащал собственный теоретический запас знаний в области, где имеют значение исключительно успехи, достигаемые в процессе

практического совершенствования. Впрочем, вступать на этот путь всё же необходимо в какой-то мере осведомлённым. Так что просветительская активность Игоря находила мою чуткую доверчивую благодарность.

Зайдя под предводительством моего нового товарища и наставника в продуктовый магазин, именуемый, как поведал мне Игорь, среди здешних “Аквариумом” (вместо лицевой стены — большая стеклянная витрина), мы с купленной снедью вернулись в общагу. В нашей комнате обнаружили крепкий запах конской колбасы и двух новых соседей. Они представились как Кайрат и Ербол, и то, что они прибыли из Казахстана, можно было не пояснять. Но тот факт, что их родное село расположено на территории Павлодарской области, меня немного развеселило. Стоит ли говорить, что прикатили они на том же поезде, что и мы?

Приехали они вместе с отцом Кайрата, Серикболом Нурлановичем, отправившимся за полчаса до нашего прихода устраиваться в гостиницу. Моё самоуважение овеяло лёгким поощрительным ветерком. Ведь я приехал один.

За совместным ужином мы поделились кое-какой информацией о самих себе и поведали о мотивах, приведших нас в этот сибирский город. То, что Игорь настойчиво метит на юрфак, я уже, безусловно, знал, а вот общее с моим желание Ербола и Кайрата поступить на биофак меня вновь позабавило. Окончание школы у них также было событием ближайшей давности.

На следующий день к нам подселился пятый, заключительный, сосед. Рома прибыл из Семипалатинска, что дополнило наше комнатное казахстанское землячество. У меня на тот момент даже возникло превратное представление о дальнейшей жизни в “четвёрке” как об островном обитании в родной диаспоре.

Появление Ромы означало установление в нашей комнате баланса двух возрастных и дистанцированных по части житейского опыта категорий. Рома был чуть моложе Игоря и совсем недавно распростился с армейской службой. В нашей комнате он был наиболее крупным и породистым (по внешним параметрам) представителем мужского племени. И его мировосприятие, так же, как и у Игоря, опиралось не только на армейский, но и на межполовой опыт. Он не менее Игоря любил обсудить подробности событий, происходивших с ним в постели с женщинами и в армии. Особый смак насыщал рассказы обоих собеседников, когда эти две линии их повествования пересекались, и героические победы над слабым полом случались на фоне армейской действительности.

При том, что Игорь был словоохотлив всегда, когда бодрствовал, а Рома только под настроение, оба становились неутомимыми и неуёмными рассказчиками после отбоя, когда наша пятёрка располагалась по четырём кроватям и одной раскладушке, на которой почему-то уже на вторую ночь разместился Ербол. Разная небывальщина про армию и всевозможных половых партнёров двух наших соседей неиссякаемо звучала каждую ночь. О тихом монотонном шёпоте не было и речи. Всё было в рассказах как надо — ярко эмоционально окрашено, вдохновенно и артистично.

Справедливости ради необходимо отметить, что порой в повествования Игоря и Романа вплетались и новые темы, не имеющие никакого отношения к воинской службе и плотским удовольствиям. Оказалось, что они оба — преданные поклонники творчества Владимира Кузьмина (особенно времён группы “Динамик”), и Рома во всех подробностях рассказывал

о концерте их кумира, на котором ему, на зависть Игорю, посчастливилось побывать и подпевать вместе со всем стадионом: “Симона — девушка моей мечты...”. Задетый за живое Игорь, уцепившись за упоминание стадиона, попробовал перейти на футбольную тематику и, не тратя лишних слов, с ходу заявил, что павлодарский “Трактор” всегда рвал в пух и брызги семипалатинский “Спартак”, что мы с Ерболом и Кайратом с готовностью подтвердили. Но Рома оказался к футболу равнодушен, чем дал, как сейчас принято говорить, асимметричный ответ и не доставил Игорю ожидаемого удовлетворения. После этого тот потерял интерес к продолжению разговора и скомандовал отбой.

Кайрат и Ербол, отдавая должное многовековой центральноазиатской традиции, дрыхли по два-три часа днём, научившись вскоре засыпать и под приевшееся оглашение бурных солдатско-сексуальных приключений соседей. Я же не высыпался, и все эти полковые и пикантные радости мне быстро осточертели. Иногда я уходил учить на кухню.

Располагался на неудобном стуле без спинки и в свете тусклой лампы принимался освежать в памяти школьные познания из биологии. Начитавшись как-то про всевозможных червей — кольчатых, плоских и круглых — и про последствия неосторожного контакта с ними, заметил, что в третий раз скольжу взглядом по одному и тому же абзацу. Дочитал, захлопнул учебник. Направился в нашу комнату, слабо надеясь, что Рома с Игорем уже наговорились. Однако, когда вошёл, услышал обычное:

— Вот так, Ромело, мы с ней и познакомились. Она, наверно, до сих пор думает, что я был на задании. Серёга, ты? Что, не спится, зёма?.. А раз, слышь, Ромка, с одной у друзей рядом за столом оказались... Как же её звали-то?.. В общем, ладно — кому надо, тот помнит.

— А тогда тебе было надо? — хохотнул Рома.

— Ну — о чём речь?! О-очень надо — что ты, дорогой! Я с ней уже уединился — квартира здоровенная. Ну и так к ней, и саяк. Нет — и всё: принципы, понимаешь, ё-моё! А я-то — что говорить: просто так не сдаюсь...

— Это она не сдаётся.

— Ну да! А я не отступаю. Бился с ней, бился, аж устал. Сажу рядом, уже просто смотрю на неё и молчу. И — не раньше, не позже — она вдруг соглашается! Говорит: давай, мол, хрен с ними — с принципами! И тут, Ромка, не знаю, было у тебя такое, нет: чувствую — уже я не хочу! Перегорел в словесной борьбе. Мой верный товарищ, понимаешь, разуверился и отказывается служить наотрез. Хоть режь его в самом деле! Да что б тебя, думаю, — не успел одну уговорить, теперь со вторым разбирайся! Ещё упрямей оказался! Так мы с ней — просто повалялись, она мне массаж сделала. Ничего, говорит, мне и так хорошо. А мне-то — что хорошего? Даром распинался!.. Вспомнил, как её звали! Лена.

— А с казашками у тебя что-нибудь было? С Гулями там, Динарами? — зевнул Рома. Кайрат и Ербол уже сопели, так что политкорректность своего вопроса он мог не принимать во внимание.

— Нет, не было пока. Случай удобный ещё не представился. Ладно, всё, отбой, сержант! А то наши молодые кадры уже изворочались. Спи, Серёга!

Следующим утром, зарядившись чаем, тем не менее засыпая на ходу, я поплёлся на консультацию. Рома с Игорем все сигналы будильника проигнорировали. А за Ерболом и Кайратом, когда я уже обувался, зашёл

Серикбол Нурланович, пройти с ребятами по городу. Впечатление он, стоит заметить, производил не менее беспечное, чем его джигиты. Любил со всеми в компании попить чай и разговоры при этом вёл о всякой чепухе. Ни разу я не видел его в назидательном настроении, хотя до начала вступительных экзаменов его питомцев времени оставалось всё меньше. Кайрат, вне сомнения, унаследовал от своего отца это непринуждённо-беззаботное состояние духа.

Возвращаясь с таких прогулок, мои конкуренты (кто же ещё? — при конкурсе почти восемь человек на место) пили чай, азартно и весело играли в карты или тренькали на гитаре. Откуда-то в нашей комнате появилась видавшая виды, неизвестно чья, гитара. Игорь ставил аккорды, иногда они с Ромой пели что-нибудь армейское или жиганское. У Кайрата и Ербола, особенно у первого, более шепутного, вместо интереса к биологии внезапно проснулось влечение к музыке. Кайрат мог битый час устанавливать на грифе пальцы, сначала на аккорде “ля-минор”, затем “ре-минор” и после “ми”, каждый раз по завершении конструкции совершая правой, менее задействованной рукой хаотичные удары по струнам.

— Кайрат, хватит глумиться над инструментом! И над нами! — не выдерживал “зёма”.

— Сейчас, Игорь, ещё немножко — и всё!

Через три дня он взялся осваивать “соль” и “до”, резонно рассчитывая вскоре исполнять с этими пятью аккордами большинство знакомых мелодий. Игорь по его просьбе проиллюстрировал в аккордах несколько песен: “Кукушка”, “Колокола” и ещё две-три. И теперь Кайрат, неплохо выводя мелодию, но чудовищно колошматя по струнам, то и дело напевал:

А ты опя-ять сего-одня не пришла.

А я так жда-ал, наде-еялся и ве-ерил...

— Тьфу, тут же “ля-мажор”!

Когда появляется одна на всех игрушка, то она становится остро необходимой всем сразу. Поэтому и я, не обращавший никогда внимания на висевшую у нас дома поверх ковра “кремону”, тоже стал в паузах между зоологией и ботаникой испытывать свои музыкальные способности. На корявое аккордное скрючивание пальцев я времени тратить не стал, а подбирал приходящие на ум мелодии по нотам и был обрадован тем, что, как оказалось, не обделён слухом. Почему-то хотелось похвастаться перед Игорем, и я его просил:

— Назови ещё какую-нибудь, вот увидишь — подберу.

— Дай сюда гитару! Одолели! Виртуозы.

Как-то возвращаясь с консультации своей молодой биологической тройцей (Кайрат и Ербол пару раз посетили это заумное мероприятие, где некоторые удручающе начитанные абитуриенты, задавая преподавателям вопросы, казалось, сами их экзаменуют — после чего мои соседи окончательно забросили подготовку), мы ещё в коридоре услышали самодеятельное исполнение одной из песен Розенбаума, а зайдя в комнату, застали в ней Игоря, наяривавшего на гитаре, Рому и одну незнакомую личность с папиросой в зубах, сидевших вокруг ополовиненной 20-литровой канистры с пивом. Эту типичную картину досуга советской молодёжи дополняли три горки рыбных ошмёток. В соответствии с принципами

справедливости, разлив пива происходил в три поллитровые банки по мере опустошения последней. Нам было предложено “хлебнуть пивка”, но мы дружно заверили угощавших в отсутствии у нас малейшего желания.

Вскоре два друга с Серикболом Нурлановичем подались купаться на речку, а я решил зайти к новому знакомому, жившему в соседней комнате и тоже стремившемуся в биологи. Назад я не торопился. Когда всё-таки вернулся, обнаружил своих старших соседей и личность с папиросой в зубах уже достаточно отяжелевшими, но продолжавшими тянуть оставшееся на дне канистры тёплое пиво. Мимо меня, направляясь в туалет, протопал мой коренастый “зёма”, Рома смерил меня мутным взглядом, а гость принялся сосредоточенно растирать окурки по пепельнице, которой служила треснутая плошка. Атмосфера в комнате была мало пригодной для аэробного дыхания. Залитая пивом тетрадь Кайрата, в которой на консультации он успел три страницы заполнить фривольными картинками, а до этого — страниц семь росписью игры в “тысячу”, сохла на тумбочке. Из открытого окна доносились пессимистично-заунывные звуки песни весьма популярного в то время “Наутилуса-Помпилиуса”, врубленного на полную мощность кем-то в соседней общаге. Закатное солнце щедро расцвечивало наслоения пыли на оконных стёклах.

“Хочу домой! — мысленно возопил я. — Вкусно поужинать и поваляться перед телевизором!”.

Впечатления этого дня завершили вид повисшего на подоконнике безвольного Роминога тела и заглушающие тоскливое звучание “Наутилуса” шумные спазматические извержения. Игорь оказался покрепче, хотя спал он той ночью беспокойно. На следующий день оба были на редкость неразговорчивы. Зато Кайрат с Ерболом, вернувшиеся вечером из кино, бойко обсуждали сюжет произведшего на них впечатление американского боевика.

— А что, дома у себя в кино ходите? — поинтересовался Игорь.

— Ходим иногда, — кивнул Кайрат, — только у нас зал в клубе раз в пять меньше. И лента вечно рвётся.

— А как насчёт дискотек?

— Нормально, — отозвался Ербол. — До утра иногда музон крутят. Кайрат у нас брейк танцует.

— Девушки после этого не пристают? Признавайтесь.

— Кайратом интересуются.

— А тобой?

— Не знаю.

— Да смотрит на него одна, — сообщил Кайрат. — На белый танец два раза приглашала.

— А ты её до дома провожал? — продолжил опрос Игорь.

— Да нет, — смутился почему-то Ербол. — Она не в моём вкусе.

— Чтобы разобраться в своём вкусе, надо много перепробовать. Ты-то, Кайрат, нашёл уже себе по вкусу кого-нибудь?

— Есть, есть у него, — заулыбался Ербол. — Давай, рассказывай.

— Ну есть. Гуляли с ней как-то. Темнеть уже стало. Говорит: “А у меня сегодня дома никого”. Зашли. Заводит меня в свою комнату. Ну и дальше...

— Целовались без трусов! — предположил Игорь.

— Примерно так, — по своему обыкновению хитро сощурился, подтвердил Кайрат.

— Батыр! Ты, Ербол, не отставай от друга. Дело серьёзное. Хотя и говорят, что дурное.

— Ладно. Буду брать с него пример...

Начались экзамены. Я сдавал успешно. Игорь — хорошо. Рома за второй экзамен получил “удовлетворительно”, что его совсем не удовлетворило. А Кайрат и Ербол, набравшие каждый суммарно по шесть баллов, третьего экзамена дожидаться не стали, ещё пару дней поболтались по городу и с лёгким сердцем (оба), под предводительством ничуть не огорчённого Серикбола Нурлановича, подались на поезде в родное Прииртышье. Зачем-то я оставил им свой павлодарский адрес. На прощание “зёма” им пожелал:

— Приедете домой, мамкам скажите, чтобы не огорчались, что павлодарские хлопцы пробьются куда захотят. Маленько сильнее захотеть только нужно... Билеты не забыли?.. У бати, говоришь? Ну давайте, алга, комсомол! Кайрат, осваивай домбру, сейчас в цене национальные таланты.

Когда друзья вышли за дверь, я понял, что завидую их завтрашнему счастью возвращения домой. Взял гитару, оказавшуюся расстроенной подобно мне, вернул её на место и поплёлся на кухню греть чай в нашей универсальной кастрюльке, наследственном комнатном имуществе.

... Так и не познакомив меня с пивом, Игорь в один из дней нашего пребывания в “четвёрке” решил организовать моё знакомство с двумя девушками, живущими на одном с нами этаже. Сам он уже успел дважды угоститься у них чаем.

Неимоверно смущаясь, как это всегда происходило в то время со мной в момент преднамеренного знакомства с девушками, стараясь, однако, не подавать виду, ведомый Игорем я проследовал по длинному коридору до нужной двери. То, что “наши” девушки носят имена Татьяна и Ирина, я уже запомнил, заблаговременно всё же выяснив у Игоря их внешние отличительные особенности, чтобы потом с перепугу не перепутать, кого как зовут.

Ирина мне запомнилась плохо, что объяснялось моей нервной расстроенностью, а Татьяна — получше. У неё была, как принято говорить, “обычная” внешность, плюс насмешливый взгляд. Но если Игоря этот взгляд только стимулировал к поддержанию шутливой манеры общения, то меня, напротив, как я ни старался составлять с Игорем слаженный дуэт, приводил в коммуникативный ступор. Мои шутки звучали с неестественностью беспечной бодрости в стоматологическом кресле. Но там хоть пациент во время процедуры может позволить себе замереть в немом ужасе, а в моём случае молчание было непозволительно.

— Так, значит, вы, молодые люди, — насмешливо интересовалась Таня, — из Павлодара оба будете?

— Будем мы из Барнаула, когда вернёмся, а павлодарские мы навсегда! — гордо отвечал Игорь. — Скажи, Серёга!

Ничем иным, как неуверенным кивком, слова “зёмы” подтвердить я не мог.

— Что же в своём дорогом Павлодаре учиться не желаете, что ли?

— А мы здесь для начала ума-разума наберёмся, потренируемся на биюристов, — подмигнул мне Игорь, — а только потом — в наши академии.

— Да ты-то — тоже мне — академик! Сергей вот, — Таня задержала на мне свой насмешливый, обращённый прямо в зрачки взгляд, — ещё, может, и потянет...

— Таня, спасибо тебе, конечно, — отозвался я наконец, — но мне бы хоть в студенты пробиться. Глядишь, ещё вместе будем учиться...

Ира и Таня с исследовательским интересом уставились на мою персону, скромно расположившуюся на краю кровати: заговорил!

— Может, будем... А может, и не только учиться... ну, в смысле, не только биологии, — рассмеялась Таня. И я не знал, то ли её всегда приводят в смех собственные шутки, то ли мой смущённый вид производил на неё такое действие. Меня выручил Игорь:

— Ну что, хозяйки, а не выпить ли нам чего-нибудь покрепче чая?

— Что, опять пива захотелось? — отозвалась Ирина. — Только мы же канистрами не пьём!

— Если пиво хорошее, ты и сама не заметишь, как пара-тройка литров внутри тебя окажется.

И тут, чтобы скрыть смущение, я решил включиться в обсуждение новой темы:

— А может быть, женщины предпочли бы вино?

— Мы ещё не женщины, — уточнила Татьяна, певуче растягивая слова, — мы — девушки...

“Кто меня тянул за язык, остроумца обходительного?! Не уверен — не встречай! — наскоро отругал я сам себя. — Давай, Игорь, спасай “зёму”!”. Игорь не заставил себя ждать:

— Девушки! Замечательное обстоятельство! Такая редкость в наши дни. Я уже было совсем разуверился!.. — Игорь перевёл взгляд с Татьяны на Ирину, сверкая стоматологическим золотом. — Так за это мы с вами и выпьем — на брудершафт!.. А то вдруг в следующий раз уже будет поздно?

Вместо ответа он получил удар подушкой, бывшей под рукой у Тани.

Ни за вином, ни за пивом мы так и не пошли. Мне уже хотелось одного — поскорее смыться отсюда. Но уйти, не подкрепив собственной репутации, мне не удалось. Когда мы засобирались, Игорь на прощание нежно чмокнул в щёчку Ирину, потом Таню.

— А я хочу, чтобы и Серёжа меня поцеловал, — объявила Таня и уставилась на меня своим насмешливым взглядом. Её предложение было доселе неизвестным мне психологическим испытанием.

Я послушно встал с кровати, на ватных ногах приблизился к Татьяне и, уже совсем не соображая, что делаю, наклонился и нанёс ей совершенно идиотский поцелуй. В лоб! Это было роскошным завершением всей моей программы, финальным па, срывающим аплодисменты!

— Давно меня так никто уже не целовал, — тихо усмехнулась Таня.

Больше я к ним в гости не ходил, не поддаваясь заверениям Игоря, что “всё в порядке: первый блинчик”. “Как посмотреть, — мысленно возражал я, — на мой взгляд — так полноценная коровья лепёшка!”.

“Зато не буду отвлекаться от подготовки к экзаменам, — успокаивал я уже сам себя. — Хотя какая там подготовка! Как можно готовиться к сочинению, когда всё равно не знаешь, что за тема попадётся. Не станешь же перечитывать всё подряд, от “Слова о полку Игореве” до “Василия Тёркина”. Кстати, Игорь бы много что мог написать про свой полк! Это было бы новое Слово в русской словесности. А Рома сумел бы с успехом развить мысль о том, что “есть ещё женщины в русских селеньях”. И в общежитиях...”.

В итоге, уже в третий раз за год, я писал сочинение по пьесе Горького “На дне”. Сочинять уже ничего не приходилось, ибо собственный текст я

знал почти наизусть, закрепив его незадолго до того на выпускном школьном экзамене, и прекрасно понимая, что главная моя задача — не делать грамматических ошибок. Горького я не любил, и это даже помогло мне писать лаконично, не пускаясь в рассуждения, и с некоторой, доступной мне, долей сухого профессионализма, свойственного матёрым литературным критикам.

Набранные мною на экзаменах баллы надёжно обеспечивали прохождение по конкурсу, но я решил дожидаться зачисления и не курсировать на поезде в Павлодар и обратно в оставшиеся пять или шесть дней до зачисления. Так же решил поступить и Игорь. Его шансы, однако, были скромнее. В результате он, не пробившись на очное отделение, благополучно перевёлся на заочное. Рома отправился в Семипалатинск без какой-либо надежды на зачисление.

Так мы с Игорем в комнате опять остались одни. Но продолжалось это недолго. Вскоре из Павлодара к нему нагрянули дружбаны, четыре молодых обормота, хотя, быть может, по отдельности они обормотами и не были. Но закон воплощения количества в качество срабатывал чётко. Даже Игорь при их появлении стал не очень похож на себя прежнего. В нём обнаружилась не проявлявшаяся до того нарочитая манера держаться “как все пацаны”. Однако его положение лидера среди своих “пацанов” сомнения у меня не вызывало.

При том, что со мной “зёмы” обращались по-свойски, я почему-то сразу стал чувствовать себя гостем в ставшей тесной комнате. Благо, что они не претендовали на больший, чем есть, комфорт и спокойно спали по двое. Я и Игорь сохраняли свои кровати в единоличном владении.

Днём земляки всей компанией куда-то испарялись, возвращаясь вечером, иногда появляясь ненадолго в течение дня. Последние сутки, когда ими были растрочены почти все деньги, они торчали в общежитии, коротая время за обсуждением последних и уже углубившихся в их легендарное прошлое событий.

Я же изнывал от скуки. Не имея достаточного опыта распоряжения деньгами, я их экономил с излишней осторожностью. Шатался по городу, по центральным, усаженным цветами улицам. Ходил смотреть на Обь, реку, объединяющуюся где-то на далёком севере с моим родным Иртышом. Внимательно изучал книжные прилавки. Вечером вливался в землячество. Если оно задерживалось, валялся на кровати, листая всё, что попадалось в руки, и проклиная неизвестного поклонника “Наутилуса-Помпилиуса” из общежития напротив, каждый вечер врубавшего свой магнитофон.

— И что ты делаешь в городе один каждый день? — удивлялся Русик, один из дружбанов Игоря.

— Ничего. Хожу по улицам.

— Хватает же у тебя терпения! Я бы уже с десятью девушками познакомился и по очереди бы их... — жестом, вызвавшим дружное ржание компании, изобразил мужскую репродуктивную решительность Русик. — Эх, Серёга, ладно, будь проще. Видишь — всем весело. Ребята-то мы павлодарские, защитательские. И друзей своих не забываем. Видишь, приехали к Игоряну, чтобы ему одному тут не скучно было. Учись, Серёга! Надо всегда быть заодно со своими. Принеси водички, будь другом! Подожди, не ходи, в банке есть.

— Русик! — приподнял голову, подперев её рукой, Игорь. — А у тебя же сестра чистокровная казашка — не то что ты, метис.

— А что?

— Познакомь!

— С тобой, что ли?! Тебе что — русских мало?

— Да ладно, тебе жалко, что ли? Может, я ей ещё не понравлюсь с какой-нибудь стороны? А я же — ты знаешь — силой никого не тащу.

— Знаю, знаю — и как не тащишь, и как тебя не оттащишь!

— Ну ты познакомишь?

— Да нужен ты ей!

— Договорились! С меня — “Столичная”. Не хуже, чем “Пшени-ичная”! — пропел строку под Розенбаума наш зёма.

“Интернационалист!.. Наверное, её зовут Гуля или Динара!” — осенило меня.

— А ты, Серый, чего усмехаешься? Тебя с кем познакомить? — огрызнулся Русик.

— Серёгу не трожь, — ответил за меня Игорь. — Ему твоя сестра до лампочки. По нему тут, между прочим, Татьяна сохнет. Вся такая воздушная, к поцелуям зовущая! Шучу. Хорошая девушка. Просится в Павлодар. Хочу, говорит, с вами, мочи моей нет!

— Ну а Серый что, — поддержал Русик, — не берёт?

— Не берёт. Говорит, опоздала ты, Танюша. У меня там и без тебя уйма девок! Вот. Я её хотел немедленно утешить, да какой там! Я же не Серёга.

— Ты подумай, Серый, — с тёплой наставительной издёвкой изрёк Русик, — мне, например, Татьяны всегда нравились.

— Она всё равно уже домой уехала, — я решил всё-таки что-нибудь сказать, пока их не понесло. — Да и знаешь, Русик, — она мечтает об академике.

— А ты, Русик, — вставил слово Диман, ещё один из “зём”, — скорее, алкоголик, чем академик. И хорош трепаться!

В ту ночь я долго не мог заснуть, не давая самому себе покоя радостными переживаниями по поводу завтрашнего отправления домой. О своём успешном прохождении по конкурсу я уже сообщил маме по телефону, а про обитание в общежитии рассказал в письме. Тем не менее впечатлений было куда больше, чем могло вместить письмо, и я с упоением представлял себе, как, войдя за порог, снимаю с плеча сумку, обнимаю маму и, приняв душ, сажусь завтракать, начиная излагать все свои приключения...

По прошествии трёх недель я буду вновь открывать двери “четвёрки”, уже в качестве её законного обитателя. Моим новым жильём окажется комната на седьмом этаже, с давно немытыми окнами на солнечную сторону, носящая звание “Клуб любителей пива “Аляска”. Но это уже другая, куда более продолжительная история...

Ни своего “зёму”, ни других соседей — Кайрата, Ербола и Романа — я в дальнейшем не встречал. Правда, однажды, когда я был в Павлодаре на каникулах, в толпе прохожих сверкнула, отражая яркое казахстанское солнце, знакомая златозубая улыбка. Действительно ли это был Игорь, я рассмотреть, увы, не успел.

г. Барнаул.

Константин ГАЙВОРОНСКИЙ

Этическая невменяемость

Неполемические заметки

1

Владислав Владимиров выкатил мортиру и саданул двумя ядрами¹ по моим книжкам “Между Сциллой и Харибдой” и “Поговори мне о себе”. Не без удовольствия я читал набранные убористым шрифтом пространные — четыре печатных листа с гаком — заметки, ощущая нерв, злость, темперамент пишущего, его творческую энергетику и желание ужалить... Тешила мысль: по воробьям из пушек не стреляют. Я не воробей, думалось, а, к примеру, *ворон*, тот самый, который затаился в моей фамилии.

Но и по ворону непросто попасть, тем более, как оказалось, выстрелы были холостые.

Сравнивая себя с вороном, а не с воробьём, я подыгрываю Владимирову, который уличил меня в нескромности, обнаружив *нарициссианский* мотив во фразе на четвёртой странице обложки — “Карьера: от учителя сельской школы на целине до инструктора ЦК Компартии Казахстана”. Ну что же... Так случилось. Если бы я не указал своего партийного прошлого, критик мог с удовольствием упрекнуть меня: вот, мол, утаивает от читателей то, что ныне непопулярно в обществе.

У Владимирова есть литературные авторитеты, которым он всецело доверяет, оценивает высоко, взыскивает их одобрения в своих заметках. Имена известные: Антонов, Снегин, Бельгер, Гундарев, Матвеев.

Должен сказать, что без Валерия Антонова повесть-эссе “Поговори мне о себе” не была бы опубликована в “Просторе” в 1998 году. Получилось так, что рукопись попала в равнодушные руки сотрудника, мыслящего стандартно, как Владимиров, подверглась сокращению, я, разумеется, возмутился и забрал её из отдела. Пишущие поймут моё состояние: сидеть за столом ежедневно в течение года — и... Чья-то равнодушная рука рушит все твои логические построения. И вот в эти горькие минуты кто-то из поднебесья подсказал, чтобы я показал рукопись кому-нибудь из поэтов. С Антоновым я был знаком шапочно, вернее — полушапочно, то есть я его знал, имя, стихи, слышал, что его называют “просторовским” Робеспьером, а он мог изредка видеть мои публикации в журнале, но не факт, что читал. Я объяснил ему ситуацию, попросил ознакомиться с моим скорбным трудом. Робеспьер согласился, но какой-либо приязни не выразил: в папке шевелились как живые триста страниц текста. Прочитать двенадцать авторских листов — это же работа... Через несколько дней мы встретились, Валерий Александрович сказал, что рукопись нуждается не в правке, а в публикации, что он много чего читал о Пушкине, ему казалось, тема исчерпана, но, оказывается, нет. Повесть появилась в “Просторе” в августовском и сентябрьском номерах, довольно быстро: израненный первый экземпляр я унёс из редакции не то в марте, не то в апреле. Много позже

¹ В. Владимиров “По следам Сциллы и Харибды, или Какой нам нужен Пушкин?” (“Нива”, №№ 4, 5; 2006).

“просторовский” Робеспьер в одной из своих статей подвергнет гильотинированию сразу двух нобелевских лауреатов — Пастернака и Бродского, о чём не без удовольствия напомним в своих заметках Владимиров.

Теперь о Снегине, обожаемом Владимировым, о “подлинно народном писателе Дмитрие Фёдоровиче” В. В. издал книгу. К слову, экземпляр, с весьма тёплым для меня напутствием, стоит на полке в моей библиотеке.

Владимиров прежде цитирует меня: “Отбросим придуманные государственниками синтетические понятия — чувство долга, революционность, жажда борьбы, помыслы о светлом будущем и прочую словесную шелуху”.

— Вот тебе на! — восклицает В. В.

А я повторяю: отбросим, ибо они осточертели и мешают думать. Десятилетия ими мордовали нас, вбивали в головы, как гвозди, внушали, что мы с рождения кому-то должны, что ради светлого будущего надо потерпеть, мол, *прежде думай о родине, а потом о себе*, подменяя понятия родины и государства.

Воскликнув “Вот тебе на!” — В. В. продолжает: “Признаться, захотелось несбыточного: чтобы прочитали этот (олигофренический) призыв нашего *противошелухиста*, а потом посмотрели бы ему в глаза те настоящие *человеки*, которые в реальной жизни умели ценить и *чувство долга*, и *революционность*, и *жажду борьбы*, и *помыслы о светлом будущем*, не полагая всё это химерой”, — и называет десять имён, начиная от Феликса Дзержинского и Фанни Каплан, кончая Зоей Космодемьянской и Дмитрием Снегиным.

Желание Владимирова не такое уж несбыточное: мой *олигофренический* призыв из десяти названных прочитал Снегин. Ознакомившись с текстом, Дмитрий Фёдорович пришёл в “Простор”, доброжелательно отозвался о повести и пожелал познакомиться с автором. Народному писателю наскучило выслушивать призывы о верности, единении, повышении, борьбе и долге — да и немудрено, прожил он дольше и повидал больше моего. Писатель понимал, что партийная идеология была прямолинейна и бездарна, назойлива и обременительна, рассчитана на простаков. Назвать В. В. простаком я не могу. Почему же ему мила идеологическая синтетика? Ну знаете, занимать кабинет помощника Первого секретаря ЦК, иметь квартиру улучшенной планировки, пользоваться правом вызова машины, знать, что продукты тебе доставят вовремя — человек, известно, ко всему привыкает — в таких условиях продуктивно думается о чувстве долга масс, лишённых земных благ. Надо быть *олигофреном*, чтобы не понять: недостаток материальных благ следует компенсировать пропагандистским ором о долге и борьбе.

Следующий из глубоко почитаемых Владимировым литераторов, упоминаемых им в заметках, — Бельгер. Герольд Карлович в 2001 году выпустил прекрасно оформленную книгу “Этюды о переводах Ильяс Джансугурова”. На экземпляре, подаренном мне, имеется лестная надпись, но по этическим соображениям я не могу её привести, ибо предназначена она только для меня, а вот извлечь из книги цитату имею право: написанное Бельгером стало достоянием общечеловечности.

“Казахстанец Константин Гайворонский в 1998 году опубликовал свою книгу — повесть-эссе — “Поговори мне о себе”, изобилующую любопытными, свежими фактами и оригинальными, нестандартными суждениями о жизни и творчестве великого русского поэта”.

Вспоминаются ещё несколько отзывов...

Поэт Сагин-Гирей Байменов прочитал рукопись, по его словам, быстро и с живым интересом. Собственно, его стараниями “Поговори мне о себе” стала книгой: в тяжёлые девяностые годы он ездил в Астану, выбивал деньги на издание.

Доктор филологических наук Берик Магисович Джилкибаев, печатно: “Прочтя книгу, читатель другими глазами будет смотреть на Россию, в которой жил Пушкин... Да и сам Александр Сергеевич предстанет живым и импульсивным, радостным и страдающим... Пресловутый принцип партийности в книге заменён принципом *регрессивной метаморфозы*. Этот принцип позволяет сопоставить следствие с причиной, минувшее с настоящим, показать банкротство надуманных предвзятых теорий и концепций”.

Владимиров, назвав выход моих книг “безусловно примечательным событием”, квалифицирует отзывы как “расплывчато-одобрительные, с оттенком равнодушно-вялой снисходительности, так и вполне конкретные, весьма склонные к однозначности, причём отнюдь не позитивной”.

Ну, разумеется, негативных откликов больше... Народ не одобряет.

Здесь я должен по-товарищески предупредить В. В. на будущее: занимаясь писанием своих статей, он должен уяснить, что читать их будут не только олухи, принимающие всё за чистую монету, но и люди думающие, сопоставляющие и анализирующие. Я к тому, что социология у нас находится в поре становления, а социологии чтения покуда вообще нет, читательские интересы никто не изучает, поэтому невозможно поверить, что В. В. якобы собирал отзывы у читателей и подразделял их на равнодушно-вялые, позитивно-негативные и негативно-позитивные — подобная работа требует уйму времени и материальных средств.

Что касается того, что “никаких печатных откликов не было, окрест и поодаль было глухо, как в танке”, — то моя ли в том вина? СМИ рецензий не печатают, не в моих правилах просить кого-то написать и тиснуть заметку обо мне. Единожды я предложил газете отрывок из “Поговори...” — нам полгода не выплачивали зарплату — и неудачно: Квятковский О., в ту пору редактор “Каравана”, прочитал и отклонил, не выручил в трудную минуту, а ведь мы работали вместе в двух газетах, товариществовали. Осторожный Олег, поэтому часто закавычивает слова в своих корреспонденциях.

Такова экспозиция моих заметок. Затевая работу над ними, я решил по мере возможного обуздать эмоции, не препираться с В. В. — вряд ли можно в чём-то переубедить человека в почтенном возрасте. Его заметки для меня — повод поговорить о жизни, истории, литературе. Давно расхожей стала фраза: “Пушкин наше всё”. Часть истины в ней есть, ибо в отношении к Александру Сергеевичу высвечиваются закоулки нашего мироощущения.

2

Несколько лет назад Владимиров сменил имидж, отказавшись от костюма и галстука. Вместо двубортного пиджака — рубашка с короткими рукавами, вместо брюк — шорты, туфлям предпочёл шлёпанцы, отрастил бороду, на голову водрузил бейсболку. От прежнего В. В. остались очки и голова.

При виде обновлённого Владимиров у меня где-то в подкорке шевельнулась давняя строчка: “Каким ты был, таким ты и остался”. Какой ветер её принёс? Почему я вспомнил песню Дунаевского? Признаюсь, преображение

В. В. мне было по душе: обрыдли костюмы и галстуки, особенно их обладатели с надутыми щеками. К тому же, надо сказать, Владимиров ладно скроен: спортивен, subtilen, энергичен, не курит, алкоголь, предполагаю, употребляет в меру, как советовал Джавахарлал Неру, одним словом, выглядит прекрасно — на “полтинник” при его возрасте... Позже, размышляя над тайнами ассоциаций, я понял, что мелодию мне нашептали многочисленные статьи Владимирова, он едва ли не самый активный критик в нашей стране. Читая их, я, не без улыбки, думал: мышление, как шляпу, не сменишь. Удивляет высокомерный тон, безапелляционность, торопливость суждений, назидательность и какая-то мелкая лживость. Он может похвально отозваться о посредственном тексте, увидев в нём то, чего нет, любит обоймы имён, куда к месту и не к месту загоняет фамилии своих знакомых и *нужников*, то есть тех, кто его печатает. Меня однажды определил в ученики Абдижамила Нурпеисова, с которым я незнаком, в другой рецензии, в общем-то положительной, моё имя вставил между Барковым и Твардовским. Рецензия, повторяю, положительная, но не доброжелательная.

Одна из составляющих методики Владимирова — недоброжелательность. Он наивно полагает, что литераторы, о которых он пишет, не умеют читать между строк.

Вот что я заметил: в его статьях нет анализа, нет доказательств того, что он навязывает читателю, словно пишет не рецензию, а постановление. Одобрительно отозвавшись о моей повести в стихах “Оксюморон”, назвав самые удачные, по его мнению, главы, он припечатал: в тексте много языковых погрешностей, о них он скажет автору по телефону. Звоню, интересуюсь. В ответ слышу, мол, всё нормально, мол, это он, Владимиров, просто для порядка написал. Для какого порядка? Язык, известно, первооснова. Если автор не может вставить лыко, тем более слово в строку — пиши пропало. Критику это непонятно.

Всё не по душе В. В. в моих книжках — это не в укор, мы разные люди, к тому же читатель вправе своё суждение иметь. Начинает критик с заголовка, “по-китайски длинноватого”.

Название, напомним, — “Поговори мне о себе”.

По-китайски длинноватая фраза — строчка Пушкина из его письма Вяземскому. Александр Сергеевич томится в Михайловском и умоляет друга подробнее писать о своей петербургской жизни, ему каждая мелочь драгоценна. Говори, говори, а я буду слушать. Используя строчку поэта, я обращаюсь с такой же просьбой к нему: *поговори*, не Расскажи о себе — уже всё рассказано, — а поговори. Заголовок предвещает о доверительности дальнейшего повествования.

Теперь о заголовке Владимирова к его заметкам — “По следам Сциллы и Харибды, или Какой нам нужен Пушкин?”. Я не стал бы на нём останавливаться, акцентировать внимание на *китайской длинноватости*, если бы из второй части не торчали партийные уши, старые и вялые.

Кому это — нам?

Нам нужен Пушкин — какой, отшлифованный партийной, чугунной идеологией, которая от имени народа диктовала, поучала, приказывала не замечать то и это? Времена диктата миновали, однако они милы критику, ему в них было удобно, он таит мечту о реставрации, хочется вернуться назад, чтобы вновь творить идеологическое мракобесие. “Навели хрестоматийный глянец”, сделали из человека мумию, засушили, обесцветили

не только поэта, но и целиком литературу, историю отравили вульгарной социологией.

Читая строки Владимирова, пропитанные партийным ядом, ощущаешь настойчивое желание доказать читателю, что он, В. В., на Пушкине собаку съел, хотя, судя по многим деталям, Пушкиным он не занимался. Конечно, с творчеством поэта знаком, в рамках средней школы. Судя по всему, учился В. В. неплохо, догмы, вбитые в восьмом классе, помнит по сию пору. Кое-что, разумеется, читал после школы. Ладно, условно согласимся: съел собаку. Однако, и *съев собаку*, можно ничего не понять. Более того, у меня веские подозрения, что сущность литературы ему неведома.

Вот он вводит читателя в курс: «В новой книге, тоже писанной весьма уверенно, основной её персонаж и самый главный герой (это одно и то же. — **К. Г.**) — Александр Сергеевич Пушкин, собственной персоной».

Профессиональный критик, обременённый собственным апломбом, ничего не понял.

Не о Пушкине мои книги, а о нашем отношении к нему.

Есть книги — *о чём*, а есть — *против чего*.

Недавно я прочитал изданный в серии «ЖЗЛ» двухтомник А. Тырковой-Вильямс «Пушкин». Она белоэмигрантка, писала свою работу в Лондоне, в 1928 году, с оглядкой на московскую цензуру. Такое у меня сложилось впечатление. Книга полезная. Она — *о чём*.

Мои книжки — *против чего-то*, *против кого-то*. Против хрестоматийного глянца, против догм, сложившихся в советские времена, против литературоведов, которые втискивали свои писания в идеологические рамки, против многочисленного отряда приверженцев проклятого прошлого, к коим примыкает Владимиров. Парадокс в том, что я писал против Владимирова задолго до того, как он начнёт работу над своими заметками; цель блуждала в сознании, *но сквозь магический кристалл В. В. я смутно различал*.

Идея моих книжек до критика не дошла, хотя зарыта она не слишком глубоко. Энгельс советовал прятать её поглубже — чем менее осязаема идея, тем выше художественность. Классик марксизма безоговорочно прав.

Симптоматично, что лауреат Русской премии, учреждённой в Москве, прозаик Николай Верёвочкин, иллюстрировавший мою книгу, подметил, что я писал не столько о Пушкине, сколько о нас, читателях Пушкина, а критик, которому на роду написано улавливать сущность читаемого, блеснув псевдоучённостью, этого не понял. Отчего бы? Да оттого, что прозаик не витийствует, не строит из себя лит-умника, не роется в словарях и глоссариях, выясняя, сколько у Сциллы и Харибды ног и голов, — ему интереснее другое, то, что составляет смысловую основу текста.

Растекаясь мыслию по древу, Владимиров пренебрегает одной закономерностью, а может быть, вообще не знает о ней. Я имею в виду обратный эффект: когда человек о ком-то пишет, он невольно раскрывается — слово обладает свойством бумеранга. В его велеречивых, многословных писаниях с усложнёнными конструкциями, многочисленными скобками, обещаниями вернуться к предмету разговора ещё раз — проступают силуэты автора, выполняющего собственный заказ. Писать правду тяжело, заметил Толстой, далеко не каждый на это способен. Писать правду — это блуждать в потёмках, сомневаться, полагаться, прежде всего, на себя, на свой вкус и разум; куда проще, избрав концепцию, тянуть её, отбрасывая сцены, документы, свидетельства, не работающие на воплощение

задуманного. Концепция В. В. — развенчать мои книжки, вернуть Пушкина в рамки рухнувшей идеологии. Читая заметки, я вспоминал директивные окрики советской печати по поводу каких-то ошибок кем-то допущенных. Окрики были грубы и бездоказательны. Их стилистика прочно засела в голове Владимирова: человек прочно запоминает то, что одобряет. У меня это вызывает недоумение. Все мы инвалиды ушедшего времени. В нём растворились молодость, надежды, всё то, что случается впервые. Жаль нам утрат. Самое драгоценное мы связываем с прошлым, забывая мерзопакостное, а некоторым оно, мерзопакостное, по сию пору кажется вполне приемлемым, даже необходимым. Отсюда раскол в обществе, причины моей дискуссии с Владимировым. Да, мы *инвалиды*, партийная идеология оскудоумила миллионы людей, и всё же инвалидность мы получили разную: один третью группу, второй перескочил вторую.

“Ответственность Гайворонский... мировоззренческую, историко-фактологическую, наконец, сугубо нравственную брал на себя — необычайную!”.

Ей-богу, хочется взвыть. Кануло проклятое прошлое, я *ускользнул от Эскулапа худой, обритый — но живой; его мучительная лапа не тяготеет надо мной*. Не тут-то было! *Мучительная лапа* Владимирова достала меня и в новом времени.

Не брал я никакой ответственности.

Где её брать и зачем?

Ответственность интеллигенции, рабочего класса, колхозного крестьянства — это же оттуда, из той дали, когда радио, газеты, наглядная агитация, статьи критиков — об одном: помнить об ответственности, о своём долге, ещё о чём-то наваходоносоровом.

Не жить, а ощущать ответственность за то, что живёшь.

Заявляю Владимирову вполне ответственно: если пишущий будет думать об ответственности, ничего путного не напишет. Феномен Пушкина, помимо таланта, социокультурных условий, характера, природного ума и других неизвестных науке факторов — в том, что не брал он на себя ответственности, писал, как дышал.

Так устроено изначально — человек жёстко ограничен условиями бытия, некоторые ограничения разумны, большинство надуманы. Ощущая скованность — физическую, моральную, партийную, идеологическую, — человек пытается по мере возможности освободиться. Желание это бьётся в душе, распирает грудь — и пальцы тянутся к перу, хочется излить на бумагу свою досаду или удивление, протест или боль. Бывает так, что написанное имярек неожиданно для него вызывает интерес в обществе. Секрет успеха объяснить сложно, но один из элементов его таится в том, что, затеяв работу, автор пренебрёг хомутом ответственности.

Психология пишущего — будь он Пушкин или N. из нашего времени — одна. Разница в результате. Более того: не ответственность, а безответственность в конце концов влияет на результат. Если следовать логике Владимирова, Александр Исаевич Солженицын без должной ответственности писал “Один день Ивана Денисовича”, “В круге первом”, “Архипелаг ГУЛАГ”, “Раковый корпус”, последний предлагал “Простору”. Иван Петрович Шухов, читая, ответственно качал головой и искренне жалел, что не может подписать в печать рукопись, понимая: цензура не пропустит. Нельзя это, нельзя то, ответственность, понимаете ли, должна быть партийной.

Ответственность и партийность суть одно.

Владимиров обладает государственно-партийным умом (ГПУ), поэтому не учитывает некоторых нюансов творчества, которыми пренебрегало и советское литературоведение. Я имею в виду различие между жизненными установками и вектором развития искусства. Они постоянно противоречат друг другу. В жизни важна ответственность, в литературе она превращается в тормоз. Безответственность — сестра раскрепощённости. Именно они, безответственность и раскрепощённость, возвращали поэтов и при рабовладельческом строе, и в Средние века, и в Новое время, даже при советской власти, когда ничего нельзя было сказать, не сверив творческий компас с курсом партии.

ГПУ Владимира, сформированный и отточенный им в течение двух десятилетий на партийном и государственном поприще, не в силах постичь простые, житейские истины. Как пример неэтичности он приводит моё четверостишие, написанное на подаренной мною В. В. книжке.

*Представляли однажды к медали.
Отказался: медаль ни к чему.
Дайте слово!
Но слова не дали.
Братъ его мне пришлось самому.*

По моим понятиям, надпись на книге предназначена только тому, кому книга подарена, публиковать её неэтично. В. В. невдомёк: прореха в воспитании.

Приведя мои строки, почему-то обидевшись, словно не кто иной, как он, представлял меня к медали, критик, отозвавшись обо мне уничижительно: “Ленинец он окончательно безвозвратный”, — начинает всерьёз устанавливать, к какой медали меня представляли — “За доблестный труд” или “За воинскую доблесть”.

Это забавно!

По его мнению, сформированному ГПУ, представление меня к этим почётным наградам было ошибкой, *товарищей надо было поправить* — это из партийного лексикона.

Продолжая выражать отношение к моему гипотетическому поступку, В. В. пытается неуклюже шутить: “Однако была (и есть) другая медаль — однозначно боевая: “За отвагу”. Может, она и подошла бы нашему неустанному воителю? Отчего бы известнейшей российской Пушкинской комиссии не ходатайствовать о том перед президентом Путиным? Полагаю, непременно откликнулся бы отзывчивый на всё позитивное именитый тёзка Владим Владимыча (Маяковского)...”.

О качестве юмора пусть судят *друг-читатель* вместе с *братом-читателем*, как называет их Владимир; повторюсь, он в своих заметках пишет более о себе, а не обо мне.

Медаль “За отвагу” вызвала ассоциации.

Человек, помятый войной, четыре года пропахавший в лямке солдата, демобилизуется, закидывает вещмешок за плечи и идёт домой. Ты победитель, солдат, ты спас страну, государство, слава тебе, солдат! И солдат приходит в родную деревню, и узнаёт, что его Прасковья померла. Он тянул лямку на фронте, она тянула лямку в колхозе, впрягалась в соху, чтобы вспахать пять-шесть соток на огороде, вырастить кое-что для себя, для

детей, выплатить налоги и кое-как выжить... Не выдюжила Прасковья. Солдат выпивает чарку на могиле и думает, за что же ему такая участь, как же ему без Прасковьи век коротать? Эх, жись... Поговорив с Прасковьей, солдат идёт в сельсовет, документ надо выправить, а ему говорят — паспорт тебе не положен, ты победитель, солдат, но не гражданин, потому что отныне ты колхозник, ты обязан, солдат, блюсти ответственность и помнить о долге и революционных идеалах.

Победитель как был до войны крепостным, так им и остался после победы.

Солдат снёс башку Гитлеру, он всемогущ, наш солдат, однако изменить сознание государственников он не в силах. Государственные интересы превыше человеческих — на этом стоял наш Союз. Ради них солдат впрягся в колхозную лямку, махнув рукой на паспорт, не догадавшись укорить государство в неблагодарности, что, по мнению государственников с ГПУ было бы неправомерно, ибо, как пелось в великой песне —

*И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Тебе дали медяшку — чего же ещё?

Медаль у Исаковского — укор государству, правительству, партии, Сталину, укор — сквозь десятилетия — Владимирову, который медяшку ставит выше Слова.

Не надо мне, клянусь, медали и ордена — ни боже мой! Мне только б высказаться дали у края истины самой.

Спросите у пишущих — они ответят примерно так же. Человек что-то понял, что-то прочувствовал, изложил на бумаге — ему высказаться надо, ибо работать в стол — это мука мученическая, этот вид творчества изобретён в советские времена, патент наш. Автор заканчивал работу и, обращаясь к литначальникам, говорил:

— Позвольте выступить. Дайте слово!

— Извините, — ему отвечали, — вас в списке нет.

3

Списки прошли через всю нашу жизнь.

Попасть в список или не попасть. Варианты варьировались. Попасть — благо. Но иногда предпочтительнее — не попасть. Списки составлялись на картошку, на гречку, на новогодние подарки, на право посетить салон, где можно приобрести кое-какие вещи. Однажды исчезли сигареты и папиросы, но списков не составили, и мы, курильщики, вполне безответственно, сообразили, что дело табак.

Как-то встретил я работавшего в аппарате Союза писателей Сашу Шмидта, молодого, красивого и слегка безответственного, как все поэты. На его челе проступала тень озабоченности.

— Как жизнь, старик?

— Фиолетово, — отвечает. И поясняет, что их, работников Союза, всех переписали. Ходили по кабинетам и заносили в скрижаль. Я поинтересовался, для чего их увековечивали. В ответ Саша палец на губы, как на плакате «Не болтай!».

Союз писателей составлял и составляет много списков. Список юбиларов. Список похоронной комиссии. Список представляемых к награждению.

Список отъезжающих на какую-либо Декаду. Список мероприятий на квартал и полугодие. Список лиц, приглашаемых на секретариат. Ближе к январю представляется годовой отчёт, то есть список списков.

Вообще, СП сам по себе не что иное, как список членов, который постоянно меняется. Кто-то умирает, и его вычёркивают из списка, взамен убоившего вставляют фамилию принятого, новопреставленного, иногда двух. Делается это для того, чтобы не отстать от Узбекистана по количеству членов СП. Правда, мы уже отстали, но не безнадежно. У них полторы тысячи писателей, у нас список короче, под тысячу. Неплохой список. К примеру, англичанам нас не догнать. У них, как выяснилось, нету СП. Есть что-то вроде ассоциации, но не писателей, а всего лишь критиков. Я как-то полистал бюллетень — невзрачный, бумага газетная — и выяснил, чем занимается эта ассоциация. Оказалось, англичане списков не составляют, время тратят на дискуссии. Одна из них расколола ассоциацию пополам. Часть критиков доказывала, что в Англии живут и творят 14 писателей, произведения которых стоит читать. Оппоненты возражали: не 14, а 12! Подводя итоги дискуссии, критики сошлись на чёртовой дюжине.

А в Финляндии, рассказывал мне Мурат Ауэзов, хотели вообще отменить литературу. В город Лахти съехались корифеи изящной словесности из США, Африки, Индии, Юго-Восточной Азии, Франции и других стран. Ауэзов представлял Казахстан. Организаторы объявили тему симпозиума: «Похороны литературы».

— Похоронили?

— Да разве её уложишь в гроб?! — улыбнулся Мурат Мухтарович. — Похороны литературы превратились в её триумф, в торжество художественного слова, высокой духовности, вылились в доказательство её бессмертия.

Под впечатлением от услышанного — это, знаете, как после умного, нервного, пронизывающего спектакля, встряхнувшего и разбудившего тебя, — Ауэзов прилетел в Алма-Ату. Душа просила: надо с кем-то поделиться...

— Иду в Союз писателей, предлагаю тему беседы — и вы знаете, никакого интереса, элементарной любознательности. Омертвление литературы — как ещё назвать всё это? Пингвинье сознание. А я всё подробно записывал в Лахти, представлял, как приеду, как соберу собратьев по перу, как они живо будут реагировать на услышанное.

— Н-да... А чем занято руководство собратьев?

— Нам надо, говорят, поднимать уровень литературы, активизировать творческие силы.

Пингвинье сознание крепко напоминает ГПУ, о чём свидетельствует лексика: поднимать уровень, активизировать процесс. По духу, по административному происхождению, по группе крови — он из верхов — Владимиров тоже пытается поднимать и активизировать. ГПУ и пингвинье сознание не в состоянии уразуметь, что в одночасье или в более значительные сроки литературу не поднимешь, в этом деле не помогут даже государственные ресурсы. Умозрительно представим: кинули СП из бюджета несколько миллионов тенге — активизируйте творчество. На эти средства можно увеличить тиражи и количество издаваемых книг, но их качество, мастерство авторов останется прежним. Для развития литературы необходимы социально-политические условия, раскрепощённость сознания, умение видеть и понимать то, что происходит, а не то, что кому-то кажется. Сюда следует присовокупить критический взгляд на явления, воспитание безукоризненного вкуса, отнюдь

не слепое следование традициям, не всё приемлемо из творчества наших пращуров... В течение нескольких веков нация находилась в полудрёме, потом её разбудила советская власть и так застрашала коллективизацией, голодом, репрессиями, что о каком-либо свободомыслии, без которого литература непредставима, говорить не приходится. Страх впитался в поры и кровь наших пращуров, которые неважно где жили — в Казахстане, в Сибири, на Украине или на Кубани. Этот страх достался нам в наследство. Читая Джансугурова, Сейфуллина, Джамбула, я ощущаю заданность, идеологический заказ, исполненный не совсем удачно, но на безрыбье, говорят, и рак рыба. Джансугуров, Сейфуллин, Джамбул, сюда надо подверстать большую группу советских поэтов русского происхождения, — на крутых поворотах судьбы не сумели *выпасть из игры*, как это сделал Пушкин в мглистом декабре 1825 года, отказавшись ехать в Петербург.

Выпасть из игры — патент Игоря Дедкова, выдающегося критика второй половины 20-го века. Он пишет в своём дневнике о том, что на судьбоносных изломах “дело художника — отстраниться: выпасть из игры. Т.е. придерживаться старых правил, не зависящих ни от прежних обстоятельств, ни от новых”.

Владимиров приводит мой комментарий по поводу возвращения поэта, успевшего проехать несколько вёрст, в Михайловское: “Пушкин над самой судьбой одерживает верх, рассудив просто, по-житейски: глупо бросаться в кипяток адского котла”, — после чего В. В. *неутомимо шаманит* — его выражение — над Дедковым, Пушкиным и заодно надо мной.

“Ай да Пушкин! Ай да молодец!”.

“Молодец не только Пушкин, но и, скажу, Дедков тоже”.

Снисходительно похлопав по плечу поэта и критика, Владимиров...

На некоторое время выключу голос В. В., попытаюсь вразумить его, спокойно, без ёрничанья.

На виражах судьбы — к примеру, смена общественно-политического строя — литератору, если он умный человек, приличнее всего помолчать, ибо всех перипетий событий он не знает, информация дозируется и искажается, объять разумом происходящее физически невозможно. Обладая ясным умом, без примеси государственности и партийности, это понимает 26-летний Пушкин; располагая сведениями из Петербурга, где решается, кому достанется императорская корона — Константину? Николаю? — поэт выпадает из игры, обдуманно и расчётливо. А почти 70-летний Владимиров совокупно с лауреатом Сталинской премии Мейлахом хором долдонят о долге и революционных устремлениях Пушкина, о том, как повёл бы себя поэт, окажись на Сенатской площади 14 декабря.

Правило Дедкова витало в воздухе во все времена, но затвердил его на бумаге Игорь Александрович. Что случается, если литераторы пренебрегают правилом Дедкова? Чаще всего конфуз получается, вот что.

1930-й год. История заложила очередной вираж: коллективизация. Радио-газетный ор. Фотографии очастливленных колхозников. Смычка города с деревней. Дружба народов. *Я другой такой страны не знаю...* Дневник Чуковского. К нему пришёл Тынянов. “5.06.1930. Говорил ему свои мысли о колхозах. Он говорит: я думаю то же. Я историк. И восхищаюсь Сталиным как историк. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он кроме

колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин называться гениальнейшим человеком эпохи”.

Тынянов и Чуковский — известные писатели, интеллектуалы, Корней Иванович переводит с английского, Юрий Николаевич, внешне очень похожий на Пушкина, автор научно-исторических романов, но что они понимают в сельском хозяйстве, в экономике? Не беда, что ничего не понимают, беда в том, что они *не выпали из игры*. Не уяснив, не разобравшись, не предугадав последствий, они создают общественное мнение, — я не говорю о десятках, а может быть, сотнях литераторов, которые печатно восхищались коллективизацией и её вдохновителем.

Выпасть из игры — это проявить отнюдь не пассивность, а трезвый ум.

Выдающийся писатель Василь Быков, пристально всмотревшись в Лукашенко, — напрочь замолчал. Сомкнул уста.

Упоминаемый в заметках Иосиф Бродский — В. В. посвящает ему целую главу, между прочим, ни к селу ни к городу — вздохнул: “Если довелось в империи родиться, лучше жить в глухой провинции, у моря”. Это эхо правила Дедкова.

Держать паузу — это не просто молчать, но и беречь слово, дорожить им.

В молчании формируется позиция, в болтовне она расшатывается.

Молчание хранит достоинство, многословие разочаровывает собеседника.

Вновь включаю Владимирова, который делится с *братом-читателем*, как осенью 1986 года познакомился с Дедковым, дарил ему свои книги (Гундарев рядом), как “творческое дружество у нас завязалось сразу, письма насылал мне он прекрасные”.

“Но стоило в Алма-Ате внезапно грянуть известным декабрьским событиям 1986 года, а затем уже не внезапно, а по наводке (и путёвке) Центра навалиться на Казахстан костоломной тушей горбачёвского ставленника, партийного экзекутора Колбина, — Дедкова будто подменили. От моих настоячивых и обоснованных просьб заступиться за беспримерно оболганного тогда Олжаса Сулейменова (о себе я не просил) Игорь Александрович сразу же шарахнулся как чёрт от ладана, а потом и вообще затаился теперь уже на ключевых литературных высотах в Первопрестольной. В испуге обрывал он и мои к нему телефонные звонки — из самой Москвы. А ведь (в принципе) мог бы (уже состоя в номенклатуре ЦК КПСС) и пальцем шевельнуть. Но нет — не шевельнул, надо было срочно *выпасть из игры*, вообще не *впадать* в неё”.

Видит Бог, не я эту тему затронул.

Инвективы Владимирова против Дедкова имеют абрис достоверности для слушателей где-нибудь в школьном классе или студенческой аудитории, для наивного *друга-читателя*, но от того, что было в действительности, они за версту, несмотря на упомянутого Гундарева, который исполняет роль вещественного доказательства. Владимир Романович присутствовал при знакомстве В. В. с Дедковым — ну и что? Остальное, сообщаемое критиком, — плод его оскорблённого воображения; попутно В. В. намекает на подвижничество, альтруизм собственной персоны, радеющей не за себя, он якобы в первую очередь озабочен судьбой Олжаса Сулейменова.

В декабре 1986 года, как известно, в Алма-Ате произошёл общественный взрыв, толпа молодёжи подошла к зданию СП, требуя встречи с Сулейменовым. Нужно ли было поэту выходить к толпе? Конечно, нет.

Вышедший к беснующимся моментально превращался в организатора беспорядков. Но куда важнее то, что откликнуться на требования молодёжи Олжас Омарович физически не мог: в эти горячие минуты он находился в ЦК нашей партии, как тогда говорили, своим присутствием убеждая, что к демонстрантам не имеет никакого отношения.

Сулейменов в декабре 1986-го *выпал из игры*, как это сделал Пушкин в декабре 1825-го.

Странные сближения...

На самом деле не странные, ибо ум того и другого поэта не омрачён партийно-государственными соображениями.

Несмотря на прозрачное алиби, Сулейменов подвергся атакам со стороны “Казахстанской правды”, в организованных письмах читатели называют его принцем при короле Кунаеве, якобы принц влиял на Персека, был его любимчиком, звучат и другие nepотpeбствa. Пропагандистской кампанией руководит секретарь ЦК Камалиденов. Между Закашем Камалиденовичем и Олжасом Омаровичем кошка пробежала, и давно. К примеру, весной того же 1986 года у Сулейменова был 50-летний юбилей, на бюро ЦК Камалиденов выступил против представления поэта к государственной награде, Кунаев проигнорировал это мнение — и орден Октябрьской Революции, по статусу равный ордену Ленина, Олжас Омарович всё-таки получил. После декабря 86-го Камалиденову представилась возможность отыграть очко; с приходом *эзекутора* Колбина, как величают нового Персека В. В., политическая ситуация накалилась, первый помощник Кунаева и управляющий делами ЦК подверглись аресту, сгустились тучи и над Сулейменовым. Оценив обстановку, он летит в Москву и при помощи Чингиза Айтматова добивается встречи с секретарём ЦК КПСС Яковлевым, позже названным архитектором перестройки. Разговор в Кремле нам не услышать. Что было после разговора... Нетрудно догадаться. Яковлев поднял трубку, поговорил с Колбиным о положении в республике и, коснувшись невзначай имени Сулейменова, разъяснил Персеку свою позицию, после чего читатели *перестали писать* в газеты, их эпистолярная активность улетучилась.

Говоря о своих альтруистических устремлениях помочь Сулейменову, Владимиров многое скрывает. Дело в том, что на момент знакомства с Дедковым — осень 1986-го — В. В. эдак уже года три не работает в ЦК. Кунаев его из кресла второго помощника Персека переместил на стул рядового сотрудника аппарата Верховного Совета. Понижение катастрофическое. Но это не всё. В 1987 году под жёсткий пресс попадают люди, работавшие с Кунаевым. В. В. называет Колбина *эзекутором*, потому что по воле последнего подвергся экзекуции: на партийном собрании аппарата ВС Владимирова исключают из партии.

В это же самое время Дедкова из Костромы, где он работал заместителем редактора областной газеты, переводят в Москву на пост первого заместителя главного редактора журнала “Коммунист”.

Исключённый из партии В. В. едет в Москву. О чём он думает, походкой незрячего Пью из “Острова сокровищ” передвигаясь по московским улицам? О том, что потерял всё: партбилет, работу, карьеру, возможность печататься? Нет, его обуревают мысли о “беспримерно оболганном Олжасе Сулейменове”, о судьбе казахстанской литературы, о милой Алма-Ате, на которую навалился “костоломной тушей” горбачёвский ставленник Колбин.

Не знаю как вероятный читатель моих заметок, а я горжусь Владиславом Васильевичем Владимировым. Настоящий советский человек!

Перво-наперво В. В. входит в контакт с Дедковым и просит заступиться за Сулейменова, “о себе я не просил”.

Стоп! Как заступиться?

“Состоя в номенклатуре ЦК КПСС, пальцем шевельнуть”.

В. В. приводит как будто весомый довод: номенклатура ЦК.

Но не для меня.

Номенклатурный — это работник, утверждённый Секретариатом или Политбюро ЦК. В номенклатуре несколько тысяч человек. Все секретари обкомов, председатели облисполкомов и их заместители, директора и секретари парткомов крупных предприятий, ректоры ведущих вузов, командиры дивизий, верхушка Минобороны и Генштаба, редакторы периодических изданий, собкоры центральных газет, министры, их замы, начальники управлений министерств... И несть им числа. Добавлю: попадающие в номенклатуру особыми полномочиями не наделялись, единственное преимущество перед остальными: местные партийные органы не могли освободить их от занимаемых должностей без согласия ЦК.

Один из этой элитной многотысячной толпы — Дедков. Что он может сделать?

В партийной иерархии В. В. занимал пост повыше дедковского. Восстановил ли он кого-либо в партии?

В разговоре с Дедковым могла прозвучать фамилия Сулейменова. Ходатайствуя о восстановлении в КПСС, В. В., повествуя о перегибах в республике, не преминул сослаться на Олжаса Омаровича, вот, мол, даже маститого поэта преследуют, под эту мельницу попал-де и он, Владимиров.

Дедков понимал сам, а может быть, как новичку ему разъяснили в редакции теоретического журнала ЦК, что Колбин получил карт-бланш от Горбачёва, поэтому неэтично звонить *эзекутору* в Алма-Ату и указывать ему на допущенные промахи.

Такая получается картина из абриса, начертанного рукой критика.

В своих статьях Дедков советовал чётко прописывать мотивировки поступков действующих лиц. Вместо того чтобы учиться у коллеги по цеху, Владимиров обличает его, а перо в свою очередь обличает В. В., который из документального факта выписывает басню под названием “О себе я не просил”.

Философ А. Зиновьев заметил: “Люди о себе вообще врут... Но люди всегда врут на основе некоторой правды и в её окружении”.

4

Я без ноты злорадства вспоминаю чёрные дни весны 87-го года, когда В. В. выключили из списка членов КПСС. Мне по душе позиция поэта: “И если сотня, воя оголтело, кого-то бьёт — пусть даже и за дело, — сто первым я не буду никогда”.

Владимирова избили за дело. Причём так же безжалостно, как он избивал казахстанских литераторов.

В марте 1987 года все газеты республики опубликовали литературную статью, полученную из КазТАГа, под примитивным заголовком “Сколько верёвочке ни виться...”. В ней задавался риторический вопрос: “Что помогало ему (В. В. — **К. Г.**) с лёгкостью необыкновенной открывать двери издательств, а заодно и дверцы денежных касс?”. Ну, понятно, что... Служебное положение. Далее — фамилии тех, кого по воле В. В. выгнали с работы. “Прямому шельмованию подверглись казахстанские писатели Ю. Герт, Ф. Чирва, А. Дубицкий, Т. Мадзигон...”.

Я был знаком с Андреем Фёдоровичем Дубицким и Юрием Михайловичем Гертом.

Прочитав о шельмовании Дубицкого, вспомнил редакцию “Целиноградской правды”, где я работал, возмущённого Андрея Фёдоровича, который вслух зачитывал рецензию на свою книгу. Экзекуции подвергся эпизод вхождения колчаковского полка в населённый пункт. Враги революции облачены в выглаженные мундиры, под ними сытые лошади. Рецензент с фамилией, похожей на псевдоним, укорял автора в том, что последний лобуется врагами революции, а красные в описании Дубицкого выглядят оборванцами. За подобными параллелями рецензент видел проявление буржуазных влияний наших идеологических недругов. Изрядно! Ну, ребята послушали, почитали, посмеялись, однако тут вот такая закавыка: автор рецензии — ответственный работник ЦК нашей партии, поэтому статью надо обсуждать. На партсобрании Андрей Фёдорович вспомнил письмо Шолохова к Горькому из 1931 года, в котором Михаил Александрович жаловался на критиков, уличивших его в контрреволюционных воззрениях: в “Тихом Доне” красноармейцы, *безобразно подпрыгивая, тряслись на драгунских сёдлах*. Вслед за Шолоховым Дубицкий пояснил, что красноармейцы хуже казаков ездили на лошадях, потому и подпрыгивали, важно не то, что плохо ездили, а то, что плохо ездившие победили тех, кто отменно хорошо ездил. А в его книге, проводил аналогию Дубицкий, неважно экипированные красные победили колчаковцев в выглаженных мундирах. Учитывая высокий пост критика, на партийном собрании решили принять к сведению статью Владимирова — это был, конечно, он — и что-то усилить и активизировать. Никаких последствий для Дубицкого решение партсобрания не повлекло, за исключением того, что республиканские издательства лет семь кряду не рассматривали его рукописи как бесперспективные.

Удивляет совпадение мышления критиков из 1931 года с мышлением Владимирова из 1969-го. Уровень один.

В добавление к сказанному: Андрей Фёдорович Дубицкий — участник Сталинградской битвы, кавалер нескольких боевых орденов, персонаж романа М. Алексеева “Сталинград”, автор сохранил фамилию однополчанина, как и в повести “Дивизионка”. В 80-е годы повесть будет экранизирована, роль Дубицкого (в фильме — Лубицкого) сыграет актёр театра Советской Армии, народный артист России Ледогоров.

Примерно такая же история с Юрием Михайловичем Гертом.

Герт был инвалидом 5 пункта — в личном деле этот пункт требовал указывать национальность, — каких-либо премий не снискал, хотя писатель был настоящий. Он писал не о чём-то, а против чего-то. Против душевной чёрствости, против казённости нашего бытия, против всего того, что принято было не замечать. Кроме того, он был редактор высокой квалификации, понимал литературу, его взгляд просвечивал рукописи, словно рентген. О беллетристике Владимирова был невысокого мнения — и не скрывал своих оценок: квазилитература. Вероятно, Юрий Михайлович был прав, но разделить его мнение я не могу, поскольку не читал. Помню, раскрыл очередной номер “Простора” и был немало удивлён, как чуду: вся площадь журнала отдана одному автору, Владиминову, если не ошибаюсь, под роман “Ивановы”. Надо полагать, В. В. считал себя специалистом по советской семье. Возможно, это так. К слову, он хороший семьянин, любит животных. Ну вот, а тут публикуется повесть Герта “Третий — лишний”, тоже о советской семье, неблагополучной, в

отличие от владимировской. Их трое в семье, каждый занят собою, трещины в ячейке социалистического общества — не та позиция у писателя, не на дороге он, а на обочине пребывает, и это когда весь советский народ занят осуществлением предначертаний партии... Не повесть это, по мнению В. В., а описание пошлого адюльтера, который нетипичен в социалистических семейных отношениях.

Скучный ветер тридцатых годов.

Вновь В. В. пишет о себе, обличая Юрия Михайловича:

“В степень духовного бытия и нравственно ценных человеческих поступков Ю. Герт возводит ползучий эмпиризм мещанского быта, стремясь выдать пошлый адюльтер за наивысшее проявление счастливых людских страстей...”.

“Ю. Герт понаторел в иных описаниях и рад бы втиснуть под выдавшую виды обложку “Простора” все гоголевские лужи, да жаль время действия в повести зимнее...”.

“Неисчерпаемо-маторны краски, которыми Ю. Герт мажет старшее поколение в повести, густо засаженной дремучими зоологическими дебрями, где тихо, молчаливо процветают самые дикие и низменные инстинкты...”.

Жуткий контраст: весь советский народ занят осуществлением, а у Герта — ползучий эмпиризм, адюльтер, низменные инстинкты... К тому же повествование автор повести “конструирует по схемам, схваченных с чужих ветров концепций”. Иными словами, не дремуче-литературоведческими, а человеческими — Герт у кого-то похитил ситуацию, интонацию, переименовал персонажей и напечатал мрачный текст.

Допустимы ли подобные обвинения? Да, допустимы. Но их необходимо доказать, сослаться на имена. Доказательствами В. В. себя не утруждает. Читатели глотают инвективы критика на лету, и у них формируется мнение об авторе и повести.

Методология В. В. не меняется в течение десятилетий. В семидесятые годы прошлого столетия он обвинял Герта в хищении концепции, через тридцать лет и три года подобные претензии высказывает мне, заявляя, что я в свои книжки переписал чьи-то оценки и забыл поблагодарить кого-то за помощь. А кого благодарить — назовите имена, монографии, они прозвучали бы к месту после предъявленных обвинений, однако у В. В. не хватило для этого журнальной площади.

Можно понять Герта, который написал В. В. нелестное письмо: “Нет, вы не думали о критике, когда брались за перо, ведь её цель — выяснить истину, а не подменять её ложью. Вы думали о единственном — как побольнее уязвить автора, опозорить, ошельмовать и под конец экзекуции уничтожить зловещим выводом по поводу *чужих ветров*”.

Современный человек, не знающий реалий проклятого прошлого, может быть озадачен прочитанным и спросить, а почему бы Дубицкому и Герту не ответить Владимирову печатно?

Хороший вопрос, как говорят сейчас с экранов телевизоров.

Сбитый с панталыку Герт в горячке написал опровержение на критику, хотел было разослать в газеты, но ему напомнили, в какой стране он живёт, — и Юрий Михайлович остыл.

Что касается Дубицкого, то ему из провинциальной областяги Владимиров казался недостижимым: шутка ли, в самом ЦК критик ворочает пером, выражаясь мудрёно и квазикаузально.

В отличие от Герта, В. В. ни на минуту не забывал, в какой стране он живёт, и твёрдо знал, что опровергать его писания никто не станет.

Что это?

Бельгер сказал бы: штандпункт, — а я говорю: этическая невменяемость.

В. В. полагал, что боксировать на ринге с противником, у которого связаны руки, — благопристойно.

Истоки этической и литературной невменяемости Владимирова, на мой взгляд, в том, что он не уловил границу между государственно-партийными и литературными реалиями. Доклады Персеку и рецензии В. В. писал одним пером, почти не меняя лексики. Вернее так: не писал, а стягивал материал, поступавший из отделов. Компоновал, кое-что выкидывал, требовал жареных фактов, оживлял. Однако телега скрипела, он слышал этот скрип, но поделаться ничего не мог: партийный язык не давал дышать полной грудью. Заканчивая раздел, В. В. подыскивал ударную фразу: «Пора кончать с подобными проявлениями!». Полумёртвый текст из уст Персека покорно выслушивался на партхозактивах и пленумах. Упрекающий меня в безвкусице, В. В. не поверит моей оценке его утомительных трудов, поэтому приведу мнение Бельгера, которому Владимиров доверяет. В дневниках Герольда Карловича, опубликованных «Простором», помечено: «8.03.1983. Прошёл пленум ЦК КПК. Речь Кунаева впечатления не производит: вяло, трафаретно, общо». Вероятно, после многочасового пленума «голова чугунная, пустая».

Голова бывает чугунная от прослушивания чугунных речей.

Партийные бумаги и доклады — это издевательство над русским языком.

Работая над рецензией и статьёй, В. В. пытался играть пером, используя сложноподчинённые предложения, но сознание, пропитанное партийным языком, диктовало руке нечто прямолинейное, директивное, автор не мог хотя бы на пару часов утратить апломб ответственного партработника — отсюда в рецензиях поучения, высокопарная дидактика и постановка задач. В заключение его любой статьи просится фраза: «Пора кончать с подобными проявлениями!». Профессиональная работа.

В. В. — профессионал крепкой руки, поэтому с присущей ему ответственностью называет мои книжки дилетантскими, а меня — дилетантом.

Я уже обмолвился, что в устах Владимирова порой и похвала звучит как брань. Дополню: а брань его как похвала.

В. В. не смог уяснить потаённых истоков литературного мастерства: дилетантство прилично тем, кто занимается словесностью. В одной из своих повестей я упоминал, что дилетанты подразделяются на две категории: знающие о своём дилетантизме и не подозревающие о нём. Я отношу себя к первым. Воспитанный на стереотипах, критик не может уяснить неочевидную мысль... Действительно, в жизни мы ценим профессионалов. Стоит ли доказывать, что всё надо делать технологично, соблюдать ГОСТы, инструкции, графики и т. д.

Но это — в жизни.

А в литературе свои законы. Она отвергает наезженную колею, кем-то освоенные технологии.

Помню, Василий Белов в интервью накануне своего 70-летия подводя предварительные итоги, не без досады признался в том, что не стал

настоящим плотником, то есть профессионалом. “А как же писательство?” — спросил его собеседник. Василий Иванович, признанный на каком-то высоком форуме лучшим писателем 20-го века в русской литературе, сказал, что литературные занятия — это не профессия.

Андрей Битов, работающий в интеллектуальной прозе: “Я хочу сказать о высоком непрофессионализме русской литературы. Пока она непрофессиональна, она гениальна”.

Лев Аннинский, внёсший в сокровищницу нашей словесности вклад не меньший, чем Владимиров, по телевидению, на канале “Культура”, прямо заявил многомиллионной аудитории, что он — дилетант.

Окинем мысленным взором Золотой, без кавычек, век русской литературы, 19-й — все непрофессионалы.

Можно ли назвать Пушкина профессиональным поэтом? По моему разумению, нет. За всю свою творческую жизнь Александр Сергеевич единожды писал по заказу — “Воспоминания в Царском Селе”.

Теперь попытаюсь составить далеко не полный список профессионалов: Панфёров (“Бруски”), Колесников с несколькими романами о том, как рабочий в нашей социалистической действительности вырастает до министра, Кочетов (“Журбины” и “Секретарь обкома”), Кожевников (“Знакомьтесь, Балугев!”). Этими произведениями морочили головы на филфаках. Укороченный перечень закончу Владимировым с романом “Вернуться и ничего не забыть”, имеющим межеумочный заголовок: *вернуться и ничего не забыть* там, откуда вернулся, или *не забыть* что-то сделать по возвращении?

Вклад в литературу профессионалов и дилетантов сравнивать неудобно.

Николай Рубцов вздыхает: “О чём писать? — на то не наша воля”, — явный дилетант.

Профессионал, в отличие от Рубцова, знает, о чём надо писать. Сомнения, заблуждения, томление духа — не для него. Но вот незадача — Лев Николаевич Толстой, всю жизнь размышлявший над тайной творчества, назвал литературу *энергией заблуждения*.

Заниматься литературой — это заблуждаться.

Поскольку профессионалам всё понятно, значит, им не следует писать художественные тексты, пусть слагают речи и доклады.

Преимущество профессионалов над дилетантами — в остойчивости. Они непотопляемы, будучи уверенными в своих способностях, они всегда в приличной творческой форме, они знают, что *проходняк*, что *непроходняк*, они работают по графику, они заказывают критикам рецензии на свои книги, обзаводятся знакомыми.

Иное с дилетантами. Непрофессионально они ведут себя. Впадают в лень, в депрессии, ищут звук, сомневаются в том, что написали вчера, их не интересует, как о них отзовутся где-то там. И пишут что-то необязательное, незовущее. Примерно так — разбросанно — жил и работал дилетант Юрий Казаков. Читая его рассказы, письма, воспоминания о нём, улавливаешь его тревогу — как бы не оборвалась ниточка или паутинка, соединявшая Юрия Павловича с нематериальной субстанцией, надиктовывающей ему фразы и озвучивающей мелодии элегических, дымчатых рассказов. Он знал, что может пробить этот час — потому и опасался. И час пробил. И мастер замолчал, поступив непрофессионально.

Казаков написал гораздо меньше профессионалов — потому что был дилетант.

Белов ощущал зыбкость творчества — потому что был дилетант.

Владимиров неправомерно причислил меня к дилетантам: хотел унижить, а на самом деле возвысил.

На заре студенческой юности я разделил мысль молодого стихотворца, поэтому и впаялась она в сознание: “Понимаю профессионалов: их зависимость велика от издательств и от журналов, и от критика-чудака, и от старшего друга-поэта, и от ливня, и от пурги, оттого, что наутро где-то кто-то встанет не с той ноги... О начальники, мэтры, маги. Убегу я на край земли — и плевать мне на все бумаги! Лишь бы руки не подвели”.

5

Профессионалом мне довелось побыть — после института учительствовал в сельской школе на целине. Преподавал в дневной и вечерней, смог на практике уяснить мудрость ленинской фразы о том, что “учитель в нашем обществе будет поставлен на такую высоту, на которой он не стоит, не стоит и никогда не будет стоять в капиталистическом обществе”. Материальный эквивалент фразы — полтонны угля на зиму: это больше, чем ничего.

Владимиров обеспокоен судьбой моих учеников: “Временами ловлю себя на мысли о том, что мне, честное слово, жаль тех его питомцев, кого он образовывал в сельской школе на целине”.

Напрасно беспокоится В. В.

Дело в том, что в ту пору уровень мышления у меня был примерно такой же, как сейчас у Владимирова. Я верил всему, чему учили в школе и институте. Преподавал по программе, никаких идейных вывихов не допускал, да и какие вывихи могут быть на 22-м году жизни. Бездумье гуляло в моей голове.

Моё учительство совпало с выходом на экраны фильма С. Ростюцкого “Доживём до понедельника”. Учителя Мельникова прекрасно сыграл Вячеслав Тихонов. А какая музыка звучит на экране! А какой смышлёный ученик Шестопалов! Помню рецензию в “Учительской газете” под заголовком: “Доживём до Мельниковых!”. Удачный заголовок, я бы восклицание заменил на вопрос — в школах Мельниковых не было и по сию пору нету. К примеру, я проигрывал Мельникову по всем параметрам: во внешности, интеллигентности, образованности. Единственным преимуществом я обладал — полутонной угля: Мельников работал в Москве, а городским учителям уголь не полагался.

Несмотря на полемику и некоторую конфронтацию с В. В., должен сказать, что Владимиров в чём-то схож с Мельниковым. Оба начитанны, интеллигентны, эрудированны, оба носят очки, зонтики, тот и другой обаятельны, умеют располагать улыбнуться, но и чёртом взглянуть горазды. В моём сознании они совместились ещё по одному обстоятельству: оба с большой симпатией относятся к лейтенанту Шмидту.

Владимиров, отдав дань революционному порыву своего героя, производит лейтенанта в капитаны второго ранга, для ГПУ звание очень важно.

Мельникова не удовлетворяет ответ ученика Батищева о Шмидте. Батищев ссылается на учебник, мол, всего пятнадцать строчек... Мельников задумчиво повторяет: “Пятнадцать строчек... А ведь это немало. От большинства людей, как ни трагично, остаётся только тире между двумя датами... Что ж это был за человек — лейтенант Шмидт Пётр Петрович.

Русский интеллигент. Умница. Аристократическая натура! Он и пел, и превосходно играл на виолончели, и рисовал”. — И далее учитель советует читать письма лейтенанта любимой женщине, а не с высокомерием и прохладцей рассуждать об ошибках этого человека.

Батищев уныло спрашивает: “Но ведь ошибки-то были?”.

Мельников — жест рукой, мол, всё ясно с тобой, садись.

Когда я в молодости впервые смотрел фильм, мне тоже было всё ясно.

Посмотрев его спустя три десятилетия, уразумел, что не всё ясно.

Батищев, мой тёзка, конечно, шалопай, но его позиция мне, уже седовласому, потёртому жизнью, уразумевшему кое-что, — ближе мельниковской. Только не об ошибках надо вести речь, а о преступлении.

“Послушай, Костя, — обращается ко мне Илья Семёнович Мельников, как он обращался к Батищеву на уроке. — Вот началось восстание. И не к Шмидту — к тебе приходят матросы, которым до того ты очень убедительно говорил об их правах, о том, что вечное терпение — коровья добродетель, о том, что люди обязаны мечтать и приближать к мечте свою жизнь... словом, прекрасно ты говорил об идеалах свободы и демократии. Матросы приходят и объявляют тебе: мы начали, ты будил нас не зря, ступай, командуй нами. А ты знаешь, что бунт обречён. Как тебе быть?”.

Отвечаю Мельникову сквозь десятилетия:

— Илья Семёнович, если я, Костя, здравомыслящий человек и с задатками лидера, я объяснил бы им, что уже опубликован Манифест императора о даровании народу свободы слова, свободы собраний, отменена цензура, поэтому выступать сейчас глупо и опрометчиво. К тому же крейсер “Очаков” — без брони, без артиллерии, он самое тихоходное судно в бассейне, восемь узлов. Эскадра разнесёт его в щепки. Погибнут сотни. *Так что, ребята, слушай меня: приказываю разойтись по кораблям.*

Илья Семёнович — явный шестидесятник, ничего плохого в этом нет — велит мне сестра, как Батищеву. Воспитанный на революционных лозунгах о демократии и свободе, подогретый благожелательными ленинскими оценками Шмидта — Ленин среди шестидесятников имел непрекаемый авторитет, — Мельников не может понять, подобно Владимирову, что свободы как таковой нет.

Нарисуйте свободу, я хочу видеть её!

То, что Шмидт аристократ, умеет петь и играть на виолончели, — ему зачтётся. Создавая из Шмидта образ народного заступника Гриши Добро-склонова, Илья Семёнович забывает сообщить ребятам, что в 1898 году за финансовые махинации Пётр Петрович в чине лейтенанта изгнан из военного флота, в связи с Японской войной вновь призван в 1904-м и за год выслужиться до кавторанга, о чём радостно сообщает Владимиров, никак не мог, потому как в начале 1906 года по приговору суда был расстрелян. Конечно, возможность присвоить себе звание кавторанга у Шмидта была, ведь он в хаосе бунта объявил себя командующим Черноморским флотом.

Владимиров утвердил его и в должности, и в звании.

В разговоре Батищева с Ильёй Семёновичем ученик вспоминает “детей лейтенанта Шмидта”. Учитель обрывает воспитанника — в другой раз расскажешь.

Зря!

Почему жульё выдавало себя за родственников именно Шмидта, а не кого-либо другого? Не потому ли, что *дети* были мелкими авантюристами,

а их *батьюшка* — крупным, самой высокой марки? Не на это ли намекали Ильф и Петров в “Золотом телёнке”?

Опасный, недалёкий человек... Обладая ГПУ, Владимиров должен понять в 21-м веке то, что не уразумел в шестидесятые годы Мельников.

Кроме Шмидта, сближает Владимирову и Мельникова... я бы назвал это историзмом мышления. В фильме Ильи Семёновича, негодуя на исторические переоценки, выражает желание уйти из школы, в беседе с директором говорит:

— Бумаге надо отдать должное: всё выдерживает! Можно написать на ней: “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”, а можно — клязу на соседа.

Полностью поддерживаю Илью Семёновича, вместе с тем ощущаю некую незавершённость, недодуманность его справедливого протеста. Имею в виду вот что. Фильм имел рабочее название — “Доживём до понедельника, или Подсвечник Чаадаева”. А, Чаадаев!.. В самый раз напомнить мысль Петра Яковлевича о том, что “переосмысление истории есть единственная возможность пути”. Не утаивание чего-то, не выдумывание, — а переосмысление. Как историк, Мельников должен был понять: факты и события по-разному преломляются в сознании поколений, поэтому историю постоянно переписывают и заниматься этим будут до скончания века. Переосмысление минувшего омолаживает историю и делает её бессмертной. Мельников по воле сценариста Г. Полонского, а Владимиров в силу стереотипного мышления — выступают за канонизацию минувшего, не догадываясь, что окаменевшее былое лишит нас возможности осмысливать *преданья старины глубокой*.

Владимиров упрекает меня: “Никакие мэтры ему не указ”.

А зачем они, мэтры? Как писал Пушкин, *дай Бог им долги дни*. Обойдёмся без мэтров, опираться будем на собственный разум.

Понимаю профессионалов, им нужна идеологическая составляющая, ссылки на авторитеты, сулящие *проходняк* их писаний. Да и сила привычки даёт о себе знать. Вот В. В. Всю жизнь ему мэтры указывали — классики марксизма, Герцен, петрашевцы, народовольцы, большевики, а за их спинами и откровенная политическая шпана. Нужно было выверять, дозировать, ссылаться, а на размышления времени не оставалось, и постепенно люди разучились размышлять. Безоглядно верили мэтрам.

Крепко не понравились В. В. мои оценки образов Александра I, Наполеона и Кутузова в “Войне и мире” Толстого. Имея в виду меня, В. В. пишет: “Он не стесняется”.

Здесь вновь надо учитывать расхождения между повседневностью и литературой, которые критик не может усвоить. В обыденной жизни скромность украшает человека, но если он берёт в руки перо, скромность ему может сильно повредить.

Так вот, об Александре Павловиче, Наполеоне и Кутузове у Толстого. Художническая задача показать дубину народной войны подмяла под себя образы императоров и выпятила роль Кутузова, мудрого из мудрейших, и незаурядного полководца. Толстой пишет об Отечественной войне 1812 года, между тем как лет эдак двадцать после победоносного окончания её называли — Французская. По мере удаления во времени значение войны возрастало, появился образ дубины, выросло количество партизанских отрядов, забылось сотрудничество русских крестьян с оккупантами, отступление наших войск стали называть заранее продуманной доктриной и т. д.

Об Отечественной войне написано много, я хочу о Французской...

Прежде об известном. После очередной проигранной нашими битвы Александр и Наполеон подписали договор, один из параграфов одного глаголил, что Россия прекращает торговлю с Великобританией. Между императорами установились дружеские отношения, встречаясь на конгрессах, они подолгу проводили время вместе, совершали конные прогулки, посещали театры, балы, дарили друг другу редкие вещи. Дипломатические отношения между странами протекли в таком же мажорном регистре. Правда, МИД России осудил расстрел герцога Энгиенского, о чём толкуют у Толстого в салоне фрейлины Шерер. В ответ французский МИД дал понять, что русские поступили бы точно так, узнай они имена инсургентов, лишивших жизни императора Павла. В этом ответе Александр уловил намёк на свою причастность к убийству отца. В отношениях между императорами образовалась трещинка. Ещё одно обстоятельство. Вскоре выяснилось, что Россия втайне торгует с Англией. Накопилось много товарного хлеба, помещикам невыгодны были экономические ограничения, записанные в договоре между Францией и Россией. Французская сторона обращала внимание на несоблюдение договорённостей. МИД России обещал предпринять меры, однако ничего сделано не было. Терпение у Наполеона лопнуло, он решил действовать с позиции силы и подвёл свои войска к Неману.

Наполеона представляли у нас как антихриста, помышляющего о славе, а я спрашиваю, зачем ему мечтать, если слава у него в кармане, она осияла его в день коронации, когда он, выхватив корону у папы, самолично водрузил её на свою голову.

Нужна ли была война Наполеону в 1812 году?

В течение месяца он медлит с форсированием Немана. Позади его непокорённая, бушующая Испания. В Италии его позиции далеки от стабильных, итальянцы ненавидят французских оккупантов. Англия — самое мощное в ту пору государство, — обладая лучшим флотом в мире, в любое время может высадить десант у него за спиной.

Зачем ему воевать с Россией?

Наполеон ждёт. По его понятиям, Александр, его друг, должен приехать объясниться, после чего состоится парад русских и французских войск — и инцидент будет исчерпан.

Великий князь Константин Павлович, младший брат императора, советует: «Саша, поезжай, иначе война!».

Александр Павлович молод, честолюбив и отменно упрям. Он что, не понимает, чем грозит промедление? Всё он понимает. Что у него в душе? Моя версия: ему стыдно ехать к Наполеону, объясняться, просить время на устройство таможенных барьеров.

Бонапарт, не дождавшись друга, форсирует Неман.

Но и переходя водную преграду, не помышляет о войне. В его планах провести битву, выиграть её, как всегда, после чего принудить Александра сесть за стол переговоров.

План хорош. Однако Барклай де Толли проявляет отменную прыть, уклоняясь от столкновения. Начинается знаменитое отступление, позже его назовут доктриной Барклая. Сформулировал её не Барклай, догадываюсь, а обстоятельство, нежелание быть битому.

Преследуя Барклая, Наполеон становится захватчиком, вернее — захватчиком поневоле.

Смена Барклая на Кутузова произошла не по воле народа, о чём писали в учебниках, а *по старшинству* — был такой обычай в русской армии: повышение по службе, очередной чин следовал тому, кто был старше летами. Император образовал специальную комиссию, которая должна была представить кандидатуру нового главнокомандующего. Рассматривались кандидатуры Тормасова, Беннингсена, Кутузова. Поскольку Кутузов был старше остальных, его кандидатуру представили царю. Александр, скрепя сердце, подписал.

Интересно, почему император без явного восторга отнёсся к назначению Кутузова? Не потому ли что за плечами Михаила Илларионовича не было значительных ратных побед? Да, воевал под началом Суворова, но этого недостаточно, ответственность Первого в любом деле несопоставима с ответственностью подчинённых ему людей.

Вершина Кутузова — Бородино.

Толстой создаёт образ: игра в шашки; партнёры производят замены, на этом партия заканчивается. Образ вроде бы работает, потери: у Кутузова 44 тысячи человек, у Наполеона — 58 тысяч.

Здесь есть тонкость: кто каким цветом играл. Наполеон — белыми. Он начинал.

Лермонтов: “Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий французы двинулись как тучи, и все на наш редут”.

Редуты, флеши — их возведено и вырыто сотни. 20 тысяч московских ополченцев занимались этой тяжёлой работой.

Исходные силы примерно равные: 132 тысячи штыков, 624 орудия — у Кутузова; 135 тысяч штыков, 587 орудий — у Наполеона.

Создавая образ игры в шашки, Толстой не учитывает одно очень важное обстоятельство, известное в наши дни любому курсанту военного училища, а также ему, Толстому, боевому офицеру, а именно: потери наступающей стороны, то есть французской, должны быть втрое, а то и вчетверо больше, чем у обороняющейся. При таком раскладе, при мудром руководстве Кутузова армия Наполеона должна пасть полностью или позорно отступить. На самом деле потери с обеих сторон примерно равные... В фильме Бондарчука “Война и мир” Кутузов, вдохновлённый тем, что к вечеру ещё не разбит, обещает кому-то из генералов, мол, на утро прикажет наступать. Неужели Бондарчук, мэтр, вместе с создаваемым образом спасителя отечества, не понимают, что надобно прежде получить сведения о потерях в личном составе, пополнить боезапас, решить много других оперативных задач, — после чего принимать решение о завтрашнем наступлении?

Искусство, помимо благих свойств, имеет ещё одно достоинство — одурачивать толпы зрителей и читателей.

Сведения о понесённых потерях охладили пыл Кутузова, а когда разведчики доложили, что Наполеон, по каким-то ему одному известным причинам, не ввёл в бой гвардию, — Михаил Илларионович приказал отступить, а позже сдал Москву. Сотни тысяч москвичей превратились в беженцев, одухотворённых победой под Бородино, — так писали и вещали историки в недалёком прошлом.

В Париже, в Доме Инвалидов, на могиле Наполеона установлена круглая стела, на мраморе выбиты названия 40 выигранных им сражений, среди них указано Московское, то есть битва при Бородино.

Наши историки полагают Бородинскую битву началом конца вторжения Наполеона. Армия французов якобы дрогнула, инициатива перешла к Кутузову, а значит, победу одержал он.

В мою задачу не входит разбираться во всех перипетиях битвы, определять победителя. Размышляя над противоположными мнениями, я понял вот что...

Истории мешает стать наукой патриотизм.

Тот самый слепой патриотизм, которым обладает Владимиров, обожающий мэтров.

Снимем шляпы и поблагодарим его за это.

Для подзарядки масс патриотизмом Бородинское сражение в полной мере использовалось в Великую Отечественную войну. Тарле написал книгу "Бородино", в которой рассказал о героизме наших пращуров и о полководческом таланте Кутузова. Для награждения высшего командного состава Сталин учредил орден Кутузова трёх степеней, а до войны Михаил Илларионович числился в учебниках всего лишь придворным прихвостнем.

Одна из битв Великой Отечественной в оценках историков имеет некоторое сходство с Бородинским сражением. Я имею в виду Курскую битву. В художественно-документальном фильме Озерова "Освобождение" показаны напряжение, нерв сражения, стойкость и героизм нашего солдата. В конце концов наступление гитлеровцев захлебнулось, они отступили, потеряв 500 тысяч солдат и офицеров. Голос за кадром сообщил: "Большие потери понесла и Красная Армия".

Какие потери, почему бы не указать?

Я стал искать в 6-томной хрущёвской "Истории Великой Отечественной войны" — не нашёл. В 12-томной брежневской — нет цифры. В энциклопедии "Великая Отечественная война" битва названа оборонительной, указаны полумиллионные потери противника, критикуются буржуазные историки, фальсифицирующие роль и значение Курской битвы, однако о наших потерях не сообщается.

Умолчание — одна из форм фальсификации.

И только в эпоху гласности потери Красной Армии под Курском стали известны — 900 тысяч человек.

Можно ли чувствовать себя победителем на поле брани, потеряв в обороне чуть ли не вдвое больше, чем наступающая сторона?

Усилия двух фронтов в Курской операции, напомним, координировал маршал Жуков, мэтр, любимый полководец Владимирова, награждённый многими высшими отличиями, но по какой-то случайности не удостоенный ордена Кутузова. А было бы в масть.

Я высказал некоторые свои соображения. Это не значит, что я не уважаю Толстого, императора Александра Павловича, Ростоцкого, Кутузова и кого-то ещё. Я размышляю над их произведениями, поступками, пытаюсь понять то, что от нас скрывали многие десятилетия. При чём здесь неуважение, которое в своих заметках В. В. назойливо пытается мне приписать? В одном из интервью Иосиф Бродский, которому Владимиров чохом посвятил целую главу, заметил (цитирую из заметок В. В.): "Самый большой враг человечества — не коммунизм, не социализм или капитализм, а вульгарность человеческого сердца, человеческого воображения".

Постигает ли Владимиров глубину переписываемых мыслей?

Нужно обладать вульгарным сердцем и ущербным воображением, чтобы увидеть то, чего нет.

Владимиров знает схемы, но не пытается вникнуть в подробности.

Классик назвал императора Николая I — Палкиным, я оспариваю справедливость этого прозвища. В. В. цитирует меня:

“Лев Толстой, назвавший императора Палкиным, вероятно, не знал, что при Николае Павловиче резко ослаблена рекрутская повинность: если вас до 20-летнего возраста не призвали в армию, вы можете жить и работать спокойно”.

Владимиров чуть ли не рвёт на голове волосы: “Форменная глупость, чепуха, реникса, да и только.

Толстой не знал.

А вот Гайворонский знает”.

Лев Николаевич много знал. Но не всё. К примеру, Пётр Андреевич Вяземский, успевший прочитать “Войну и мир”, пометил в дневнике: “Полное незнание личности императора Александра”.

То же самое с императором Николаем Павловичем.

Неудачно пошутив сквозь зубы о том, что Лев Николаевич не оканчивал Высшей партийной школы, критик приводит сведения из программы церковно-приходской: “Но всё же граф Толстой сам был помещиком. И не просто помещиком, а — яснополянским...”.

Должен как бывший учитель поправить критика: в царствование Николая Павловича Толстой не был помещиком. При этом императоре Лев Николаевич был новорождённым, ребёнком, мальчиком, отроком, юношей, молодым человеком, а стать помещиком не успел. В молодости он повесничал, слонялся по гостиним в Петербурге и Москве, волочился за девицами, поступил в университет, менял факультеты, бросил учёбу, определился в воинскую службу, в Ясную Поляну наведывался редко — при такой взбалмошной жизни ему глубоко наплевать было, что за решения принимало правительство по отношению к рекрутам. Поселившись в Ясной Поляне, он мог поинтересоваться уложением о рекрутском наборе, но уже *александровским*; *николаевский* отменён в связи с Крымской войной.

По моему разумению, Лев Николаевич, начавший писать, поступал правильно, не интересуясь управленческой рутинной. Сомнения в своём предназначении, неуверенность — несколько рукописей оставил неоконченными, — наконец повседневная жизнь, в разъездах, безалаберная, молодая — всё это намного интереснее и важнее знания какого-то уложения, однако Владимир, почему-то разъярясь не на шутку, пытается оборвать некогда добровольно надетый поводок: “Надо быть беспредельным в своём элементарном неведении самых очевидных фактов жизни Толстого (а заодно и Пушкина), чтобы вот так с дурным озорством, бесцеремонно и взбалмошно обходиться с *зеркалом русской революции*”.

У англичан есть поговорка: зачем лаять на луну? Зачем заносить себя в список толстовцев, коих, к слову, Лев Николаевич терпеть не мог? Толстой велик не тем, что всуе назван Лениным *зеркалом* чего-то хаотичного, нарушающего поступательное развитие, а велик романами и повестями, в которых раздвинул границы познания человеческого социума.

Ленин примаывается к Толстому — Владимир этого не понимает.

Печальна была бы участь Льва Николаевича, доживи он до Октября 1917 года. С политической шпаной, задумавшей переделать мир, ему было

бы не по пути, тем более писатель, шутит В. В., “вроде бы в РСДРП не состоял и с Ильичом Первым чаи не пивал на веранде своей усадьбы в Ясной Поляне”. Вот потому-то усадьбу у Толстого реквизируют бы в пользу народа, именем которого спекулировала партийная нечисть и голодранцы всех мастей.

6

Владимиров признаётся, что рисунки на обложке моей книги, авторское четверостишие вызвали в его памяти “светлый ленинградский день 30 июня 1977 года, когда учёные хранители бесценных сокровищ Пушкинского Дома достали из особого несгораемого сейфа большую Чёрную (сиречь: черновую) Тетрадь, испещрённую крылатым почерком Поэта, усеянную его дивными рисунками и в 20-м веке извлекаемую на свет Божий не чаще одного раза в десятилетие.

В благоговейном трепете посмотрели мы друг на друга. Академик Мухамеджан Кожаспаевич Каратаев на Олжаса Сулейменова. Олжас Омарович — на меня. Я — на Саина Муратбекова. Тот — на Марфугу Айтхожину. Марфуга — на Абилямжину Жумабаева. Константина Константиновича Гайворонского тогда среди нас не было”.

Верно, меня не было.

Если бы довелось быть среди участников Дней литературы Казахстана в Ленинграде, я посоветовал бы В. В. смотреть на *дивные* рисунки и *крылатый* почерк Пушкина, а не на Саина Муратбекова, на которого критик может вдоволь насмотреться и в Алма-Ате.

Принц Чарльз, сопровождаемый свитой при посещении Пушкинского Дома, не вглядывался в лица своих земляков, всё внимание — на рабочие тетради Пушкина; оценив увиденное, сказал, что драгоценные рукописи надобно факсимильно издать, и издал в Англии, часть тиража прислана в Россию.

Вспомнив блаженной памяти день 30 июня 1977 года, Владимир укоряет меня в том, что я самостоятельно не добыл и не ввёл в научно-публицистический оборот ни одного факта из сокровищниц Пушкинского Дома или иных казахстанских, российских, чешских, французских, североамериканских или каких-либо иных архивов и фондов.

Прав критик, не ввёл. Честно говоря, и не пытался.

Упрекая меня в лености и компилятивности, Владимир, как некогда с Дубицким и Гертом, более сообщает не обо мне, а о себе. Его укор — прямое свидетельство того, что он специально не занимался пушкинской темой, иначе был бы осведомлён, что все документы, свидетельства, записи — опубликованы, и не единожды. Недавно в России издана Пушкиниана в семи томах.

Это обстоятельство не должно нас смущать.

Анна Андреевна Ахматова в “Неопубликованных записках” толкует об интуитивном методе исследования пушкинской темы, переключаясь с Гегелем, который говорил: если отсутствуют факты, тем хуже для них.

Интуитивный метод исследования предполагает вглядываться в известные документы глазами не мэтров, а собственными. Чему я и стремился следовать. Мэтры были скованы идеологической схемой, я пренебрегал ею, опирался на известные источники и на свой жизненный опыт.

Моделируя ситуации, пытался вникнуть в логику происходящего и выдвинуть ту или иную версию. Моё несогласие с мнением того или иного мэтра не означает, что я его не уважаю. Тон моего повествования уловил и выразил во вступительном слове ко второму изданию “Сциллы и Харибды” профессор Берик Магисович Джилкибаев: “Критические замечания в адрес кое-кого из пушкиноведов — не злобные нападки, а очень вежливые слова, содержащие несогласие и приглашение к спору”.

В своих заметках Владимиров недвусмысленно дал понять: к спору он не готов. Критик велеречив, демагогичен, криклив, но не аналитичен. В. В. не в состоянии выдержать ровный тон, отсутствие аргументов заставляет захлёбываться, забалтываться о чём-то несущественном, не относящемся к предмету разговора — к примеру, о родителях Бродского, о солдатах Муссолини на просторах нашей родины, об издании русской классики в годы войны, о пьяном шофёре, который влез на пьедестал памятника Пушкину и хотел обнять статую. Всё это пересыпается именами известных людей, с которыми В. В. якобы на короткой ноге.

Иногда критик, разгорячённый текстом, спохватывается, прерывает не относящийся к теме разговора словесный поток: “Ладно, скажет мне друг-читатель, не заговаривай зубы”.

Друг-читатель молодец. Хватит нести околёсицу! Давайте ближе к теме.

“Всласть отоспался К. Г. и на творце книг “Портреты заговорили” (1980), “Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин” (1984) Николае Алексеевиче Раевском”, — пишет В. В. и тут же уведомляет *друга-читателя*: “Вместе с академиками Александром Николаевичем Сызгановым и Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым и я в своё время сумел сделать всё от меня возможное (и невозможное) для издания книг Раевского в Казахстане, для создания ему человечески полноценных условий для жизни и творчества, а после его кончины для увековечения благородной памяти о нём”.

Приятно слышать. У меня раньше не было повода, теперь могу вполне ответственно заявить, не оглядываясь на мэтров: Владимиров — луч света в тёмном царстве. Без него академики Сызганов и Кунаев вряд ли смогли бы создать Раевскому условия для жизни и творчества. Старикам не по силам было преодолеть *невозможное*.

Открыв книгу Раевского, изданную якобы стараниями В. В., не без посредничества академиков, я прочитал в ней утверждение автора о том, что Пушкин не любил императора Николая Павловича.

Меня, помню, этот посыл озадачил.

Человек, собирающий материал к будущей книге “Друг Пушкина...”, прежде всего ознакомится с письмами поэта к Нащокину, проживающему в Москве, со свидетельствами Нащокина, записанными Бартевым.

И в письмах Пушкина, и в надиктованных Нащокиным строках — картина противоположная, не соответствующая начертанной Раевским. “Пушкин очень любил царя и всё его семейство”, — говорит Павел Воинович. А вот из писем поэта другу:

“Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики”.

“Дай Бог здоровья царю”.

Поскольку я, по выражению В. В., *отоспался* на Раевском, критик должен опровергнуть мои доводы. Для этого надо доказать, что я неверно

понимаю высказывания друзей, ошибочно интерпретирую их оценки или что-то утаиваю... Положение у В. В. не из лёгких. Но он, воспитанный на нравах литературы социалистического реализма, справляется с задачей. Подробно описав свои титанические хлопоты по созданию Раевского Человеческих условий, Владимиров напоминает мне, что “яйца курицу не учат”.

Ту же методику В. В. использует, защищая “литературоведа-пушкиниста с мировым именем” Б. С. Мейлаха, удостоенного Сталинской премии за монографию “Ленин и проблемы русской литературы конца 19 — начала 20 вв”.

Мэтра я уличил в заведомо неверном толковании дневниковой записи Александра Сергеевича. Заканчивая одну из частей своей книги “Декбристы и Пушкин”, Мейлах пишет: “Шли годы, и Пушкин, ранее сопоставлявший в качестве примера Николая с Петром I, со сдержанным презрением записал в дневнике 21 мая 1834 г. об облике царя: “В нём много от прапорщика и немного от Петра Великого”.

Ложь о сдержанном презрении — запись торопливая, информативная, — а ключевая фраза приведена не полностью.

Пушкин записал по-французски: “Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским... Кто-то сказал о государе: “В нём много от прапорщика и немного от Петра Великого!”.

Кто-то сказал — этими словами “литературовед-пушкинист с мировым именем” пренебрёг. Мейлах убирает их в угоду концепции, согласно которой отношения между царём и поэтом были враждебные. Я выступаю против этой ложной концепции. Владимирову моя позиция не по душе, она расходится с его знаниями, полученными в средней школе. Ну что же, это нормально. Жду возражений. Они у В. В. должны быть под рукой, ибо он не единожды утверждает, что мои версии растиражированы “в десятках, а то и сотнях” монографий. Чего проще, приведи выдержки из двух-трёх книг, тем более, журнальной площади тебе отмерено щедрой рукой. Нет, ни единого контрдовода Владимиров не приводит, вместо этого, щегольнув словом *латентный*, подцепив к Мейлаху, как к паровозу, имя доктора искусствоведения Парамонова, поясняет *другу-читателю*, что Парамонов является креатурой радио “Свобода”, а не *примитивно-дубового* (оценка В. В.) “Голоса Америки”.

Латентно, если не хуже, полемизирует Владимиров.

“До глубоко компетентного публикатора живых разысканий и материалов о предке Пушкина Абраме Петровиче Ганнибале, рабочих тетрадях Поэта и его “упущенных черновиках” — Ильи Львовича Фейнберга с его книгой “Незавершённые работы Пушкина” наш автор (то есть я. — **К. Г.**) тоже дотянулся, но почему-то ослабил (заменял) свой удар необычайно вялым, канцелярски-анемичным пассажем о том, что утверждение Фейнберга будто царь “запретил печатать “Историю Петра”, не соответствует действительности”.

Фейнберг компетентный, чего не скажешь о Владимирове; будь он компетентным, знал бы, что император после смерти Пушкина предложил Вяземскому завершить “Историю Петра”, но Пётр Андреевич отказался, сославшись на занятость; тогда Жуковский издал неоконченный труд Александра Сергеевича, однако книга не разошлась, как ранее “История Пугачёва”: Муза благоволила к Пушкину больше, чем Клио.

Вот и весь канцелярски-анемичный пассаж. Если у В. В. есть возражения по существу, с интересом выслушаю. Но ничего путного критик не пишет, поскольку не имеет надлежащей подготовки.

От Фейнберга — к Цявловской, которая, комментируя рисунок Пушкина с изображением его лицейского друга Большого Жанно (Пущина) на допросе, пишет: “Пушин выгораживает Пушкина”. В 30-е годы 20-го столетия, когда в стране широко отмечалось 100-летие гибели поэта, стараниями литературоведов Александра Сергеевича вербовали в декабристы. К неудовольствию исследователей, Пушкин не хотел пополнять список мятежников. Вместе с другими учёными Цявловская тянула концепцию, согласно которой поэт разделял убеждения инсургентов. Под её пером Большой Жанно *выгораживает* друга. Я замечаю, что *выгораживать* можно того, кто причастен к какому-то деянию. Пушкин не причастен, поэтому глагол *выгораживать* употреблён исследовательницей не к месту. Ничего обидного в моём замечании нет.

В попытке возразить Владимиров, не располагая фактическим материалом, заменяет доказательства гаёвской иронией.

“Так и слышится за Гайворонского:

— Ваш табель, Татьяна Григорьевна! Встаньте в угол!

Но сам-то К. Г. (я в том уверен) ни полного имени, ни полного отчества её не знает, как не ведаёт он того, что после его книги читать труды Цявловской и всех остальных *проззекученных* им пушкинистов — чудесное удовольствие”.

Поставить в угол... А что, я могу, только не Цявловскую, а Владимирову — за то, что из его фраз торчат неряшливые уши.

Не зная ни полного имени, ни полного отчества Цявловской, я в своей прямой речи у В. В. называю её Татьяной Григорьевной. Алогизм!

В бредовой сцене, придуманной раздражённым рассудком критика, я не мог сказать: “Встаньте в угол!”. Я выразился бы грамотно: “Станьте в угол!”. А если бы Владимиров сидел за партой, я произнёс бы: “Встаньте!”. После чего объяснил бы ему, что *чудесное удовольствие*, которое он испытывает за чтением пушкинистов, — тавтология.

В общем, и в случае с Цявловской В. В. ничего вразумительного — по поводу моего замечания о смысле глагола *выгораживать* — произнести не смог, как и против моей полемики с Гиллельсоном, названным моим донором.

Имей таких духовных доноров, я никогда не написал бы своих книжек.

Совсем распоясавшись, “он (то есть я. — **К. Г.**) сильным апперкотом посылает своего благодетеля в нокдаун — только за то, что тот в своём исследовании “Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 года” (1978) посмел (вот так фрукт!) князя Вяземского причислить к особам, лишённым обострённого исторического чутья”.

А вот Гиллельсон не лишён такового!

1978 год. В стране идеологическая вакханалия. Диссидентов судят в закрытых судах. В Москве создана нелегальная профсоюзная организация “Свободное объединение трудящихся”. В республиках, краях и областях введена нормированная система потребления продуктов. Кинотеатры пустуют, герои фильмов заняты исключительно выполнением планов. За публикацию рукописи на Западе — тюрьма. Готовится к изданию

подпольный альманах “Метрополь”. Лишены советского гражданства Вишневская и Ростропович. В советской печати правдивы только опечатки.

На этом фоне Гиллельсон критикует литературную политику царизма и подписанный императором Николаем Павловичем Цензурный устав 1828 года. Литературоведу по душе наше, советское Лито, в самом названии которого сконцентрирована ложь.

Владимиров представляет Гиллельсона как крупного знатока цензуры. Что ж, есть повод её помянуть...

При советском политическом режиме так закрутили гайки, что каждый пишущий невольно стал цензором своих произведений. Об установившемся мракобесии успел в годы хрущёвской оттепели печатно выразиться Александр Трифонович Твардовский в поэме “За далью даль”, в разговоре автора с редактором.

— Стой, погоди, — сказал я строго,
Хоть самого кидало в дрожь. —
Стой, погоди, ты слишком много,
Редактор, на себя берёшь.

И голос вкрадчиво снижая,
Он отвечает:
— Не беру.
Отнюдь. Я всё препоручаю
Тебе и твоему перу.
Мне самому-то нет расчёту
Корпеть, черкать, судьбу кляня.
Понятно? всю мою работу
Ты исполняешь за меня.

Пишущие заранее знали, кроме дилетантов, что приемлемо для печати, что нет.

Творческий разврат взращивался и поощрялся властью.

Поскольку Гиллельсон не лишён политического чутья, в отличие от князя Вяземского, то он должен понимать, что Цензурный устав 1828 года, встреченный петербургскими литераторами, в том числе и Пушкиным, на ура, не в пример либеральнее советских цензурных уложений с бесконечными списками табу и имён, упоминать которые строго запрещалось. Мог ли Гиллельсон представить, что государственный преступник Синявский — после освобождения из тюрьмы — напечатает свою статью в каком-либо журнале? А государственный преступник Бестужев-Марлинский, демонстративно точивший 14 декабря 1825 года саблю о постамент памятника Петру I, — свободно печатался в Москве и Петербурге.

Цензурный устав 1828 года способствовал созданию литературного климата, взрастившего великую русскую литературу 19-го века — это надлежит уразуметь Гиллельсону и Владимирову.

Что касается советской цензуры... кроме досады и анекдотов о себе, она ничего не породила. “Мой дядя — самых честных правил, работая в Лито”.

Большие надежды возлагает В. В. на С. Абрамович, сотрудницу Пушкинского Дома, которая, в отличие от Раевского, сможет (сам В. В. не смог) опровергнуть замечания хронического университетского троечника, то

есть меня. Но и сомнение высказывает: “Сердобольная Стелла Лазаревна, вероятно, тоже рассудит примерно так: ну что взять с автора, разделавшегося с ней за якобы неточный абзац в её книге “Пушкин в 1836 году”.

Почему неточный? Вот он, речь о вспомоществовании семье Александра Сергеевича после его гибели: “Николай I проявил поистине царскую щедрость. Он знал, что этот великодушный жест войдёт в историю. Действительно, известие о “милостях” (именно так, в кавычках. — **К. Г.**) царя, оказанных вдове и детям покойного поэта, сразу же распространилось по всей России и получило общественный резонанс”.

По Абрамович, стало быть, выходит, что Николаю Павловичу не следовало проявлять царскую заботу о семье Александра Сергеевича, чтобы, значит, никакого резонанса не было.

Какая чёрствость души, какая этическая неряшливость!

Советские литературоведы напоминают мне стаю гончих, спущенных с цепи партийной идеологии на зверя в обличье императора Николая Павловича. Десятилетия длилась травля. Один из последних укусов — на излёте советской власти, в 1989 году — принадлежит Абрамович, милой сердцу Владимирова этически и этнически, к тому же Стелла Лазаревна петербургжанка, а к людям *не из нашего района* В. В. относится с особым пиететом — это свойство периферийного сознания.

Стая выла оголтело, и не нашлось ни единого человечка вымолвить слово поперёк, в защиту мёртвого льва.

Замордовали и проклинали.

7

Моё поколение помнит, как в нашем обществе относились к живым людям. К мёртвым так же. Окаменевшее общественное сознание равнодушно судило неординарные личности с позиций партийности, не оставляя места в протоколе — для сомнений. Не суд вершили советские историки, а судилище. Мало того, что мы обесцветили, опреснили, обеспридавили жизнь — идеология протянула свои щупальцы в прошлое, удавив историческую мысль. Будущего ещё нет, но щупальцы, мнится мне, уже там. Они ждут пришествия грядущего, чтобы скрутить его со всею своею нечистою силой — и это произойдёт, если силам, к коим принадлежит Владимиров, удастся реставрировать опрокинутый режим, при котором заранее определялось, что о ком следовало говорить.

Личность императора Николая Павловича до сих пор не понята.

Сто с лишним лет назад философ Вл. Соловьёв, в силу большого ума и порядочности не писавший конъюнктурных статей, изрёк: “В императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания. Не перед одною же внешнею силой преклонялся гений Пушкина и не одна грандиозность привязала к государю сердце поэта!.. Лучшая сторона характера и образа мыслей императора Николая I, хорошо знакомая в кругах, близких к престолу, скрывалась и доселе скрывается для подавляющего большинства за подавляющим обликом державного великана”.

Попутно: Владимир Сергеевич Соловьёв по материнской линии — внук декабриста.

Присовокуплю к сказанному... Мы знаем некоторых царей по прозвищам, они выше любых титулов, ибо даны народом: Иван — Грозный, Алексей — Тишайший, Пётр — Великий, Екатерина — Великая, Александр — Благословенный. В этом ряду Николай должен был называться — Святой. Прозвище не прижилось в связи с упорными слухами о самоубийстве императора, которое якобы произошло по причине крупных неудач в Крымской войне. Самоубийц церковь не жалует.

При Николае Павловиче Россия успешно развивалась. Был крепкий рубль, конвертируемый, курс колебался от 400 до 430 копеек, за него никто не посмел бы дать в морду, как позже выразится Салтыков-Щедрин, страна выиграла три военные кампании, международный авторитет её был высок, слово императора имело общеевропейский резонанс, без его воли строительство железных дорог не осуществилось бы.

В общем, Вл. Соловьёв знал, о чём писал. Голос его мы слышали.

Теперь вслушаемся в ёрнический голосок Владимирова: “Поверим в гигантский и милосердный умище императора Николая Первого”. Иными словами: не верю, ха-ха!

Образ Николая Павловича у Владимирова сформирован учебником “История СССР” для 4-го класса, на его страницах повествовалось от древлян до построения социализма в нашей стране. Хороший учебник: мой знакомый пользовался им, готовясь к сдаче кандидатского минимума.

На этот источник В. В. сослаться неловко, поэтому он опирается на известного некогда культуролога Г. Волкова, на его “Книгу о Пушкине”, вышедшую в издательстве “Детская литература” в 1980 году. Заглядывая в книгу, Владимиров пишет: “Николай приказал артиллерии бить по мятежникам и по безоружной толпе петербургских зевак в упор и — только картечью. В два залпа пушек замертво легло сразу более 1000 человек. Но совестью на сей могильный счёт хладнокровно скомадовавший (тогда ещё не коронованный) царь потом никогда не мучился”.

Вдумаемся в сообщаемое *брату-читателю*.

Текст пестрит псевдоподробностями, создающими впечатление об осведомлённости В. В.

Приказал артиллерии бить по безоружным в упор. — А как ещё бьют в уличных боях? Навесом, что ли? Кроме того, бунтовщики были вооружены — это известно.

Только картечью. — А чем ещё, солью, ядрами?

Владимиров не осведомлён, или скрывает, что первыми применили оружие мятежники, открыв стрельбу по конногвардейцам. Были убитые и раненые. После чего к инсургентам, названным лет эдак через тридцать декабристами, был послан последний, пятый парламентёр.

В два залпа пушек (по-русски: после двух залпов. — К. Г.) замертво легло сразу более 1000 человек. — В. В. обладает военной косточкой, учился в молодости в лётном училище, — пусть подумает своим ГПУ, могут ли три пушки, названные критиком *артиллерией*, двумя залпами поразить более 1000 человек? С подобной боевой задачей и батарея мощных эрэсов не справится. Современная “Историческая энциклопедия России” даёт цифру жертв — 82. К слову, никто из организаторов мятежа не пострадал.

Но совестью скомадовавший (тогда ещё не коронованный) царь потом никогда не мучился. — Верно, ещё не коронованный, ведь ему при-
сгнули генералитет и Госсовет несколько часов назад. Какая может быть

коронация? Но зачем нужна эта подробность? Для создания флёра достоверности, вот для чего! Это та самая лапша, которую вешают на уши доверчивым и наивным людям.

Что касается совести... Мучился, не мучился? Этого нам знать не дано, даже культурологу Волкову, на которого Владимиров ссылается, заглядывая в его текст под детгизовской обложкой, забывая при этом предостережение Маяковского, сформулированное по-маяковски прямо и лапидарно: "Мало ли что в книжке можно намолотить!".

В случае с Николаем Павловичем вновь наблюдается эффект бумеранга: В. В. хотел ослабить царя, а охарактеризовал себя. На мелкой воде он стремится показать свою глубокую компетентность, не понимая, что смысл её не в демонстрации своих знаний, а в умении обнаружить собственное незнание.

Вот он упрекает императора в том, что в одном из писем тот назвал Пушкина *пресловутым*, вслед за Раевским, который пометил: "Царь употребил весьма пренебрежительное выражение".

Упрёк Владимирова, освящённый именем Раевского, — несостоятелен.

Этимология слова *пресловутый* имеет корни в *слыву*, *слыть*. Даль, современник Николая Павловича, даёт такое толкование: пресловутый, известный, знаменитый. Только в 20-м веке у слова появилось второе значение, с оттенком неодобрительности: нашумевший, вызывающий много толков.

Это опровержение инвектив Раевского и Владимирова в книгах литературоведов не встречается, ибо не укладывается в проторённую ложную колею недружеских отношений между поэтом и царём.

Ещё одна атака критика: "Не Господа Бога, а конкретно — царя и Бенкендорфа обвинил в смерти Поэта не только Лермонтов, но и Жуковский в своём к ним обращении, что по праву стало его (Жуковского) гражданским подвигом".

Полная дезинформация.

Жуковский царю не писал. Зачем ему писать, если он ежедневно видится с императором, у Василия Андреевича квартира в Зимнем дворце. Письмо к Бенкендорфу учтиво, в нём выражена досада на ту назойливость, с которой 3-е Отделение опекало поэта. Досада трансформируется в упрёки. Вряд ли письмо можно назвать гражданским подвигом, ибо автор и адресат — люди одного круга, оба приближены государем, чем-то навредить статскому генералу Жуковскому Александр Христофорович не в состоянии.

А вот как *обвинял* царя Жуковский в своём письме: "Пушкин — потеря для целой России; он погиб в цвете жизни, имел гений, каких не много и какие рождаются редко. Этот гений только что пришёл в силу; благодаря государю, которого доверенность, отеческие заботы и милости подняли душу его из-под гнёта судьбы, им самим на себя навлечённой, примирили с прошедшим, и, наконец, привели бы в порядок и душу его и жизнь, он произвёл бы со временем много истинно превосходного и сделался бы славною принадлежностью славного времени своего царя и благодетеля".

Судя по всему, Владимиров письма Жуковского не читал.

Что касается Лермонтова...

В его эпистолярном, поэтическом, прозаическом, драматургическом наследии император упоминается дважды. Бабушке Михаил Юрьевич

сообщает, что “скоро государь, говорят, переезжает в Царское Село”, а в трагедии “Люди и страсти” персонаж Заруцкий восклицает: “О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества — но где тебе знать? — один Бог всемогущ!..”.

У Владимирова стихотворение “На смерть поэта” ассоциируется с именем Николая Павловича — школьное представление. В “лучшем стихотворении литературы”, как назвал его Горький, ни слова об императоре. В нём — о жадной толпе, стоящей у трона, но не о том — кому трон принадлежит. Это очевидно. Прочитав стихи, царь сказал Бенкендорфу: “Этот, пожалуй, по таланту сравняется с Пушкиным”. Бенкендорф, позже хлопотавший о возвращении Лермонтова в гвардию, согласился с Его величеством, хотя мог высказать и противоположное мнение, ничего зазорного в этом не было — “я, господа, люблю правду” — это Николай Павлович на заседании Госсовета.

Итак, В. В. вновь передёрнул. В запасе у него последний козырь...

“Если верить Вяземскому, Николай Первый выразился (узнав о гибели Лермонтова. — **К. Г.**) кратко: — Собаке — собачья смерть”.

Фраза из учебника литературы для 8-го класса полувековой давности.

Вяземский, в отличие от Пушкина, аккуратно вёл дневник, в коем фиксировал увиденное и услышанное, особое внимание уделял обитателям Зимнего дворца и в первую очередь императорам Александру и Николаю, с которыми был знаком лично и имел возможность общаться. Услышав характеристику скандально известному поэту из уст монарха, Пётр Андреевич непременно зафиксировал бы её на своих скрижалях, однако почему-то воздержался. Мне представляется, это основной аргумент, который позволил коллективу авторов “Лермонтовской энциклопедии”, изданной в 1981 году под редакцией Пушкинского Дома, сделать вывод о том, что версия “не может считаться достоверной”. Учтывалась и глубокая набожность, исповедовавший православие Николай Павлович не мог так грубо, не по-христиански выразиться о *новопреставленном*.

Основной промысел Владимирова — показать свою осведомлённость. Для этого он нагнетает побочные детали, пользуясь *потолочным* методом. Несколько примеров...

У критика Рылеев возглавляет Российско-Американскую компанию. — Грубая ошибка! Кондратий Фёдорович заведовал канцелярией. Разница примерно такая же, как между первым секретарём ЦК и помощником первого секретаря ЦК.

По воле пера В. В. император пьёт шампанское с Рылеевым и Пестелем. — Взято с потолка. Из мемуаров известно, Николай Павлович выпил по бокалу шампанского с Каховским и Николаем Бестужевым. Содержание Рылеева он взял “на свой щёт”, обедал Кондратий Фёдорович с вином.

Имея в виду царя, Владимиров пишет: “Он не поглянет на то, что с самого четвертования Пугачёва (Екатерина отменила четвертование. — **К. Г.**) смертной казни в России не было полвека”. — Вновь неточность! А Минович? Куда он делся?

У Владимирова Горький говорит об Андрееве: “Он пугает, а — не страшно”. — На самом деле эти слова произносит Толстой, беседуя с Горьким о творчестве Андреева.

В общем, филологию Владимиров превращает в филоложество (патент Маяковского).

Соединяя слова из моего текста, В. В. на два пункта увеличивает кегль нужных ему литер — в итоге появляются неблагозвучные лексические образования — *попа, попы*.

Что это, если не мелкое литературное хулиганство?!

У любого классика, у любого безукоризненного стилиста употребляется, к примеру, словосочетание *не было*. Пользуясь фомкой Владимирова, я соединяю частицу с глаголом, оставляю букву “н” строчной, а остальные буквы приподнимаю и набираю жирной гарнитурой, после чего повладимировски, как туземец, прыгаю в восторге у стола...

Практическую стилистику, изучаемую в университетах на первом курсе, В. В. использует не во благо, а во вред себе. Читая его лексические несуразицы, вспоминаешь *кого-то*, которого заставили что-то делать, а он лоб расшиб.

Что из этого следует?

Следует жить и не придавать значения словесной шелухе.

Хотя и она бесполезна.

Словесная шелуха, источаемая В. В., свидетельствует об уровне культуры критика и издания, которое его печатает.

8

В своих заметках Владимиров толкует о патриотизме — ну, это понятно, патриотизм — продукт ГПУ.

Чацкий у Грибоедова испытывал горе от ума.

В. В., испытывая горе от ГПУ, желает записаться в патриоты, но сделать это непросто: очередь велика.

Проявить лояльность всегда полезно, при любом режиме. В наше время патриотизм и лояльность суть одно. Озвучивая патриотические спичи, проворные люди делают карьеру, избираются в представительные органы власти, издают книги. В прозорливости им не откажешь.

У нас не вчера повелось: для того чтобы проявить ум, надо сказать что-нибудь о патриотизме.

Помню, профессор — он из *огорода* Владимирова, — скорбно вздыхал:

— Слышали вы, чтобы наша молодёжь пела патриотические песни?

— Не доводилось.

— Во-во! Я проверяю своё наблюдение, и все отвечают одно и то же.

Прав профессор. Странная у нас молодёжь. Танцует на дискотеках, выпивает... А почему бы не собраться, не спеть хором, как это делали персонажи Михаила Афанасьевича Булгакова в “Собачем сердце”?

Признаюсь, у меня тоже шевельнулось желание записаться в патриоты, но я проявил слабость, выразилась она в сомнениях, навешанных высказываниями кучки людей.

Один из них — Руссо. Этот тип своей родиной считал природу.

Следующий — Вольтер. В рассуждениях о патриотизме у него ощущается насмешка, скепсис. Принципиально не восхваляет могущество Франции. Этого чудака интересуют исключительно достижения в искусстве, литературе, философии. В провозглашении героиней Жанны д’Арк видит доказательство невероятной глупости своего народа.

Это — французы. А что немцы?

Лессинг, теоретик искусства, в одном из писем заявляет, мол, без патриотизма легко можно обойтись.

Фейхтвангер, досконально изучивший творчество Гёте, резюмировал: он, Гёте, “недоступен для всякой патриотической страстности”.

Теперь оборотимся к северному соседу.

Пушкин, пренебрегая рифмой, рубит в лоб: “Я презираю своё отечество”.

Чернышевский: “Нация рабов, сверху донизу — все рабы”.

Толстой считал патриотизм добровольным рабством.

Вернёмся восвояси.

Абай, совесть нации... Тщетно мы будем искать у него славословия страны, где он вырос, возмужал. Обычаи земляков, их нравы стали материалом для умозаключений мыслителя, в них ощущается более укора, чем восхищения — этим они и ценны: бездумно хвалить гораздо легче, с подобной задачей справится любой литературный карлик.

Подытожим. Эта кучка людей — от Руссо до Абая — словно сговорилась. В сущности, пишут об одном. В чём дело? Вероятно, в зрении и уме. Вот что интересно: пройдут десятилетия, и учителя, профессора назовут перечисленных ярых антипатриотов истинными патриотами, и мы безоговорочно признаем эту загадочную метаморфозу.

Мы дальнорюки, но близоруки.

Владимирову надо бы уяснить — в его-то возрасте! — что понятие *патриотизм* выдуманно неглупыми идеологами для поддержания устоев государства. Они ловко тасуют карты, отождествляя родину с государством. Людям, зажатым обстоятельствами, погружённым в заботы о куске хлеба, недосуг разбираться в лексических тонкостях, поэтому они принимают за аксиому пропагандистские призывы. У них один выбор: или быть патриотами, или стать отщепенцами. Патриотическая верхушка получает всё, отщепенцы — изгой общества. Иными словами, партийный подход к оценке человеческой личности сохраняется в том же виде, что и в пору советской власти, только фиксируется он не партбилетом, а общественным мнением, которым манипулируют акимы всех уровней.

Любовь к родине, к отчему краю рождается вместе с нами, и никакими щипцами не вытянуть её из наших душ.

Патриотизм воспитывается, насаждается, о нём назойливо напоминают в детсады, в школе, в армии, на работе — тем не менее он хрупок, неустойчив, ибо надуман, обязателен, казармен, ущербен своей расчётливостью. Ох, как обрабатывала пропаганда наших дедов, отцов, нас, назидательно рекомендуя быть патриотами Страны Советов — великой, непобедимой, несущей свет всем народам мира. И в известном смысле мы были патриотами, конформизм свойствен людям. Но куда в одночасье он делся, наш патриотизм? И почему мы полагаем, что нынешний патриотизм устойчивее прежнего?

Не задумываясь об очевидном, Владимирова, как и положено патриотическому деятелю, высказывает озабоченность: “В наступивший век всеобщей активной глобализации очень важно, чтобы бесценные материки патриотической культуры не превратились бы в её жалкие островки”.

Фраза из многочисленных телевизионных толковищ.

Она для меня общее место, как выражался Тургенев о чём-то известном и затасканном, если бы не владимировский термин — *патриотическая культура*.

Что сие значит?

Патриотическая — это нечто усечённое.

Культура — океан, патриотическая культура — залив.

Ещё одно сравнение: *паткульт* — вроде ширмы, загораживающей от нас остальной мир, она мешает нам адекватно оценивать себя, а также происходящие и минувшие события. Доказательством, в частности, тому — эхо дуэльных выстрелов Пушкина и Дантеса.

Наиболее авторитетным исследованием дуэльной истории Александра Сергеевича остаётся фундаментальный труд П. Щёголева “Дуэль и смерть Пушкина”. Книга выходила трижды, последнее издание — в 1987 году, к 150-летию со дня гибели поэта. В ней собраны и прокомментированы многочисленные документы — письма, дневники, свидетельства современников, официальные бумаги, освещающие различные аспекты дуэльной истории, начиная от событий, предшествовавших трагедии, и кончая происходившими уже после смерти Пушкина.

Большинство материалов приводится полностью, публикуются даже варианты, в частности письма Жуковского Бенкендорфу, а вот эпистола императора к брату — Великому князю Михаилу Павловичу представлена в усечённом виде. Щёголев исключил следующие фрагменты:

“Пушкин себя вёл, как каждый бы на его месте сделал; а хоть никто не мог обвинить жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса и в особенности гнусного его отца Гекерена”.

Николай Павлович продолжает: “Это происшествие возбудило тьму толков, наибольшей частью самых глупых, из коих одно порицание поведения Гекерна справедливо и заслуженно: он точно повёл себя как гнусная каналья”.

Заканчивает письмо император так: “Дантес под судом, равно как Данзас; и кончится по законам; и кажется, что каналья Гекерн отсюда выбудет”.

Опущенные строки из письма не вписываются в затверженную патриотическими умами концепцию о неприязненном отношении царя к Пушкину — поэтому они спрятаны Щёголевым и редакторами книги, над которыми висела тяжёлая длань идеологии, одной из составляющих которой является патриотическая культура.

Из учебников, лекций, монографий мы знаем, что Дантеса выслали из России, надев на него солдатскую шинель. О том, что было до этого, не каждый *брат-читатель* Владимирова осведомлён.

Был суд, учреждённый при лейб-гвардии Кавалергардском полку, сентенцию коего Щёголев тоже спрятал. Комиссия Военного суда “приговорила подсудимого поручика Гекерна за таковое преступное действие по силе 139 артикула воинского Сухопутного устава и других под выпискою подведённых законов *повесить*”.

Приговор, томительные часы ожидания, проведённые Дантесом на гауптвахте — могли ведь действительно вздёрнуть! — обрушивают устоявшиеся мнения о том, что придворная знать, гвардия травили поэта, преследовали, проявляли высокомерие и т. д. Конечно, были и поддерживающие Дантеса — в Петербурге около полумиллиона жителей, болтунов пруд

пруды, тем более дело не политическое, так что города, губерния, что пожелаешь, но официальное мнение, то есть императора, проступает в приговоре суда явственно.

Владимиров радостно сообщает, что из меня “второго Щёголева, увы, не вышло”.

Я и не стремился. Нужно быть круглым истуканом, чтобы собирать уже собранное. Павел Елисеевич собирал, наш удел — осмысливать. Умудрённые его опытом, мы не должны прятать неудобные для *паткульта* подробности настоящего и бывшего, к чему косвенно призывает Владимиров, выступая апологетом патриотической культуры.

Много или мало таких, как Владимиров? Думаю, не много, но и немало.

Вот чему я был недавно свидетелем благодаря телевидению.

В Москве живёт прапраправнук Пушкина Юрий Владимирович Геринг, работает электросварщиком. К нему из Франции приехал барон Дантес, праправнук того самого, бизнесмен, человек состоятельный. Встретились они в Елоховской церкви, где Пушкина крестили (автор сюжета сказал: отпевали). Под камерами барон подошёл к Герингу, поздоровался, спросил, протянет ли ему, потомку Дантеса, руку потомок великого поэта? После почти незаметной паузы Геринг ответил: да.

Рукопожатие.

Далее события развивались следующим образом...

Потомки поехали в Музей Пушкина, осмотрели экспозицию, гость раскрыл плоский чемодан, я успел увидеть два пистолета, барон сказал Герингу, что это те самые... Кто-то спросил, из какого стрелял Дантес. Француз ответил, что он не знает, можно только гадать.

Геринг пригласил гостя на встречу с литературоведами в Клуб друзей Пушкина.

Камера не показала помещение, в котором собрались друзья Александра Сергеевича и его прапраправнука Юрия Владимировича, не показала собравшихся, она скользнула по захлопнувшейся двери, по смущённому лицу Геринга, который, выйдя в коридор, сбивчиво объяснил француз, что друзья Пушкина не желают видеть потомка убийцы.

В одночасье званный гость стал незванным.

Между прочим, я забыл упомянуть: барон Дантес — поэт, у него есть стихотворение о дуэли своего пращура, на свои средства он содержит во Франции музей Пушкина и по части пропаганды творчества Александра Сергеевича делает едва ли меньше, чем члены Клуба во всей их целокупности.

Взгляд мой ловит недоумение на лице француза.

— Понимаю, — произносит он. Кто-то за кадром переводит.

Я не могу понять, не приемлю... О, эта упёртость, эта патриотическая, агрессивная гордость! Не по-христиански поступили члены Клуба, не по-пушкински, Александр Сергеевич, известно, призывал милость не только к падшим, но и к живым. Память услужливо подсказала давний укор Расула Гамзатова: “Так Лермонтов не смог бы поступить”. Затуманенные *паткультом* лелеют только свои, *паткультовские* чувства, а французы — этот, в их понимании, легкомысленный народ — не способны постичь глубин чуждой им национальной культуры.

Чуждая бывает только в неоформившемся или в затуманенном патриотизмом сознании. Мне близки мысли Бельгера из его дневниковых

записей: “Слишком *русский*, слишком *казахский*, слишком *немецкий* мне претит. Слишком национальное всегда на грани шовинизма... Мне неприятно, когда кто-нибудь назойливо выпячивает своё национальное. Есть в этом что-то постыдное... Что не общечеловечно, то и не национально”.

Культура сохраняет оболочку национального, но когда её нагружают патриотизмом, — оболочка превращается в занавес, который, мы помним, может быть железным. Неуёмные умы по сию пору пытаются обрядить культуру в одежду функциональности. По их мнению, культура должна работать на создание чего-то там такого. Вроде позитивный посыл, а разум не желает его принимать.

Ничего культура нам не должна. Наоборот, мы ей должны. Это единственный долг, от которого не следует избавляться, если мы желаем оставаться в человеческом обличье. Люди, кем бы они ни были, обязаны ей всем. В нормальном обществе приоритеты отдаются не политике, не экономике — а культуре, хотя она, по Канту, не имеет цели.

И слава Богу!

Попытка идеологов, наподобие Владимиров, придать культуре цель — скажем, воспитывать патриотичность или какую-либо иную идиотичность — заканчиваются конфузом, к примеру, сочинением графоманских виршей, их в школах заставляли заучивать наизусть: “На дубу высоком два сокола ясных вели разговор. Первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин...”. Постепенно маразм крепчал, идеология, подмяв под себя культуру, испаскудила, олживила всё и вся: пять принципов социалистического реализма обесчеловечили литературу, партийность обесчеловечила историю, сплошная критика буржуазных течений обесчеловечила философию, а кинематограф, сосредоточившись на производственной теме, делал такие фильмы, что кинотеатры пустовали.

Такая уха получается из тезиса Владимиров.

Об ухе я обмолвился с подачи В. В., который поговорку народного артиста СССР Диордиева: “И-эх! Вот тебе, брат, после стерляжьей ухи, да пустые щи!” — относит к моим книжкам. Слов нет, образ у Евгения Яковлевича зримый, вкусный, только подан он Владимировым необдуманно, второпях. Дело в том, что по уважительной причине Диордиев не мог прочитать мою повесть “Поговори мне о себе”: умер задолго до публикации её в “Просторе”. А вот писания В. В., художественные и критические, артист читать мог...

Владимирову нужно было привести высказывание другого театрального человека, заслуженного деятеля искусств России и Казахстана Преображенского, в прошлом главного режиссёра алматинского ТЮЗа, к тому же обладателя лучшей Пушкинианы в Алма-Ате, а может быть, и в стране — прочитав “Поговори мне о себе”, Борис Николаевич сказал в интервью “Казахстанской правде”: “Удивительная книжка появилась Константина Гайворонского. Он всё советское пушкиноведение перевернул” (12. 12. 1998).

Завершая свои заметки, В. В. спрашивает: “Можно ли на этом считать разговор законченным?” — и сам себе отвечает: “Конечно же, нет и ещё раз нет”.

А, по-моему, можно.

Владимиров убедительно и достаточно полно показал уровень своего критического мышления, напомнив читающему и пишущему люду, что слово не обманешь, — вот такая клаузула.

Март 2007.

К сведению читателей

Комментарий к заметкам К. Гайворонского

Откровенно признаться, мне очень не хотелось писать этот комментарий, но, как говорится, нужда заставила взяться за дело, чтобы расставить точки над *i*, вернее, над *ё*.

Полемические заметки Владислава Владимировича “По следам Сциллы и Харибды, или Какой нам нужен Пушкин?” были напечатаны в апрельской и майской книжках “Нивы” за 2006 год. И по неписанным правилам давать ответ критикуемому автору спустя столь длительное время не принято. И всё же эта публикация увидела свет.

Дело в том, что в период моего нахождения в Алматы, куда я приезжал на очередной съезд писателей Казахстана, а именно 7 июня 2007 года, меня разыскал по телефону Константин Гайворонский и попросил найти время для встречи с ним. В условленный час мы встретились, и в присутствии Константина Константиновича я бегло прочитал его “Неполемические заметки”. С К. Гайворонским я знаком с тех пор, когда он работал корреспондентом в редакции газеты “Целиноградская правда”. Впоследствии мы тоже изредка виделись, отношения между нами были вполне благожелательными, можно сказать, приятельскими.

Константин Константинович пояснил, что предлагал “Этическую невменяемость” журналу “Простор”, но там по каким-то причинам взять статью отказались. И у него, чтобы увидеть свой труд опубликованным, нет иного выхода, как обратиться ко мне.

“Несмотря на то, что в статье есть недоброжелательные выпады в адрес “Нивы” и мой?” — уточнил я.

“Да, — ответил К. Гайворонский. — Но кое-что по своему усмотрению ты можешь убрать”.

Вообще-то редакция имеет полное право отклонить то или иное произведение, если оно по каким-то соображениям её не устраивает. И никто не может заставить публиковать то, что редакции не подходит. Так что я вполне мог отказать Константину Константиновичу, как это сделал “Простор”.

Однако и К. Гайворонский, чьи творения подверглись критическому разбору, тоже хочет быть услышанным, он, в общем-то, вправе претендовать на то, чтобы его ответные возражения были напечатаны именно в “Ниве”, где увидела свет статья В. Владимировича, поскольку обратиться ему больше некуда.

“Хорошо, — согласился я. — Только до конца года поместить твою объёмистую статью я не смогу — редакционный портфель переполнен, все номера “Нивы” спланированы по декабрь включительно, поэтому можно рассчитывать лишь на начало 2008 года. При условии, если журнал будет выходить”.

“А вдруг получится раньше?” — не отступал Константин Константинович.

“Вряд ли. На всякий случай позвони мне месяца через три”.

Вот такой диалог состоялся между нами в тот июньский день.

Позвонил он в середине сентября, поинтересовался судьбой своего материала. Я ответил, что поставлю его в первый номер 2008 года.

Статья К. Гайворонского опубликована практически полностью, мною лишь убрано несколько абзацев и предложений, на которые я и обратил внимание К. К. при беседе с ним. В том числе вычеркнута фраза о том, что “Владимир Романович, опубликовав заметки В. В., надо полагать, разделяет его оценки моим текстам”, поскольку это не соответствует действительности. Редакция на последней странице каждого номера неустанно напоминает: “Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции”. Если бы мы публиковали только те работы авторов, с выводами и суждениями которых редакция полностью согласна, то многие материалы, напечатанные в “Ниве”, не были бы помещены в журнале, в том числе и статья В. Владимирова “По следам Сциллы и Харибды, или Какой нам нужен Пушкин?”, и эти довольно пространственные заметки К. Гайворонского, так как и в той и другой публикациях есть определённые фразы, умозаключения и выражения, справедливость которых вызывает большие сомнения. Однако автор вправе высказать то, что считает нужным.

Итак, несколько замечаний по поводу данной публикации.

К. Гайворонский поясняет: “Затевая работу над ними (то есть над заметками. — В. Г.), я решил по возможности обуздать эмоции, не препираться с В. В. — вряд ли можно в чём-то переубедить человека в почтенном возрасте”.

К сожалению, свои эмоции он не обуздал. И хотя дал статье подзаголовок “Неполемические заметки”, однако на самом деле, как мне кажется, верх взяло уязвлённое авторское самолюбие, и К. Гайворонский дал волю оскорблённым чувствам, забыв о благих намерениях, в своём “ответе Чемберлену” то и дело старается побольнее ужалить, поддеть, унижить “зарвавшегося” критика.

Оскорбительный для него смысл несёт уже название статьи — “Этическая невменяемость”. И далее на одной из страниц К. Гайворонский исследует “исток этической и литературной невменяемости В. Владимирова”. Невменяемость же — как трактует значение этого слова энциклопедический словарь — “неспособность лица вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния отдавать себе отчёт в своих действиях или руководить ими”. Или это “асимметричный” ответ критику, в полемическом запале снабдившему нейтральное слово “призыв” неуместным эпитетом “олигофренический”? Другими, более понятными словами, — сам дурак?

Уважаемому Константину Константиновичу мало обвинения В. Владимирова в “этической невменяемости”, он и далее в своей инвективе пытается пригвоздить его к позорному столбу, можно сказать, выносит приговор: “Критик велеречив, демагогичен, но не аналитичен”, “Ничего путного критик не пишет, поскольку не имеет надлежащей подготовки”, “словесная шелуха, источаемая В. В., свидетельствует об уровне культуры критика и издания, которое его печатает” (“Ниве”, как видите, тоже досталось).

Неоднократно К. Гайворонский в уничижительном смысле ссылается на почтенный возраст Владислава Васильевича, хотя сам Константин Константинович лишь на несколько лет моложе Владимирова. В народе же мудро говорится: “Быль молодцу не в укор”. Думаю, так можно сказать и о возрасте. А воспитанный человек никогда не станет подтрунивать, а

тем более глумиться по поводу возраста кого бы то ни было, даже своего недруга.

Иронизирует К. Гайворонский и над внешним видом В. Владимиров, “отказавшегося от костюма и галстука” (далее отсылаю читателей к началу второй главы. — В. Г.). Но ведь и сам Константин Константинович, работая когда-то в аппарате ЦК партии, тоже ходил застёгнутым на все пуговицы, а не в джинсах, футболке и сандалиях на босу ногу.

Несколько раз К. Гайворонский упоминает и меня, причём тоже в недоброжелательном контексте.

Я не могу запретить кому-либо писать обо мне или упоминать моё имя в тех или иных публикациях, даже если они идут в “Ниве”. Авторы поступают так не из желания угодить мне, а потому, что я имею непосредственное отношение к происходящему в Казахстане современному литературному процессу, являюсь участником тех или иных общественно значимых событий. Так что? Мне из ложной скромности вычёркивать каждое упоминание моего имени? Так можно собственноручно вычеркнуть себя и из литературы.

Угораздило же В. Владимиров, поведавшего историю своего знакомства с И. Дедковым, назвать меня в числе членов писательской делегации, выезжавшей в декабре 1986 года в Костромскую область на празднование 80-летнего юбилея Сергея Николаевича Маркова, что дало повод К. Гайворонскому зацепиться и за это. Однако поясню: мы с В. Владимировым были включены Союзом писателей СССР от Казахстана в состав комиссии по литературному наследию видного писателя, учёного, исследователя С. Н. Маркова, жизнью и творчеством связанного с нашей республикой, вот и стали участниками юбилейных торжеств, проходивших в Костромской области и Москве. Кстати, именно тогда я впервые встретился с В. Владимировым, именно я и свёл Владислава Васильевича с критиком Игорем Дедковым, с которым автор этих строк познакомился ещё в 1977 году, когда некоторое время находился в Костроме. И упоминание В. Владимировым моего имени в данном случае вполне правомерно.

К чести К. Гайворонского, он не скрывает своего партийного прошлого, хотя я и не вижу причины стыдиться этого. Но вот его отношение к советскому времени вызывает чувство огорчения и протеста. Ныне только ленивый не бросает камни в наше общее минувшее. Да, история советского периода неоднозначна и противоречива. Но рисовать её исключительно в мрачных тонах, без каких-либо просветов, как это делает Константин Константинович, по моему мнению, несправедливо. К тому же сам он в своём советском прошлом, которое с таким усердием, не стесняясь хлёстких выражений, клянёт, ряд лет входил в число партийно-политических работников республиканского масштаба, то есть был не последней спицей в колеснице, не простым регистратором писем. Следовательно, был замечен и отмечен. Как известно, на должности в партийном аппарате подбирали людей хорошо зарекомендовавших себя, проверенных, в том числе и соответствующими службами. Подбору и расстановке партийных кадров придавалось первостепенное значение (хотя порой случались и проколы). И являясь инструктором ЦК Компартии Казахстана, К. Гайворонский, стало быть, тоже инспектировал, направлял, проводил в жизнь, в массы, как он выражается, “партийную, чугунную идеологию”, которая, говоря его словами,

была “прямолинейна и бездарна, назойлива и обременительна, рассчитана на простаков”, был одним из активных голосов в “пропагандистском оре о долге и борьбе”, творил “идеологическое мракобесие”, то есть сам относился — неудобно даже повторять — к “политической шпане”?

Я вовсе не попрекаю Константина Константиновича его партийным прошлым (с моей точки зрения, партийными работниками в подавляющем большинстве были люди порядочные, честные, умные, талантливые, уважаемые народом), а просто напоминаю ему, что и он сам принадлежал к той руководящей направляющей силе, которую обвинил во всех смертных грехах.

Скромно умолчав о себе, К. Гайворонский вдосталь поизмывался и над партийным прошлым В. Владимиров.

Я не касаюсь конкретных разногласий между В. Владимировым и К. Гайворонским по поводу статьи “По следам Сциллы и Харибды, или Какой нам нужен Пушкин?”. Наверное, в каких-то своих возражениях К. Гайворонский прав, в каких-то неубедителен. Я далёк от мысли выступать и в роли защитника В. Владимирова — известный критик, как бы ни пытался его принизить и унижить К. Гайворонский — в адвокатах не нуждается.

Но вот что не могу не заметить: критика, конечно, не мёд, любому автору похвала как бальзам на душу, а высказанные нелицеприятные критические замечания хуже горькой редьки, нередко вызывают не только обиду, но и гнев. Это наглядно демонстрирует К. Гайворонский в “Этической невменяемости”. Одобрительные отзывы о своих книгах он цитирует с удовольствием, а вот иное мнение, пусть даже в чём-то и субъективное, с перехлёстом, для него как нож в сердце. И если каждая критическая статья будет вызывать резкую отповедь обиженного автора, то что же это получится? К чему приведёт? У нас и так в литературе острых аргументированных критических статей раз-два и обчёлся. Но если появление очередной — весьма редкой — критической статьи будет вызывать гневные филиппики рецензируемых авторов, то этот скудный ручеек и вовсе иссякнет. Прочитает критик новую книгу, к примеру, того же К. Гайворонского, подумает-подумает, да и махнёт рукой: “Есть, конечно, много интересного, яркого, познавательного, но и без погрешностей не обошлось. А как об этом скажешь? Автор наверняка обидится, возмутится, в ответной статье обзовёт неучем, бескультурным, не имеющим надлежащей подготовки. Нет, лучше не связываться”.

В данном же случае напрашивается вывод: К. Гайворонского критиковать нельзя. Его следует только хвалить. Ему по душе примерно такие высказывания: “Он всё советское пушкиноведение перевернул”.

Хотя “перевернуть” тоже можно по-разному. Во благо и во вред. В положительном значении этого слова и в негативном.

Владимир ГУНДАРЕВ.

P. S.

Костя! Я своё обещание выполнил. Твои “Неполемические заметки” опубликовал.

P. P. S.

Написал я этот комментарий и запасаюсь: а вдруг и на него Константин Константинович пришлёт гневный ответ? Мало не покажется...

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

“Писать, проверяя вечностью...”

*“... Так мы будем стоять,
Мы, высокие, будем стоять!”*

Олжас Сулейменов

Художник — всегда Личность. Таким был и останется для нас удивительный человек по имени Шаймардан Сариев (1937—1988).

Родом из Западного Казахстана, благословенной земли, где контрасты зноя и холода рождают звонкие краски природы. Где пустынные песчаные ландшафты перемежаются со струями морской стихии, где ветер степи бывает ласков и беспощаден, где как нигде сохраняется в людях устойчивое преданное чувство верности и любви к родной земле, к корням своим... Это земля, где граница меж Азией и Европой словно золотой струной проходит по сердцам всех живых существ. Может быть, потому выходцы из этого края столь щедро наделены недюжинными талантами и красотой — душевной, телесной и духовной — глубокой, тонкой, неповторимой.

Недавно исполнилось 70 лет со дня рождения Шаймардана, оставившего этот мир почти два десятилетия назад.

Время быстротечно и вечно. И оно драгоценными каплями жизнетворной веры возвращает нам сегодня утерянное было тепло, солнцу подобную палитру Сариева.

Кто он, художник Шаймардан Сариев?

Лучше всего об этом рассказывают его живописные полотна и графика. Персональная выставка прошла в сентябре минувшего года в стенах Государственного музея искусств им. А. Кастеева. Заметим, первая.

Её составляют живописные полотна и графические рисунки из собрания ГМИ и — в большинстве — работы из собственности вдовы Сариева. Их постоянное место пребывания — областной музей им. Ш. Сариева, созданный её усилиями. Здесь наследие художника бережно хранится земляками. Кульпаш Сариева, поразительной силы и душевной красоты человек, встретила с Шаймарданом в 1970-е годы, в самый сложный период его жизни.

К этому времени он, уже будучи известен и любим, признанный как талантливый художник и яркая фигура в казахской культуре, внезапно был отвергнут всеми. Свободолюбивый и открытый, он не умел и не хотел фальшивить, лицемерить, быть конформистом. И вызывал непонимание, осуждение, неприязнь своими попытками бунтарского сопротивления нарастающему давлению официоза. В итоге — исключение из Союза художников СССР.

Прежде были годы независимой и непростой жизни юноши, искавшего себя в работе шахтёром, радиотелеграфистом, токарем, при упорном,

никогда не оставляемом занятии творчеством, к которому тяготела душа. Начав учиться в Харьковском художественном институте, он вынужден был прервать учёбу, серьёзно заболев. Сам, без чьей-либо поддержки, одержимый идеей служения своему народу, он неукротимо стремился к своей мечте, зарабатывая на жизнь в других сферах деятельности.

Приехав в 1962 г. в Алма-Ату, начал интенсивно работать в художественно-производственных мастерских комбината “Онер”, показывать свои вещи на выставках в масштабах республики и Союза. Стал членом Союза художников СССР, обладателем множества грамот и почётных дипломов ЦК ЛКСМ Казахстана и ЦК ВЛКСМ.

Казалось бы, идиллическая ситуация, когда всё успешно и празднично. Учитывая, что именно в этот период ширилось и расцветало мощное движение “шестидесятников” — художников, музыкантов, поэтов, философов, теоретиков культуры...

Громко прозвучала идея национального самосознания, облетев мир и отозвавшись в сердцах и творчестве самых одарённых и ответственных за судьбы народа. Мурат Ауэзов, Олжас Сулейменов, Алан Медоев, Санжар Джандосов, Салихитдин Айтбаев, Тoleген Досмагамбетов, Мукагали Макатаев... Список много больше названных. Каждая фигура многозначна и пассионарна. И в этом созвездии ныне сияет имя Сариева самобытным и чистым пламенем.

А тогда, в 1971 году, он оказался не у дел, был лишён работы, мастерской, каких-либо перспектив. Но судьба распорядилась иначе. Встреча с Кульпаш оказалась началом новой жизни, возвращением веры в себя и в будущее. Уехав в Караганду, они вернулись через несколько лет в Алма-Ату. Уже подрастали дети. Вновь последовали выставки, работа в книжной иллюстрации (издательства “Жалын” и “Жазушы”). И — повторное принятие, возвращение в члены Союза художников. Через несколько дней — это случилось в 1988 году, уход из жизни.

Так что же оставил нам и всем грядущим потомкам Художник?

Обратимся к его картинам. “Бейбитшилик” (“Мир”) (1982) — это жаркое дыхание детской радости бытия, принятие мироздания с благодарностью и весельем. Так беспечно возлежит герой — весь из сверкающего охрой света — на родной земле — яркой, разноцветной, в перепадах солнечной, оранжево-синей и цвета нежной зелени палитры.

Наверное, это полотно, так напоминающее по духу и цвету “Танец” Матисса, можно назвать программным в творческой жизни художника. Пройдя через все испытания, он остался верен своей идее создания совершенного мира в человеке и для человека. Его девиз “Я не ищу, я нахожу” перекликается с утверждением Пикассо один к одному. Именно потому завораживающий мир мечты, потрясший зрителя в 60-х в “Портрете Турар” (1966), весь сотканный из мерцания солнца и луны, олицетворение женственности и любви, ставший символом сариевского искусства и идеалом женской красоты, вновь вспыхнул всеми красками радуги через два десятилетия. Поэтическая одухотворённость образа Турар рождает живую ассоциацию с музыкой, песней, очень напоминая героинь Модильяни. Та же мелодия любви и чистоты, душевной ясности и незащищённости. Но написал свою Турар наш казах, только начинаясь как художник. И теперь, читая мысли художника из его дневника, уже не удивляюсь, просто радуюсь. О работе над портретом он пишет:

“Проговаривая мысленно, писать под мелодию (песню)”.

А ведь он сам прекрасно пел и писал стихи. И далее:

“Писать, представляя живых людей (видеть правду с высоты, быть высоким).

Писать красками казахского языка.

Писать так, чтобы себе понравилось, никому не верить, как перед богом.

Проверять смертью.

Проверять выставкой.

Проверять как работу, написанную в 30 лет.

Проверять мечтой юности.

Что мне по душе.

В любое время, не теряя замысла, работать.

Писать, проверяя вечностью”.

Эти строки, подобные кодексу чести Художника, высвечивают с новой силой то, что, нося в душе, воплощал Шаймардан в композициях, начиная с полотен 1960-х годов. Он “лепит” крепкие, сильные, уверенные и полнокровные образы хозяев своей земли: “Мунайшылар” (“Разведчики недр”) (1976), “Кыздар” (“Девушки”) (1969), “Жибек” (1968), “Рыбаки Атырау” (1971). Крупным планом, близко к зрителю, на фоне горных панорам и степных раздолий возникают эти могучие, красивые, добрые дети земли казахской. Все — в гармонии и единстве. С собой и жизнью.

Знойно-счастливая палитра лета — лимонно-багряно-ультрамариновые аккорды — в натюрморте 1986 г. “Клюква и яблоки”. Это звонкое ощущение праздника жизни переходит в мягкую тональность пейзажа “Сарыжайлау”. Это — взгляд с небесной высоты на безбрежное высокогорье с одинокой юртой, сокровенная мечта о божественном величии природы и её детей, живущих в гармонии. Чистые, светозарные, плавные потоки розового, лилового, голубого с внезапным сиянием ослепительно-лимонного на глубоком синем...

Сариев плодотворен и поэтичен во всех жанрах. Главным же всегда остаётся человек. Обратите внимание, на каждом портрете мы смотрим прямо в глаза герою. Или он смотрит на нас?

В портретной галерее Шаймардана Сариева, и живописной, и графической, есть примеры особой душевной зоркости художника.

Это — “Ана” (“Мать”) (1987), воплощение трепетной и гордой нежности материнства. Это — “Скульптор Шанов” (1987), где герой дан в угловатых изломах пронзительно-жёсткого холодного колорита. И возникает “болевое поле” смятения и тревоги человека, болеющего судьбами своего народа и времени. Только что отзвучали кровавые события 1986 года.

Наконец, это — графический “Автопортрет” (1963 г.). Простым карандашом на скромном формате листа художник раскрывает нам своё состояние. Печально-напряжённый взгляд, взмах кисти, вопрошение — к себе ли? к Небу ли? к Судьбе? Всё — ожидание и порыв. С этого начинался большой художник. И, отмечая компромиссы и условности, лицемерие и ложь, прорываясь в своей искренности к чистоте духовного и земного мира, шёл к Правде. А она — одна. И потому, наверное, так светоносны и полны любви и веры его картины жизни. Все они — о своём народе, о родной казахской земле, о любви и счастье. Потому подобны музыке, вдохновенны и прекрасны, став достоянием нашей истории и гордостью Родины.

Илья ШУХОВ

Пародии и эпиграммы

Медвежья услуга

Там мохнатые бродят медведи,
По-медвежьи ручьи говорят...

Дм. Снегин

Раз, напившись крепкой медовухи,
Я забрёл куда-то в дикий лес.
Вдруг напала на меня проруха —
То медвежья началась болезнь.

Мой пример — для всякого наука.
Знай заране — вовсе бы не пил:
Сон сморил меня, и тут на ухо
Мне медведь, как видно, наступил.

Я проснулся, и свершилось чудо.
В жизни не слышал таких речей:
— Ну-ка, ты, вали скорей отсюда! —
По-медвежьи рявкнул мне ручей.

Только вспомню я событие это —
За бумагой, как шальной, лечу.
Не успею сесть — уже сонеты
По-медвежьи всё строчу, строчу...

Прогиб с перегибом

Я признаюсь принародно,
Сокровенно молвя: “Эх!”
Жизнь прогнёт кого угодно.
Смерть возвысит. Но не всех.

Константин Гайворонский

Хоть сей автор не из модных,
А прочтёшь — воскликнешь: “Ой!”
Он прогнёт кого угодно
философской глубиной.

Что там Фет? И что там Тютчев?
Восторгаться катит: “Ах!”
Гайворонский пишет лучше,
Всех оставив на бобах.

Тут и сравнивать-то скучно —
Планку выше поднимай!
Прочитал бы вирши Пушкин,
Потрясённо б крикнул: “Ай!”

Я ж без зависти и злости
Сокровенно молваю: “Ух!”
От твоих творений, Костя,
Аж захватывает дух!

Принародно не устану
Призывать я всех и вся:
Скинемся на пьедестал мы,
К небу Костю вознеся!

Момент истины

Мне приснился Президент.
Мы сидели рядом.
Я использовал момент —
Попросил награду.

Андрей Дементьев

Я награды получал
При социализме.
Рухнул он. И я помчал
Дальше от отчизны.

Ну, край новый, привечай
Пришлого поэта!
Только странно: промолчал
Он в ответ на это.

Возвратился я в Москву:
Помнит, не забыла.
И подумал наяву:
Тут мне лучше было!

Задремал однажды днём,
Погрузясь в нирвану.
Мнится: фрак мой, а на нём —
“Андрей Первозванный”!

Я проснулся в тот момент,
От смущенья красен..
Знать, не ведал Президент:
На медаль согласен.

Кто кого больше

Поэт в России — больше, чем поэт...

Евг. Евтушенко

Поэт в России — больше, чем поэт.
Художник тоже — больше, чем художник.
Брюнет в России — больше, чем брюнет.
Да и сапожник — больше, чем сапожник.

Кто афоризм родил? Конечно, он —
Эффектных поз, формулировок гений
Поэт — и больше, чем хамелеон —
Американский “сибиряк” Евгений.

Родился он на станции Зима,
Но на всю жизнь в Сибири не остался
И выбрал адрес выгодный весьма:
Ю-Эс, штат Оклахома, город Талса.

С тех пор летает он туда-сюда,
За доллары американцев учит.
А что с Россией сущая беда,
Его — большого — сей вопрос не мучит.

Количество и качество

Мёртвым нам не уйти, как живым,
от кровавого русского римства.

Евг. Евтушенко

Стихи его легко распознаёшь
По их нью-йоркскству, римству — по вселенскости.
Слова-мутанты в них всегда найдёшь,
В которых очень много евтушенскости.

И никуда от них нам не уйти,
Ни мёртвым, ни живым — забил всех начисто.
Да только видно, как там ни крути:
Количество не переходит в качество.

Резон Кобзона

Сказал на диспуте Кобзон —
И в этом есть большой резон:
Главой России должен русский
Быть, а не фармазон.

А быть кому главой культуры?
Преодолеть своей натуры
Тут наш Иосиф не сумел,
Хоть он решителен и смел.

И вынес он вердикт такой:
Культурой правит пусть... Швыдкой.

Пьецух и петух

Я настаиваю, что Горький —
посредственный литератор.

Вячеслав Пьецух

Почитал я Пьецуха.
Что ж, статейка неплоха.
Только — есть одна строка,
Где пустил он петуха.

Хоть историк был Пьецух,
Видно, было недосуг
Классиков читать ему:
Стать хотелось самому.

Начал он писать в эссе,
Будто классики не все,
Мол, достойны похвалы.
Впору выдать им хулы!

Чтобы славу заслужить,
Стал он всех подряд пушить,
Не жалея никого,
А всех пуще — Горького.

Тот, по мнению Пьецуха,
Лишь посредственность... Ха-ха!
Жаль, не ведает Максим,
Кто Пьецух-то рядом с ним!

Разговор с классиком

Повстречались с Фёдором Михалычем.
Он был пешим, я — на "Шевроле".

О. Колесин

Допоздна читал я Достоевского.
И потом пригрезилось во сне,
Будто в джипе еду я по Невскому,
А он — чинно шляпой машет мне.

Я опешил, опознавши классика.
Бог сподобил встретиться вдруг с ним!
Слышу, предлагает мне: вылезьте-ка
И давайте, мол, поговорим.

В голове мелькнуло: ни фига себе!
Что ему толкового скажу?
С мировым беседовать вам классиком —
Не с соседом ведь по гаражу!

С тем-то просто — всё давно знакомое:
Техосмотр, налоги да долги.
А с колоссом говорить... Ох, ё-моё!
Пресвятая мать, помоги!

Тут слова я вспомнил князя Мышкина,
Будто мир спасёт наш красота,
Да и ляпнул автору сей книжки: мол,
Те слова — полнейшая туфта!..

Угостил я Фёдора Михалыча,
Сам не помышляя о таком.
И — поехал. Он мне вслед махал ещё —
То ли шляпой, то ли кулаком.

г. Алматы.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 10.11.2007 г.

Подписано к печати 10.12.2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 6434

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.